

ISSN 2072-8514

ISSN (online) 2310-7235



Вестник

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ
НАУКИ

2016 / № 2

1931

МОПИ - МПУ - МГОУ

2016



развитие с опорой на традицию

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8514

2016 / № 2

ISSN (online) 2310-7235

серия

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал основан в 1998 г.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета» (серия «Психологические науки») включён в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание учёной степени доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по психологическим наукам (19.00.00).

The academic journal is established in 1998

«Bulletin of Moscow State Regional University». Series: «Psychology» is included into the "List of Reviewed Academic Periodicals and Editions where scientific results of a doctoral thesis or a Ph.D. thesis should be published" (List of the Higher Certification Committee) on Psychology (19.00.00). (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russia).

ISSN 2072-8514

2016 / № 2

ISSN (online) 2310-7235

series

PSYCHOLOGY

BULLETIN OF THE MOSCOW STATE
REGIONAL UNIVERSITY

Учредитель журнала «Вестник МГОУ»: Московский государственный областной университет

Выходит 4 раза в год

Редакционно-издательский совет «Вестника МГОУ»

Хроменков П.Н. — к.филол.н., проф., ректор Московского государственного областного университета (председатель совета)

Ефремова Е.С. — к. филол. н., начальник Информационно-издательского управления (зам. председателя)

Клычников В.М. — к.ю.н., к.и.н., проф., проректор по учебной работе и международному сотрудничеству Московского государственного областного университета (зам. председателя)

Антонова Л.Н. — д.пед.н., академик РАО, Комитет Совета Федерации по науке, образованию и культуре

Асмолов А.Г. — д.псх.н., проф., академик РАО, директор Федерального института развития образования

Климов С.Н. — д.ф.н., проф., Московский государственный университет путей сообщения (МИИТ)

Клубуков Е.В. — д.филол.н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова

Манойло А.В. — д.пол.н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова

Новоселов А.Л. — д.э.н., проф., Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

Пасечник В.В. — д.пед.н., проф., Московский государственный областной университет

Поляков Ю.М. — к. филол. н., главный редактор «Литературной газеты»

Рюмцев Е.И. — д.ф.м.н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

Хухуни Г.Т. — д.филол.н., проф., Московский государственный областной университет

Чистякова С.Н. — д. пед. н., проф., член-корр. РАО

Редакционная коллегия серии «Психологические науки»

Ответственный редактор серии:

Шульга Т.И. — д.псх.н., проф., МГОУ

Заместитель ответственного редактора серии:

Климова Е.М. — к.псх.н., МГОУ

Ответственный секретарь:

Филинкова Е.Б. — к.псх.н., доцент, МГОУ

Члены редакционной коллегии серии:

Иванников В.А. — д.псх.н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова

Карри К. — д.псх.н., Православный институт Святого Иоанна Богослова

Марцинковская Т.Д. — д.псх.н., проф., Психологический институт РАО (г. Москва)

Митина Л.М. — д.псх.н., проф., Психологический институт РАО

Овсяник О.А. — д.псх.н., доц., МГОУ

Резванцева М.О. — к.псх.н., проф., МГОУ

Утлик Э.П. — д.псх.н., проф., МГОУ

Фирсов М.В. — д.и.н., проф., МГОУ

Шнейдер Л.Б. — д.псх.н., проф., Московский психологический социальный институт

ISSN 2072-8514

ISSN (online) 2310-7235

Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Психологические науки». 2016. № 2. М.: ИИУ МГОУ. 124 с.

Журнал «Вестник МГОУ» серия «Психологические науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-26137.

Индекс серии «Психологические науки»

по Объединенному каталогу «Пресса России» 40717

© МГОУ, 2016.

© Издательство МГОУ, 2016.

Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru)

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника МГОУ» обязательна. Воспроизведение материалов в печатных, электронных или иных изданиях без разрешения редакции запрещено. Опубликованные в журнале материалы могут использоваться только в некоммерческих целях. Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии серии может не совпадать с точкой зрения автора. Рукописи не возвращаются.

**Адрес Отдела по изданию научного журнала
«Вестник МГОУ»**

г. Москва, ул. Радио, д.10а, офис 98

тел. (499) 261-43-41; (495) 723-56-31;

e-mail: vest_mgou@mail.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

Founder of journal «Bulletin of the MSRU»: Moscow State Regional University

————— Issued 4 times a year —————

Series editorial board «Psychology»

Editor-in-chief:

T.I. Shul'ga – Doctor of Psychology, Professor, MSRU

Deputy editor-in-chief:

Y.M. Klimova – Ph.D. in Psychology, MSRU

Executive secretary:

Y.B. Filinkova – Ph.D. in Psychology, Associate Professor, MSRU

Members of Editorial Board:

V.A. Ivannikov – Doctor of Psychology, Professor, Lomonosov Moscow State University

Ch. Currie – Ph. D in Psychology, Orthodox Institute of Saint John the Divine

T.D. Martsinkovskaya – Doctor of Psychology, Professor Psychological Institute, RAE (Moscow)

Mitina L.M. – Doctor of Psychology, Professor, Psychological Institute, RAE (Moscow)

O.A. Ovsyanik – Doctor of Psychology, Associate Professor, MSRU

M.O. Rezvantseva – Ph.D. in Psychology, Professor, MSRU

E.P. Utlik – Doctor of History, Professor, MSRU

M.V. Firsov – Doctor of History, Professor, MSRU

L.B. Shneider – Doctor of Psychology, Professor, Moscow Psychology-Social Institute

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), as well as at the site of the Moscow State Regional University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow State Regional University» is obligatory. The reproduction of materials in printed, electronic or other editions without the Editorial Board permission, is forbidden. The materials published in the journal are for non-commercial use only. The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author. Manuscripts are not returned.

The Editorial Board address:

Moscow State Regional University

10a Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (499) 261-43-41; (495) 723-56-31

e-mail: vest_mgou@mail.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

Publishing council «Bulletin of the MSRU»

P.N. Khromenkov – Ph. D. in Philology, Professor, Rector of MSRU (Chairman of the Council)

E.S. Yefremova – Ph. D. in Philology, Head of Information and Publishing Department (Vice-Chairman of the Council)

V.M. Klychnikov – Ph.D. in Law, Ph. D. in History, Professor, Vice-Principal for academic work and international cooperation of MSRU (Vice-Chairman of the Council)

L.N. Antonova – Doctor of Pedagogics, Member of the Russian Academy of Education, The Council of the Federation Committee on Science, Education and Culture

A.G. Asmolov – Doctor of Psychology, Professor, Member of the Russian Academy of Education, Principal of the Federal Institute of Development of Education

S.N. Klimov – Doctor of Philosophy, Professor, Moscow State University of Railway Engineering

E.V. Klobukov – Doctor of Philology, Professor, Lomonosov Moscow State University

A.V. Manoylo – Doctor of Political Science, Professor, Lomonosov Moscow State University

A.L. Novosjolov – Doctor of Economics, Professor, Plekhanov Russian University of Economics

V.V. Pasechnik – Doctor of Pedagogics, Professor, MSRU

Yu. M. Polyakov – Ph.D. in Philology, Editor-in-chief of "Literaturnaya Gazeta"

E.I. Rjuntsev – Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Saint Petersburg State University

G. T. Khukhuni – Doctor of Philology, Professor, MSRU

S.N. Chistyakova – Doctor of Pedagogics, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Education

ISSN 2072-8514

ISSN (online) 2310-7235

Bulletin of the Moscow State Regional University. Series «Psychology». 2016. № 2. M.: MSRU Publishing house. 124 p.

The series «Psychology» of the Bulletin of the Moscow State Regional University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № 0077-26137.

Index series «Psychology» according to the union catalog «Press of Russia» 40717

© MSRU, 2016.

© MSRU Publishing house, 2016.

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

<i>Базылевич Т.Ф.</i> СУЩЕСТВУЮТ ЛИ В СОВРЕМЕННОМ ЧЕЛОВЕКОЗНАНИИ ПРОБЛЕМЫ ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНОЙ ПСИХОФИЗИОЛОГИИ?	6
<i>Красавцева Ю.В., Корнилова Т.В.</i> СВОЙСТВА ТЕМНОЙ ТРИАДЫ В РЕГУЛЯЦИИ СТРАТЕГИЙ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ИГРОВОЙ ЗАДАЧИ АЙОВА – IGT)	22
<i>Осницкий А.К., Истомина С.В.</i> РОЛЬ ОПЕРАЦИОНАЛЬНОГО КОМПОНЕНТА РЕГУЛЯТОРНОГО ОПЫТА В СТАНОВЛЕНИИ СУБЪЕКТНОГО ОТНОШЕНИЯ К ТРУДУ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ СТАРШЕКЛАССНИКОВ.....	34

РАЗДЕЛ II. СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

<i>Алдашева А.А., Рунец О.В.</i> РОЛЬ ДОВЕРИЯ ПРОФЕССИОНАЛА К СЕБЕ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФЕЛЬДШЕРА СКОРОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ	42
<i>Дробышева Т.В.</i> ДЕТЕРМИНАНТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ ЛИЧНОСТИ НА ЭТАПЕ ПЕРВИЧНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ: СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ	54
<i>Кузин Е.Д.</i> МНОГОМЕРНАЯ МОДЕЛЬ ГЕНДЕРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ РОЛЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ В СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЯХ.....	62
<i>Пронина А.Н., Мартынова Л.Н.</i> ИССЛЕДОВАНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ОТЗЫВЧИВОСТИ В ПРОЦЕССЕ СОЦИАЛИЗАЦИИ-ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ У ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА, ОСТАВИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ	71
<i>Ташимова Ф.С., Ризулла А.Р., Баймолдина Л.О., Аманжанова Г.Б.</i> ВЛИЯНИЕ ПРЕДСТАВЛЕННОСТИ РОДИТЕЛЕЙ В НЕПОЛНОЙ СЕМЬЕ НА СТИЛЬ СОВЛАДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ ДЕТЕЙ	78

РАЗДЕЛ III. ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА

<i>Алеевская М.М., Ананьева О.А.</i> ОСОБЕННОСТИ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РАЗНЫХ ПРОФЕССИЙ	92
<i>Утлик Э.П.</i> ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РЫНКА ТРУДА.....	104

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Шульга Т.И.</i> ОБЗОР МОСКОВСКОГО МЕЖДУНАРОДНОГО САЛОНА ОБРАЗОВАНИЯ МИНИСТЕРСТВА ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	117
---	-----

CONTENTS

SECTION I. GENERAL PSYCHOLOGY

<i>T. Bazylevitch.</i> ARE THERE ANY PROBLEMS OF DIFFERENTIAL PSYCHOPHYSIOLOGY IN MODERN HUMAN STUDY?	6
<i>Y. Krasavtseva, T. Kornilova.</i> THE DARK TRIAD TRAITS IN THE REGULATION OF DECISION-MAKING STRATEGIES	22
<i>A. Osnicki, S. Istomina.</i> THE ROLE OF THE OPERATIONAL COMPONENT OF REGULATORY EXPERIENCE IN THE DEVELOPMENT OF THE SUBJECTIVE ATTITUDE TO WORK AND PROFESSIONAL SELF-DETERMINATION OF SENIOR PUPILS	34

SECTION II. SOCIAL PSYCHOLOGY

<i>A. Aldasheva, O. Runets.</i> ROLE OF TRUST OF THE PROFESSIONAL TO ITSELF IN ACTIVITY OF THE PARAMEDIC OF THE EMERGENCY MEDICAL SERVICE	42
<i>T. Drobysheva.</i> DETERMINANTS OF ECONOMIC CONSCIOUSNESS OF PERSON AT PRIMARY ECONOMIC SOCIALIZATION: STATE PROBLEM OF RESEARCH	54
<i>Y.D. Kuzin.</i> MULTIDIMENSIONAL MODEL OF GENDER FEATURES OF ROLE BEHAVIOR IN FAMILY RELATIONS	62
<i>A. Pronina, L. Martynova.</i> THE STUDY OF EMOTIONAL RESPONSIVENESS IN THE PROCESS OF SOCIALIZATION-INDIVIDUALIZATION OF CHILDREN OF PRESCHOOL AGE LEFT WITHOUT PARENTAL CARE	71
<i>F. Tashimova, A. Rizulla, L. Baymoldina, G. Amanzhanova.</i> THE IMPACT OF PASENTS' REFLECTION ON CHILDREN'S COPING BEHAVIOR IN SINGLE PARENT FAMILY	78

SECTION III. LABOR PSYCHOLOGY, HUMAN ENGINEERING, ERGONOMICS

<i>M. Alejevskaya, O. Ananeva.</i> FEATURES OF THE VALUE ORIENTATION OF THE REPRESENTATIVES OF THE DIFFERENT PROFESSIONS	92
<i>E. Utlik.</i> PSYCHOLOGICAL ANALYSIS OF THE LABOUR MARKET	104

THE SCIENTIFIC LIFE

<i>T. Shulga.</i> REVIEW OF MOSCOW INTERNATIONAL EDUCATION SALON OF THE MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF THE RUSSIAN FEDERATION	117
---	-----

РАЗДЕЛ I. ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 612:159.9; 576

DOI: 10.18384/2310-7235-2016-2-6-21

СУЩЕСТВУЮТ ЛИ В СОВРЕМЕННОМ ЧЕЛОВЕКОЗНАНИИ ПРОБЛЕМЫ ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНОЙ ПСИХОФИЗИОЛОГИИ?¹

Базылевич Т.Ф.

*Московский государственный университет технологий и управления имени Г.К. Разумовского
109004, г. Москва, ул. Земляной Вал, д. 73, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена вопросам проблем дифференциальной психофизиологии в современном человекознании. Автор исследует данную проблему в историческом аспекте, высказывает свое мнение о необходимости с позиции современных взглядов психологов рассмотреть дифференциальную психологию. Дифференциальная психофизиология и ее «смежные» отрасли – дифференциальная психология, генетическая психофизиология, психогенетика, психология целостной индивидуальности, экологическая психология индивидуальности, дифференциальная акмеология – до сих пор многими специалистами ошибочно воспринимается как физиология, не имеющая отношения к открытию фундаментальных законов психики. В результате сфера индивидуальных различий и в целом индивидуальности стала «золушкой» в психологии. Современная широта развернутых работ однозначно доказывает краеугольность проблематики индивидуальных особенностей для науки и практики и важность дифференциально-психофизиологического ракурса проработки постоянно встающих многочисленных проблем.

Ключевые слова: акмеология, генетическая психология, психогенетика, индивидуальность, дифференциальная психология.

ARE THERE ANY PROBLEMS OF DIFFERENTIAL PSYCHOPHYSIOLOGY IN MODERN HUMAN STUDY?

T. Bazylevitch

*Moscow State University of Technologies and Management named after K.G. Razumovskiy
73, Zemlyanoi val st., Moscow, 109004, the Russian Federation*

Abstract. The article deals with the problems of differential psychophysiology in modern human study. The author studies this problem in the historical aspect and expresses her personal point of view on the necessity to scrutinize differential psychophysiology from the standpoint

¹ Статья является приглашением к дискуссии по проблеме современной психофизиологии.
© Базылевич Т.Ф., 2016.

of modern psychologists. Differential psychophysiology and its “related branches” – differential psychology, genetic psychophysiology, psychogenetics, psychology of holistic individuality, ecological psychology of individuality, differential acmeology – have been still mistakenly taken as physiology and unrelated to any fundamental psychology laws. As a result, the sphere of individual differences, and of individuality in the whole, has become a step child of psychology. Modern scientific research unambiguously proves the problem of individual specificities to be a cornerstone for science and practice. Besides, the importance of working through numerous problems under the slant of differential psychology has become obvious.

Key words: acmeology, genetic psychology, psychogenetics, individuality, differential psychology.

Вопрос, поставленный в названии статьи, кому-то покажется надуманным или риторическим, для кого-то – имеющим только положительный или только отрицательный ответ, для кого-то неожиданным, поскольку такого направления в науке он не знает или же считает данное направление не существенным для развития современной психологии.

При всей очевидности кардинального значения дифференциальной психофизиологии в познании типологического радикала индивидуальных различий, при их главенствующей роли в «сколь угодно важных особенностях человека» продвижение даже в их объективной оценке имело непростую историю [8; 23; 24; 25].

Дифференциальная психофизиология и ее «смежные» отрасли – дифференциальная психология, генетическая психофизиология, психогенетика, психология целостной индивидуальности, экологическая психология индивидуальности, дифференциальная акмеология – до сих пор идеологизированными специалистами ошибочно воспринимается как физиология, не имеющая отношения к открытию фундаментальных законов психики. В результате – эти разделы психологии в стереотипах идеологизированного мышления становятся похожими на

улыбку чиширского кота: все знают, что она есть, но полагают, что ее нет.

Истоки иллюзорных околонаучных догм о рациональности «вынесения за скобки» очевидного типологического своеобразия для нивелирования «индивидуальной разбросов» в эксперименте – долговременный идеологический прессинг на советскую психологию. Тогда, по выражению М. Ярошевского, политики, физиологи диктовали психологам, что изучать, какими методами изучать и к какому выводу приходить. Стереотипы обыденного мышления постулировали безграничные возможности развития психики при регулирующей роли воспитания, образования, среды (и трудовых коллективов). Как отмечал К. Абишев [1], человек имеет только одну базальную способность – непрерывно развиваться в направлении требований идеала коммунистической личности. В результате, сфера индивидуальных различий и, в целом, индивидуальности стала «золушкой» в советской психологии [2; 3; 12].

Шаги к возрождению дифференциальной психофизиологии (наряду с дифференциальной психологией и психогенетикой) инициированы Министерством образования. В то время замминистром В.Д. Шадриковым по данному вопросу была создана спе-

циальная комиссия, подчеркнувшая очевидные трудности развития дифференциальных дисциплин и вместе с тем их актуальность для развития теории, эксперимента и практической реализации фундаментальных законов психологии. В.Д. Шадриков подчеркивал, что новым объектом дифференциальной психологии и психофизиологии становится индивидуальность (которая всегда целостна и, следовательно, адекватным средством познания которой должен стать системный подход) [11; 17; 18].

Прошло время иллюзорных представлений о широких возможностях «подгонки» разных людей под единый стандартный образец, задаваемый так называемыми «требованиями» деятельности. Не оправдали себя бытовавшие в общественном сознании стереотипы околонучного мышления, представляющие воспитание как преодоление индивидуального своеобразия человека. Напротив, в современном мире существующее разнообразие индивидуальностей рассматривается как бесценное богатство общества, понимая, что любая общепсихологическая закономерность свое реальное воплощение получает в индивидуально-модифицированных формах. Здесь в полной мере проявляется психологический закон о преломлении «внешних причин» через «внутренние условия» взаимодействия человека с его специфической средой (А.В. Брушлинский [21] и др.), в котором важное значение имеют индивидуально-стабильные, конституциональные, природные, генотипические свойства человека, изучаемые дифференциальной психофизиологией. При этом психофизиологический уро-

вень субъектно-объектного взаимодействия является референтным для создания своеобразия структуры индивидуальности. Данный уровень обладает выраженными кумулятивными свойствами, интегрируя особенности, идущие из прошлого в настоящее с перспективой на будущее. В современном мире существующее разнообразие индивидуальностей рассматривается как бесценное богатство общества.

Научные приоритеты в последнее десятилетие под давлением фактов резко изменились. Индивидуальными особенностями стали заниматься повсеместно. Каждый исследователь в любой области психологии – будь то восприятие, ощущение, память, внимание, интеллект, темперамент, способности и т.д. – непременно в своей узкой сфере занимается дизъюнктивно отчленяемыми «мозаичными» индивидуальными особенностями. (Забегая вперед, отметим: в который уже раз наталкиваясь на «тупики» в познании, совершая те же ошибки, через которые прошла классика типологических исследований). Вместе с тем широта развернутых работ – хотя они и не претендуют на принадлежность к дифференциальной психофизиологии – однозначно доказывает краеугольность проблематики индивидуальных особенностей для науки и практики и важность дифференциально-психофизиологического ракурса проработки постоянно встающих многочисленных проблем, требующих во многом утраченного профессионального подхода.

В этой связи знания о законах дифференциальной психофизиологии в их связи со своеобразностью структуры целостной индивидуальности при-

обретают особую значимость в плане решения таких остроактуальных проблем, как индивидуализация обучения школьника и становления профессионала, экологически оптимальное «сопряжение» взаимодействий человека с техникой и другими людьми, типологические предикторы фиксации и психокоррекции нарко- и алкогольной зависимости, научная обоснованность ориентации на психологическую безопасность индивидуальности в ходе профотбора, профподбора и расстановки кадров, индивидуальный подход к пациентам в клинике и в психотерапии, в профилактике и реабилитации психосоматических расстройств.

В ходе решения широкомасштабных государственных задач современное человекознание все чаще обращается к исследованиям отечественной школы дифференциальной психофизиологии, которая, по мысли ее основателя В.Д. Небылицына, приближает нас к пониманию тех причин, «по которым каждый из нас отличается от других» [8; 25; 19].

Налицо парадоксальная ситуация, когда насущные и необходимые проблемы дифференциальной психофизиологии, имеющие очевидное фундаментальное и практическое значение, почему-то выпадают из поля зрения ученых. Их разработка осуществляется фрагментарно и ограниченно, научная значимость явно недооценивается. Но наступает время, когда все неожиданно прозревают, недоумевая: как же так, почему этим недостаточно занимаются, ведь это важно и перспективно?! Эти нелегкие вопросы ведут к нелегким ответам: инерция идеологизированного околонучного мышления,

корпоративные ценности отдельных течений в психологии. Возникает порочный круг мнимой значимости аналитически отчлененных от целостной ситуации психического развития отдельных осколков индивидуальности.

Однако справедливости ради отмечу, что дифференциальная психофизиология переживает не лучшие времена. Трагическая гибель основателя дифференциальной психофизиологии В.Д. Небылицына не позволила ему завершить начатое, многое осталось недосказанным, что создало возможность неоднозначной трактовки научного наследия и перспективных планов развития основанного ученым научного направления. Все это заставляет снова и снова возвращаться к бесценному опыту наиболее продвинутой на этом пути научной школы Б.М. Теплова – В.Д. Небылицына [20; 22; 25]. Представленная работа – попытка рассмотреть сегодня традиции и тенденции развития дифференциальной психофизиологии, выявившие необходимость инициации субъектно-центрированных системных исследований природных детерминант индивидуальных различий.

Со времени начала исследований в области дифференциальной психофизиологии прошло много лет. Научные сотрудники, организационно разобщенные и даже не считающие свои работы дифференциально-психофизиологическими, много трудились, и нам показалось несправедливым не рассказать хотя бы о главном, чем мы жили в эти трудные для науки годы. Назрела необходимость и возможность рассмотреть эти вопросы с позиций нового взгляда на законы человекознания, открывающегося от субъектоцентри-

рованного подхода к изучению системных законов психики. Чтобы ярче показать историческую инвариантность и логику кардинальных изменений идей в русле, с одной стороны, типологических исследований ВНД и, с другой стороны, дифференциальной психофизиологии, мы попытались выделить несколько очевидных для нас этапов развития познания психологии индивидуальности.

Имплици́тный этап становления дифференциальной психофизиологии связан с созданием научных и культурологических предпосылок выделения в научном познании дифференциально-психофизиологической проблематики, с поиском биологических основ индивидуально-психологических различий. Не будет преувеличением сказать, что этот этап имеет многовековую историю, сопоставимую разве что с осознанием человеком себя как отдельной особи. Здесь уместно вспомнить широко представленные в литературе (и даже – в учебниках и современных опросниках темперамента) гиппократовские типы темпераментов, учения Кречмера, Шелдона, И.П. Павлова и др. [2; 3]

Сложившиеся аналитические концепции индивидуальных различий, вычлениая (часто весьма субъективно) в целях типологической классификации лишь отдельные анатомо-физиологические признаки, были ограничены линейными схемами анализа. В результате образовалось труднообозримое количество эмпирических типологий, в которых сделаны попытки на основе отдельных характеристик дифференцировать такие группы людей, как объективные и субъективные (А. Бине и др.), экстраверты и интро-

верты (К.Г. Юнг), рационалисты и эмпирики (В. Джемс), шизотимы и циклотимы (Э. Кречмер), висцеротоники, соматотоники, церебротоники (У. Шелдон), холерики, меланхолики, сангвиники, флегматики (Гиппократ, И.П. Павлов) и др. Большинство этих типологий представляет теперь лишь исторический интерес, поскольку основаны на вариативных, ситуативных проявлениях субъективно выделенной «мозаики» черт.

Такие представления базировались на признании морфофункциональной базы имеющегося разнообразия своеобразных черт человека: всегда предполагалась материальная структура с четкими функциями, которая и отвечала за проявления ее свойств в индивидуально-психологических различиях. При этом была неоднократно подкреплена теории психофизиологического взаимодействия, параллелизма и тождества, но открылись ощутимые (но не всегда анализируемые) тупиковые позиции такого аналитического пути познания. Из-за мифологичности теоретических построений очевидной стала ситуативность и вариативность характеристик индивидуальности, фрагментарность и несистематизируемость фактов.

Работы школы Б.М. Теплова, известные у нас в стране и за рубежом, знаменовали прорыв в науке о типологических особенностях ВНД, об основных свойствах нервной системы как основе индивидуально-психологических особенностей. Долгое время тепловские идеи были общепризнанными, целые поколения психологов обучались по Теплову, учебники, монографии того времени были составлены по Теплову [11].

Забегая вперед, отмечу, что известный историк школы Б.М. Теплова – В.В. Умрихин причисляет данный период именно к дифференциальной психофизиологии. Это отчасти справедливо, поскольку школа типологических исследований ВНД в России – при ее углубленном анализе и абстракции от дискуссионных проблем – представляет собой последовательные этапы развития цельного монолитного научного знания. Естественно, его исторически инвариантные идеи получили отклик в дифференциальной психофизиологии. Однако своеобразие узлов специфических проблем данных периодов развития типологических представлений является существенно отличным в русле тепловских исследований типологических особенностей ВНД и в плане работ в области дифференциальной психофизиологии, с особым вниманием к нейрофизиологическим факторам целостного поведения человека.

Главным пунктом программы типологических исследований Б.М. Теплова стал вопрос о возможности применить средства психологической науки к познанию тех свойств человека, которые придают ей своеобразие и определенную неповторимость. Программа раскрывала возможную в то время технологию объективного изучения типологических особенностей ВНД. Реализация программы должна была удовлетворять запросы социальной практики, для чего требовалось решать задачу объяснения того, как соотносится открываемая наукой общая закономерность с ее действием в данной конкретной ситуации применительно к данному конкретному индивиду. При этом исследователи по-

нимали, что от теоретически обоснованного решения непосредственно зависят дела практические. В этой связи Борис Михайлович постоянно подчеркивал, что применение к жизни общих психологических закономерностей всегда должно опосредоваться знанием природы индивидуальных различий. Без этого общие психологические закономерности становятся столь абстрактными, что их практическая ценность представляется сомнительной.

Уже в то время Б.М. Теплов отчетливо понимал (и старался донести до научного сообщества), что существующее тогда (и существующее сегодня) резкое отставание научной разработки вопросов индивидуальных различий мешает психологии завоевать себе прочное признание как науки, действительно необходимой для тех областей практики, которые имеют дело с психической деятельностью людей. Убеждения Б.М. Теплова четко высвечивали высокую гуманистическую идею о том, что средствами науки может быть поддержана и укреплена возможность актуализации присущего каждому индивиду уникального потенциала, что имеет глобальные социальные последствия, ибо противостоит стереотипизации поведения и психологии безликой толпы.

Ученый видел решение соответствующих сверхзадач построения теории индивидуальных различий в ресурсах фундаментальной науки, а не только в философии, физиологии и искусства, поэтому исследовательский поиск научного коллектива Б.М. Теплова велся в направлении такой области, где были готовые образцы, адекватные тогдашним критериям научности естественнонаучного зна-

ния, отправляясь от которых можно было бы продвигаться к решению проблем индивидуальности. Такие образцы исследователь усмотрел в учении И.П. Павлова о высшей нервной деятельности и об основных свойствах нервной системы.

Начала концепции школы Б.М. Теплова – В.Д. Небылицына строились на достижениях павловской школы, базирующейся на казавшемся тогда строго материалистическом морфо-функциональном подходе к первичному изучению основных свойств нервной системы. Павловская школа в то время являла собой признанный образец объективного, контролируемого экспериментом знания. Исследовательский поиск был ориентирован на открытие факторов, которые обуславливают типологические особенности индивидуальных различий и проявление их своеобразия в формально-динамической стороне деятельности. Содержательная же компонента целенаправленной активности не являлась объектом типологических особенностей ВНД.

Общая методологическая предпосылка соотнесения гиппократовских и тепловских представлений о темпераменте заключалась в представлении о подчиненности поведения индивида универсальной «матрице», из различных сочетаний компонентов которой причинно объяснимы индивидуальные результаты эксперимента [4; 5; 6; 7] (по М.Г. Ярошевскому). Именно эта методологическая ориентация, перешедшая от Гиппократа к И.П. Павлову, стала исходной и для Б.М. Теплова. При этом творческий коллектив Б.М. Теплова в то время считал, что лучшей экспериментально-теоретиче-

ской основой для разработки исходных концепций, чем идея И.П. Павлова о типах и свойствах нервной системы, не имелось.

Для И.П. Павлова главным элементом анализа являлась нервная клетка и особенности в ней процессов возбуждения и торможения. Диагностику свойств нервной системы в школе И.П. Павлова первоначально пытались осуществлять с помощью наблюдения за поведенческими проявлениями свойств нервной системы в типологически важных ситуациях. Так, сила нервной системы определялась, например, по поведенческим проявлениям при значительных функциональных нагрузках, в частности, – в экстремальных ситуациях. Экспериментальная валидизация такой диагностики показала ее полную непригодность: сравнение оценки свойства выявило несовпадение поведенческого и экспериментального диагноза. Фиксация подобных фактов несовпадения типологических диагнозов вынудила И.П. Павлова рекомендовать сотрудникам оценивать основные свойства нервной системы только на основе экспериментальных процедур.

И Б.М. Теплов индивидуальные различия поведенческих реакций считал неразложимым сплавом генотипа с фенотипом. В период развертывания широкомасштабных исследований типологических особенностей ВНД человека в начале 50-х гг. Б.М. Теплов и его научный коллектив считали, что только углубленные экспериментальные типологические исследования могут дать конкретную информацию сначала – о свойствах нервной системы, а затем – в отдаленном будущем – об их типичных сочетаниях в естественно

формируемых типах человека.

Школа Б.М. Теплова – В.Д. Небылицына, их учеников и последователей создала уникальные психотехнологии изучения типологически важных свойств нервной системы (как «латентных» переменных) и их психологических проявлений. К сожалению, эти наукоемкие технологии не являются такими уж простыми (как распространенные в практике тесты, опросники, анкеты). Возможно, поэтому методики типологических исследований ВНД детально не анализируются в научной литературе и, к сожалению, являются сегодня скорее забытыми, чем используемыми в конкретных исследованиях. Однако известна масса тупиковых позиций форсирования «легких» технологий оценки «мозаик» индивидуальных симптомов.

Здесь уместно напомнить тепловскую программу типологических исследований и, в частности, стратегию изучения основных свойств нервной системы.

Б.М. Теплов наметил глубокую программу изучения типологических особенностей ВНД в виде свойств нервной системы. Она предполагала проработку нескольких важных логически связанных стадий в поиске и анализе свойств нервной системы. **Первый период** – проработка физиологического (нейрофизиологического) содержания и логики построения синдрома свойства. Исследователи полагали, что свойство – это, по современной терминологии, латентная переменная, это феномен не может быть непосредственно измерен в линейных единицах, но отражается в широком спектре индивидуальных проявлений, поэтому физиологическая основа

свойств (которую можно увидеть, измерить, повторить измерение, соотнести с другими характеристиками) помогает собрать комплекс конкретных методик его регистрации, которые уже могут быть подвергнуты последующему анализу.

Современные типологи также постоянно подчеркивают целесообразность первичного анализа психофизиологических основ свойства как индивидуально-стабильного, природного, конституционального, генотипичного параметра организации формально-динамической стороны поведения. Так, Б.Ф. Ломов писал о выраженных кумулятивных качествах психофизиологических и нейрофизиологических механизмов деятельности как базы влияния генотипа на психику. А.Н. Леонтьев в качестве перспективного метода проникновения в глубинные структуры личности – в реально действующие мотивы (в отличие от известных мотивов, которые отчетливо отражаются в самоотчете) – обосновал технологию фиксации эмоциональных «меток» событий жизнедеятельности, за которыми стоят нейрофизиологические активации, а более глубоко – сопряжение экологической психологии индивидуальности и текущего момента жизнедеятельности.

Второй период тепловской стратегии – конструирование на основе физиологического содержания свойств нервной системы широкого комплекса разнообразных типологических методик. Ученый отстаивал идею произвольности референтных показателей свойств. Каждая методика предположительно отражает разные аспекты манифестации свойства. Парадоксальным является тот факт, что чем больше

было разработано таких методик, тем объективнее считалось типологическое исследование, поскольку далеко не каждая методика, далеко не каждый показатель зарекомендовывал себя в качестве надежного и валидного признака основного свойства нервной системы. При этом каждая методика обеспечивалась специальным – часто дорогостоящим – оборудованием, а также подкреплялась уникальными инженерными разработками.

Третий период посвящался сбору «сырых» экспериментальных данных на репрезентативной для типологического исследования выборке испытуемых. При этом обеспечивалась проверка тест-ритестовой надежности показателей (эксперимент в зависимости от сверхзадач исследования повторялся через определенные временные промежутки – через месяц, год, десять лет и т.д.), полученные материалы разделялись на 2–4 части для раздельной статобработки и сравнения идентичности критериев, опыт часто повторялся с разными экспериментаторами, а также при включении показателей заведомо других свойств и т.д.

Четвертый период программы – обработка полученных «сырых» данных с помощью современных статистических методов. В.Д. Небылицын в этой связи обосновал необходимость и возможность применения корреляционного и факторного анализа результатов. Эти методы и сегодня остаются своеобразным микроскопом естественнонаучных областей психологии и акмеологии. Они позволяют из несистематизируемого множества показателей выбрать группы взаимосвязанных взаимокоррелирующих параметров, которые при условии

их вхождения в общий фактор могут трактоваться как обусловленные единым генезом, одной причиной – в частности, принадлежностью к определенному индивидуальному свойству. Если полученный синдром содержит референтные показатели явно одного свойства нервной системы, то выделенный комплекс уже может интерпретироваться как отражающий, например, силу нервной системы.

Пятый период – соотнесение «картины физиологических свойств» с характеристиками психологии личности и индивидуальности. Этот момент тепловской программы исследования типологических параметров ВНД является главным, поскольку детальное исследование природы основных свойств нервной системы не было самоцелью, а предпринималось с дальней стратегической целью – познать и понять закономерности формирования и развития индивидуального своеобразия человека, чтобы прогнозировать поведение, развивать способности, одаренность, талант личности в соответствии с задатками, которые тогда связывались с формально-динамической стороной деятельности. Ее содержательная компонента, скорее, относилась к социально-детерминированным комплексам личности.

Б.М. Теплов внедрял в типологические исследования правило «непроизвольности» показателей основных свойств нервной системы. Регистрация «непроизвольных индексов» помогала исключить артефакты в эксперименте при четкой фиксации стимулов и реакций. Однако абсолютизация этого правила конструирования референтных методик регистрации свойств привела к непродуктивному для направления

постулату произвольности и сферы психологических проявлений типологических особенностей ВНД.

На заседаниях лаборатории дифференциальной психофизиологии стали высказываться мнения о необходимости поиска таких психофизиологических характеристик индивидуальности, которые не испытывают влияния ни мотивации деятельности, ни модальности стимуляции, ни целей и смысла действия, ни текущей ситуации и т.д. (Кому нужны такие технологии?!)

Можно предположить, что эти сверхидеи возникли в рамках расширительной трактовки деятельностной парадигмы. В то время наиболее идеологизированные психологи полагали, что деятельность принципиально не может иметь задатков. Как часто говорил В.В. Давыдов, деятельность – это такая категория, которая в момент своего зарождения не знает, чем она будет в ближайшее время. (Последующее развитие дифференциальной психофизиологии, напротив, выявило усиление влияния конституциональных задатков на психику: по мере взросления, по мере выраженности креативных компонент деятельности, по мере усиления трудности задачи).

Детальная проработанность данной программы типологических исследований в то время давала вполне обоснованные (но не вполне сбывшиеся) надежды на эффективность результатов. Эти ожидания частично оправдались: был разработан понятийный аппарат, приемы и методики типологических исследований, программа и стратегия изучения отдельных (абстрагируемых от динамики деятельности) свойств нервной системы и их психологиче-

ских проявлений, начала интенсивно развиваться психогенетика (И.В. Равич-Щербо, С.Б. Малых, М.С. Егорова и др.), развернуты прикладные работы в области индивидуализации процесса становления профессионала (К.М. Гуревич, М.К. Акимова, Е.М. Борисова, Е. Климов и др.) [2; 3; 11; 12; 13; 22].

Коротко резюмируя основные достижения работ по изучению типологических особенностей ВНД человека предшественников дифференциальной психофизиологии, отметим следующие наиболее яркие моменты. Были выделены и экспериментально изучены показатели ортогональных основных свойств нервной системы. В.Д. Небылицын ввел принцип трехчленности свойств (по индексу возбуждения, торможения и уравновешенности).

Б.М. Тепловым доказательно обосновано положение, согласно которому исследование основных свойств, их структуры и комбинаций должно предшествовать фиксации типов по сочетанию характерных индивидуальных особенностей. Подчеркнуто, что тип ВНД, свойства нервной системы не тождественны темпераменту, а составляют природную основу, на которой формируется темперамент.

В.Д. Небылицын стал инициатором применения факторного анализа в типологическом исследовании, Школа Б.М. Теплова – В.Д. Небылицына стала репрезентантом достижений психологических наук как у нас в стране, так и за рубежом [29; 30; 31; 32].

Однако прогрессивному развитию типологической теории и практики стали препятствовать противоречия, все более обостряющиеся по мере получения фактов в конкретных ис-

следованиях. Так, условно рефлекторные референтные методики изучения основных свойств нервной системы, взятые на вооружение из павловской школы, по известным причинам не могли полностью воспроизводиться на людях. Регистрировалось сверхбыстрое угасание аналогов рефлексов у человека или же их отсутствие.

Кроме того, выявилось несовпадение показателей свойств в разных областях мозга, зависящее – как тогда предполагали – от модальности условного раздражителя. Возникла проблема парциальности, или региональности, основных свойств нервной системы, которую В.Д. Небылицын попытался решать в русле поиска общих свойств нервной системы на основе морфо-функционального подхода к их анализу. Необходимо было выделить мозговую субстрат, функционирование которого характеризовалось надмодальностью, а уровень свойства – монометричностью.

В.Д. Небылицын выделил такую мозговую систему, назвав ее регуляторной системой, – включающую лобную (антецентральную) кору вместе с функционально связанными с ней структурами фронтально-ретикулярного и фронтально-лимбического комплексов. Надмодальные общерегуляторные, надситуативные их функции: программирование актов поведения, создание активационной и эмоциональной «канвы» действия – в то время позволили в определенной мере снять проблему парциальности основных свойств нервной системы и начать экспериментальное изучение общих свойств.

Наши исследования этого периода были нацелены на выделение

«надмодальных» параметров неспецифической ретикулярной формации в вызванных потенциалах лобных долей. Последующее изучением этих характеристик в ходе увеличения функциональных нагрузок позволяло интерпретировать соответствующие показатели как референтные для диагностики общего свойства силы нервной системы. Изученные в этом аспекте моторные вызванные потенциалы пассивных движений позволили показать, что в условиях действия аминазина, частично блокирующего адренергические структуры ретикулярной формации, наблюдается исчезновение или редукция второй полуволны негативного компонента ВП. Эти характеристики далее изучались как функции интенсивности проприоцептивной стимуляции в аспекте силы регуляторной мозговой системы как первого общего свойства. Эти характеристики (градиенты изменений неспецифических компонент МВП при максимальной интенсивности функциональных нагрузок) выявили тесные статистические связи с индивидуальными особенностями фиксированной установки. Эта ключевая сфера своеобразия психики выявила закономерные соотношения с параметрами силы как общего свойства нервной системы.

Изучение типологических особенностей ВНД в рамках морфофункционального исследования уже к 70-м гг. выявили целый ряд тупиковых позиций, мешающих дальнейшему продвижению познания психологии индивидуальности. Так была выявлена трансситуативная вариативность показателей свойств. Разные по психологической значимости ситуации при их

внешней схожести фиксировали разную оценку свойства. В.Д. Небылицын по этому поводу обычно подчеркивал, что условно рефлексорные методики часто не давали возможность пролонгировать регистрацию показателя свойства. Поэтому приходилось применять специальные меры «оживления» реакций: предъявлять сюжетные картинки вместо простого засвета глаза, напоминать испытуемому о повышенном внимании к раздражителю и т.д. Очевидно, здесь имело место «повторение без повторения», то есть включение показателя в психологически разные ситуации при тождестве их сенсомоторных компонент.

Не оправдались надежды исследователей на индивидуальную стабильность и генотипичность референтных показателей основных свойств нервной системы. Напротив, работы в области генетической психофизиологии (лаборатория И.В. Равич-Щербо, метод близнецов) слишком часто выявляли средовую обусловленность и вариативность референтных показателей основных свойств, а также высокую генотипичность казалось бы социальными средовыми параметрами.

Однако самая острая «тупиковая» позиция типологических исследований ВНД была обнаружена в работах, пытающихся выделить и систематизировать так называемые «биологические основы индивидуально-психологических различий». Не получалось прямого наложения «картины» физиологических свойств нервной системы на психологию личности и индивидуальности. Более того, проекция множества индивидуальных свойств на множество психологических особенностей была опосредствована «звеном» дея-

тельности. В.С. Мерлин в этой связи обосновывал превалирование множества взаимосвязей данных множеств: каждая характеристика первого множества соотносится с множеством параметров второго множества и наоборот [15; 22; 26; 27; 28].

Таким образом, психология индивидуальности в то время принципиально не могла быть обобщена и систематизирована в системе детерминистических связей (при этом, по сути дела, терялась возможность выделить типологические особенности ВНД для научного исследования как фундаментальной науки).

Выделим еще одну тупиковую позицию аналитических исследований. Б.М. Тепловым было сформулировано правило произвольности методик изучения типологических особенностей ВНД (что, несомненно, было продуктивным для онтологического плана типологических исследований в организации конкретных психофизиологических экспериментов). Однако неправомерно расширительный перенос этого правила и в гносеологический план привел к таким стратегиям планирования эмпирического исследования, которые были оторваны от существенных детерминант «человеческой» индивидуальности.

Поиск характеристик, не зависящих ни от целей, ни от личностных смыслов, ни от мотивов деятельности, призван был изучать только формально-динамическую сторону произвольной активности, абстрагируясь от ее содержательной стороны. Так была принципиально закрыта «прописка» типологических фактов в «большой» психологии.

Расширительное понимание данно-

го правила привело к еще одному неверному выводу – о неправомерности продуктивного изучения формирующейся и развивающейся деятельности в области типологических исследований (Деятельность не могла иметь какие-либо задатки!).

На основе нейрофизиологических и психофизиологических данных поставлена проблема общих свойств нервной системы. По-видимому, это направление и знаменовало переход

к эксплицитному этапу дифференциальной психофизиологии.

Таким образом, данный этап исследований типологических особенностей ВНД человека как начала дифференциальной психофизиологии выявил ряд тупиковых позиций, выход из которых требовал создания новых методологических разработок, нового эксперимента и новых путей реализации типологических законов в практике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абишев К. Человек. Индивид. Личность. Алма-Ата, Казахстан, 1978. 308 с.
2. Александров Ю.И. Психофизиологическое значение активности центральных и периферических нейронов в поведении. М., 1989. 432 с.
3. Ананьев Б.Г. Избранные психологические труды. М., 1980. Т. 1. 288 с.
4. Базылевич Т.Ф. Моторные вызванные потенциалы в дифференциальной психофизиологии. М., 1983. 231 с.
5. Базылевич Т.Ф. Особенности психофизиологических основ антиципации // Психологический журнал. 1986. Т. 7. № 5. С. 137–147.
6. Базылевич Т.Ф. Индивидуально-типологические факторы антиципации в ходе развития деятельности человека // Индивидуально-психологические различия и биоэлектрическая активность мозга человека. М., 1988. С. 92–115.
7. Базылевич Т.Ф. Интегративные биоэлектрические характеристики мозга в системной детерминации стратегии поведения // Психологический журнал. 1990. № 1. С. 82–92.
8. Базылевич Т.Ф. Основы экопсихологии индивидуальности и личности. Ч. 1 и 2. М., 2000. 156 с.
9. Базылевич Т.Ф. Дифференциальная психофизиология: прошлое, настоящее, будущее // Мир психологии. 2004. № 3. С. 44–67.
10. Базылевич Т.Ф. с соавт. Идея системности в современной психологии / под ред. В.А. Барабанщикова. М., 2005. 495 с.
11. Базылевич Т.Ф. Еще раз про дифференциальную психофизиологию // Психологический журнал. 2005. № 1. С. 124–136.
12. Базылевич Т.Ф. Дифференциальная акмеология. М., 2007. 250 с.
13. Базылевич Т.Ф. Дифференциальная психофизиология и психология. Серия «Научная мысль». М., 2013. 224 с.
14. Базылевич Т.Ф. Психология высших достижений личности. Психоакмеология. Серия «Научная мысль». М., 2013. 331 с.
15. Базылевич Т.Ф., Белград С.Д., Кордюков В.Ф. Парадоксы биосоциальной детерминации индивидуальности // Мир психологии. 2005. № 4. С. 65–73.
16. Базылевич Т.Ф., Бутылин А.В. Дифференциально-акмеологическое изучение системных механизмов экологического «выгорания» личности // Акмеология. 2008. № 1. С. 56–61.
17. Базылевич Т.Ф., Бутылин А.В., Колядина Т.В. Валидизация методики оценки целостной индивидуальности как квазиэксперимента // Акмеологическая диагностика /

коллективная монография. М., 2007. 325 с.

18. Базылевич Т.Ф., Колядина Т.В. К индивидуализированным предикторам речевого развития дошкольника // Мир психологии. 2007. № 4. С. 189–201.
19. Базылевич Т.Ф., Кулес В.Г., Альперович Б.Р., Гусева О.В., Хинцер Г.М. Проблема опосредствования ишемической болезни сердца особенностями целостной индивидуальности // Психологический журнал. 1991. Т. 12. № 3. С. 45–56.
20. Базылевич Т.Ф., Ломов Б.Ф. В.Д. Небылицын и развитие дифференциальной психофизиологии // В.Д. Небылицын. Избранные труды. М., 1990. С. 5–24.
21. Брушлинский А.В. Психология субъекта. М., 1994. 109 с.
22. Мерлин В.С. Очерк интегрального исследования индивидуальности. М., 1986. 276 с.
23. Небылицын В.Д. Основные свойства нервной системы человека. М., 1966. 383 с.
24. Небылицын В.Д., Базылевич Т.Ф. ВП двигательной зоны коры у человека // Физиологический журн. СССР. 1970. № 12. Т. 56. С. 1682–1688.
25. Небылицын В.Д. Психофизиологические исследования индивидуальных различий. М., 1976. 335 с.
26. Проблемы генетической психофизиологии человека. М., 1978. 263 с.
27. Русалов В.М. Биологические основы индивидуально-психологических различий. М., 1979. 352 с.
28. Типологические особенности высшей нервной деятельности человека. М., 1956–1967. Т. 1–5.
29. Deecke L., Grozinger B., Kornhuber H.A. Voluntary finger movement in man: Cerebral potentials and theory. – Biol. Cybernet., 1976b, vol. 23, p. 99–119.
30. Eysenck H.J. The biological basis of personality. – Springfield, Thomas, 1967, 399 p.
31. Kristeva R., Keller E., Deecke L., Kornhuber H.H. Cerebral potentials preceding unilateral and simultaneous bilateral finger movements. – EEG and Clin. Neuroph., 1979, vol. 47, p. 229–238.
32. Vaughan H.G. The motor potentials. – Handbook of electroencephalography and clinical neurophysiology. Ed.A.Remond. Amcterdam, 1975, vol. 8, p. 86–91.

REFERENCES

1. Abishev K. CHelovek. Individ. Lichnost' [Person. Individual. Personality]. Alma-ATA, Kazakhstan, 1978. 308 p.
2. Aleksandrov YU.I. Psikhofiziologicheskoe znachenie aktivnosti tsentral'nykh i perifericheskikh neuronov v povedenii [Psychophysiological Importance of Central and Peripheral Neurons Activity for Behavior]. М., 1989. 432 p.
3. Anan'ev B.G. Izbrannye psikhologicheskie trudy. М., 1980. Т. 1. 288 p.
4. Bazylevich T.F. Motornye vyzvannye potentsialy v differentsial'noi psikhofiziologii [Motive Evoked Potentials in Differential Psychophysiology]. М., 1983. 231 p.
5. Bazylevich T.F. Osobennosti psikhofiziologicheskikh osnov antitsipatsii [Peculiarities of Psychophysiological Basics of Anticipation] // Psikhologicheskii zhurnal [Psychological Journal]. 1986. Т. 7. № 5. pp. 137–147.
6. Bazylevich T.F. Individual'no-tipologicheskie faktory antitsipatsii v khode razvitiya deyatel'nosti cheloveka [Individual and Typological of Anticipation within the Pace of a Person's Development]// Individual'no-psikhologicheskie razlichiya i bioelektricheskaya aktivnost' mozga cheloveka [Individual and Psychological Differences and Bioelectrical Activity of the Brain]. М., 1988. pp. 92–115.
7. Bazylevich T.F. Integrativnye bioelektricheskie kharakteristiki mozga v sistemnoi determinatsii strategii povedeniya [Integrative Bioelectrical Characteristics of the Brain in the

- Systemic Determination of Behaviour Strategy] // *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal]. 1990. № 1. pp. 82–92.
8. Bazylevich T.F. Osnovy ekopsikhologii individual'nosti i lichnosti. CH. 1 i 2 [Basics of Eco-Psychology of an Individuality and Personality. Parts 1 and 2]. M., 2000. 156 p.
 9. Bazylevich T.F. Differentsial'naya psikhofiziologiya: proshloe, nastoyashchee, budushchee [Differential Psychophysiology: Past, Present and Future] // *Mir psikhologii* [World of Psychology]. 2004. № 3. pp. 44–67.
 10. Bazylevich T.F. s soavt. Ideya sistemnosti v sovremennoi psikhologii / pod red. V.A. Barabanshchikova [Idea of Systemacy in Modern Psychology / ed. By V.A. Barabanshchikov]. M., 2005. 495 p.
 11. Bazylevich T.F. Eshche raz pro differentsial'nyu psikhofiziologiyu [Once again on Differential Psychophysiology] // *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal]. 2005. № 1. pp. 124–136.
 12. Bazylevich T.F. Differentsial'naya akmeologiya [Differential Acmeology]. M., 2007. 250 p.
 13. Bazylevich T.F. Differentsial'naya psikhofiziologiya i psikhologiya. Seriya «Nauchnaya mysl'» [Differential Psychophysiology and Psychology. Series “Scientific Thought”]. M., 2013. 224 p.
 14. Bazylevich T.F. Psikhologiya vysshikh dostizhenii lichnosti. Psikhoakmeologiya. Seriya «Nauchnaya mysl'» [Psychology of a Person's Acme. Psychoacmeology. Series “Scientific Thought”]. M., 2013. 331 p.
 15. Bazylevich T.F., Belgrad S.D., Kordyukov V.F. Paradoksy biosotsial'noi determinatsii individual'nosti [Paradoxes of Biosocial Determination of an Individual] // *Mir psikhologii* [World of Psychology]. 2005. № 4. pp. 65–73.
 16. Bazylevich T.F., Butylin A.V. Differentsial'no-akmeologicheskoe izuchenie sistemnykh mekhanizmov ekologicheskogo «vygoraniya» lichnosti [Differential-Acmeologic Study of Systemic Mechanisms of Ecological “Burn-Out” of a Personality] // *Akmeologiya* [Acmeology]. 2008. № 1. pp. 56–61.
 17. Bazylevich T.F., Butylin A.V., Kolyadina T.V. Validizatsiya metodiki otsenki tselostnoi individual'nosti kak kvaziekspimenta [Validization of the Methods of Assessing a Holistic Individuality as a Quasi-Experiment] // *Akmeologicheskaya diagnostika / kollektivnaya monografiya* [Acmeologic Diagnostics / Collective Monograph]. M., 2007. 325 p.
 18. Bazylevich T.F., Kolyadina T.V. K individualizirovannym prediktoram rechevogo razvitiya doshkol'nika [On Individualized Predictors of a Preschooler's Speech Development] // *Mir psikhologii* [World of Psychology]. 2007. № 4. pp. 189–201.
 19. Problema oposredstvovaniya ishemicheskoi bolezni serdtsa osobennostyami tselostnoi individual'nosti [Prproblem of Coronary Heart Disease Mediation by the Peculiarities of a Holistic Individuality], Bazylevich T.F., Kukes V.G., Al'perovich B.R., Guseva O.V., Khintser G.M. // *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal]. 1991. T. 12. № 3. pp. 45–56.
 20. Bazylevich T.F., Lomov B.F. V.D. Nebylitsyn i razvitie differentsial'noi psikhofiziologii [V.D. Nebilitsin and development of Differential Psychophysiology //] V.D. Nebylitsyn. Izbrannye trudy [V.D. Nebilitsin. Selected Works]. M., 1990. pp. 5–24.
 21. Brushlinskii A.V. Psikhologiya sub"ekta [Psychology of a Subject]. M., 1994. 109 p.
 22. Merlin V.S. Ocherk integral'nogo issledovaniya individual'nosti [Essay on Integral Research of Individuality]. M., 1986. 276 p.
 23. Nebylitsyn V.D. Osnovnye svoistva nervnoi sistemy cheloveka [Main Properties of a Human Nervous System]. M., 1966. 383 p.
 24. Nebylitsyn V.D., Bazylevich T.F. VP dvigatel'noi zony kory u cheloveka [VP of Human Motor Area] // *Fiziologicheskii zhurn. SSSR* [Physiological Journal. USSR]. 1970. № 12. T. 56. pp. 1682–1688.

25. Nebylitsyn V.D. Psikhofiziologicheskie issledovaniya individual'nykh razlichii [Psychophysiological Studies of Individual Differences]. М., 1976. 335 p.
26. Problemy geneticheskoi psikhofiziologii cheloveka [Problems of Human Genetic Psychophysiology]. М., 1978. 263 p.
27. Rusalov V.M. Biologicheskie osnovy individual'no-psikhologicheskikh razlichii [Biologic Basics of Individual-Psychological Differences]. М., 1979. 352 p.
28. Tipologicheskie osobennosti vysshei nervnoi deyatel'nosti cheloveka. М., 1956–1967. Т [Typological Specificities of a Person's Higher Nervous Activity]. М., 1956–1967. Т. 1–5.
29. Deecke L., Grozinger B., Kornhuber H.A. Voluntary finger movement in man: Cerebral potentials and theory. Biol. Cybernet., 1976b, vol. 23, p. 99–119.
30. Eysenck H.J. The biological basis of personality. Springfield, Thomas, 1967, p 399.
31. Cerebral potentials preceding unilateral and simultaneous bilateral finger movements. Kristeva R., Keller E., Deecke L., Kornhuber H.H. EEG and Clin. Neuroph., 1979, vol. 47, p. 229–238.
32. Vaughan H.G. The motor potentials. Handbook of electroencephalography and clinical neurophysiology. Ed.A.Remond. Amsterdam, 1975, vol. 8, p. 86–91.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Базылевич Татьяна Федоровна – доктор психологических наук, профессор ВАК, академик МАН, академик АИМ, ассоциированный ведущий научный сотрудник ИП РАН, профессор кафедры педагогики и психологии МГУТУ имени Г.К. Разумовского, директор и научный руководитель Национального центра психоакмеологии индивидуальности; e-mail: baz5@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Bazylevitch Tatyana F. – Doctor of Psychology, Professor of Higher Certification Committee, Academician of International Academic Community “Science”, associate leading researcher of the Institute of Psychology RAS, Academician of Academy of Imageology, professor of the Department of Pedagogy and Psychology of Moscow State University of Technologies and Management, Director and Research Manager of National Center of Personality Acmeology; e-mail: baz5@yandex.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Базылевич Т.Ф. Существуют ли в современном человекознании проблемы дифференциальной психофизиологии? // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2016. № 2. С. 6–21.
DOI: 10.18384/2310-7235-2016-2-6-21

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

T. Bazylevitch Are There Any Problems of Differential Psychophysiology in Modern Human Study? // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Psychology. 2016. № 2. Pp. 6–21.
DOI: 10.18384/2310-7235-2016-2-6-21

УДК 159.9.07

DOI: 10.18384/2310-7235-2016-2-22-33

СВОЙСТВА ТЕМНОЙ ТРИАДЫ В РЕГУЛЯЦИИ СТРАТЕГИЙ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ИГРОВОЙ ЗАДАЧИ АЙОВА – IGT)

Красавцева Ю.В., Корнилова Т.В.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
125009, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 9, Российская Федерация

Аннотация. В статье представлены результаты эмпирических исследований стратегий принятия решений в моделируемой посредством игрового Айова-теста неопределенной среде. Рассмотрены взаимосвязи таких личностных свойств, как черты Темной триады, с успешностью прагматических результатов последовательного процесса принятия решений в ситуации с целевой ориентацией на получение максимально возможной прибыли. Приводятся различия в связях свойств Темной триады с эффективностью принятия решений у лиц, занятых управленческой деятельностью, и лиц, не занимающих руководящие позиции.

Ключевые слова: принятие решений, прогностическая задача, руководители, Темная Триада, Айова-тест.

THE DARK TRIAD TRAITS IN THE REGULATION OF DECISION-MAKING STRATEGIES

Y. Krasavtseva, T. Kornilova

Lomonosov Moscow State University
125009, Moscow, Mokhovaya street, 11, structure 9, Russian Federation

Abstract. The article presents the results of empirical studies on decision-making strategies in an uncertain environment as simulated by the Iowa Gambling Task. We examined the relationship of personality features, such as the Dark Triad traits, with the success of pragmatic results of sequential decision-making process in a situation with a target orientation towards obtaining the largest possible profit. The differences in the correlations of the Dark Triad traits with the effectiveness of decision-making are demonstrated between the persons occupied in managerial professions and persons not engaged in leadership positions.

Key words: decision-making, predictive task, managers, Dark Triad, Iowa Gambling Task.

Принятие решений (ПР) является не только необходимым этапом профессиональной деятельности руководителей [3; 6; 9], совершающих стратегические выборы – в силу своих должностных позиций – относительно управления как производством, так и другими людьми, но и аспектом

жизнедеятельности человека в современном мире, совершающего выбор при множественности альтернатив и неоднозначности исходов. Для психологического анализа решений руководителей важно раскрытие путей личностной регуляции принятия решений в условиях неопределенности и нестабильности, поскольку во многом именно от реализации интеллектуально-личностного потенциала руководителей зависит выбор стратегий развития организации [1; 5; 6; 14].

Личностные свойства Темной триады – *макиавеллизм, субклинические психопатия и нарциссизм* связываются с предпосылками выбора [3; 4; 6; 8; 11]. Проблема заключается в том, что эти личностные свойства, с одной стороны, выступают в связях с лидерскими качествами; а быть лидером важно для руководителя, а с другой стороны, эти же свойства негативно оцениваются социумом, поскольку могут означать следование человека эгоистическим ценностям, а также характеризуют нестабильное эмоциональное личностное ядро, что может негативно сказываться на принятии решений.

Однако пока не было представлено исследований связей свойств Темной триады с решением прогностических задач. Такие задачи – необходимый компонент деятельности руководителя. Общепсихологический анализ предполагает возможность рассмотрения стратегий решений прогностических задач не только в рамках реальной деятельности руководителя, но и в моделируемых специальными методиками ситуациях принятия решений, что позволит выявить специфику личностной регуляции выборов руководителей. Ранее нами была показана

возможность использования материала вербальных задач для выявления личностной регуляции принятия решений [6].

Целью исследования стало выявление взаимосвязей между такими личностными свойствами, как свойства Темной триады, представляющими нестабильное эмоциональное личностное ядро, с особенностями стратегий принятия решений в ситуации, где условия неопределенности заданы вероятностной средой положительных и отрицательных исходов выбора.

Завоевавшее множество последователей положение о триединстве «аверсивных» ярких свойств личности, включающих *макиавеллизм, субклинический нарциссизм и субклиническую психопатию* [12; 13; 14], широко обсуждается как с точки зрения интегральных лидерских качеств, так и манифестации нестабильного ядра личности.

Понятийный конструкт *макиавеллизма*, кратко описывающийся как личность, склонная к манипулированию, сложился из утверждений, взятых из книги Н. Макиавелли. По мнению ряда авторов [3; 8; 9], лица, выражавшие высокую степень согласия с приведенными высказываниями, были склонны вести себя в прохладной и манипулятивной манере, как в лабораторных, так и в полевых исследованиях. В описании *нарциссизма* применительно к группам нормы доминируют схожие с клиническими конструкты грандиозности, доминантности, превосходства и беспрекословного правообладания [9; 13; 14; 15].

Типичные черты *психопатии* в норме выражаются высоким уровнем импульсивности и поиском возбуж-

дающих удовольствий наряду с низко выраженной эмпатией и тревожностью. Различают *первичную психопатию*, которая характеризуется высоким уровнем эгоизма, эмоциональной холодностью, низким уровнем тревожности, бесстрашием, склонностью к эксплуатации других людей и манипулятивному поведению, и *вторичную психопатию*, связанную с общей нестабильностью и антиобщественным стилем поведения [9; 12].

В российских исследованиях представлены результаты первой апробации опросника «Темная дюжина» (Dirty Dozen) [4; 7]. По результатам апробации установлена максимальная связь *психопатии* и *макиавеллизма*, как и в мета-анализе [4; 7; 14], и минимальная – для *психопатии* и *нарциссизма*, но не между *макиавеллизмом* и *нарциссизмом*. Обнаружены также отрицательные корреляции *психопатии* с *интолерантностью* к *неопределенности* и *рефлексивностью*, которые, в свою очередь, включены в регуляцию ПР.

Однако свойства Темной триады пока не рассматривались во взаимосвязях с актуалгенезом ПР, предполагающих *прогноз последствий выбора* в моделируемых ситуациях. В нашем исследовании экспериментальное моделирование вероятностно-заданной ситуации неопределенности позволило подойти к изучению ПР в актуалгенезе и динамике последовательных выборов, а также дало возможность проверять гипотезы об особенностях решения прогностической задачи у лиц с разной выраженностью личностных свойств.

Мы при этом рассматриваем понятия ПР и выбора как относящихся к одной реальности [4; 7; 14]. В обоих

случаях человек при прогнозе последствий выбора основывается на всем своем интеллектуально-личностном потенциале, что предполагается концепцией множественной регуляции решений.

Мы остановились в качестве методического инструментария на игровой задаче Айова – Iowa Gambling Task, или сокращенно IGT – потому, что в регуляции стратегий в Айова-тесте можно предполагать взаимодействие интеллектуальных и личностных составляющих.

Исследователями из университета Айовы, США [10; 11] эта методика была разработана для измерения психофизиологических и поведенческих реакций в вероятностно-заданной ситуации, моделируемой посредством «азартной игры», в которой участникам предлагается поочередно выбирать карту из одной (из четырех возможных) колод. Им предоставлялась изначальная сумма в 2000 игровых долларов и предлагалось выбирать карты из колод таким образом, чтобы получить максимальную прибыль (и потерять минимальное количество «долларов»).

Выбор карты может принести как одномоментный выигрыш (равный 100 игровым долларам для колод А и В и 50 долларам в колодах С и D), так и проигрыш или штраф, который оказывается более высоким в колодах А и В и более низким в колодах С и D. При этом более частый выбор «хороших» колод (С и D) приводит к общей прибыли, а выбор «плохих» колод (А и В) – к убытку.

Участники эксперимента к 20 выбору – на 1-м этапе – не имели осознанного представления о скрытых паттернах прибылей и убытков, соотносящихся

с каждой колодой, однако после 10 выбора (уже, как правило, столкнувшись с крупными штрафами колод А и В) предпочтение «плохих» колод сопровождалось кожно-гальванической реакцией (КГР). С середины теста (около 50 выбора) испытуемые начинали говорить о «предчувствии» относительно того, какие колоды являются невыгодными, а их размышление над выбором колод А и В неизменно сопровождалось КГР¹ [11]. К 80 выбору многие из участников групп «нормы» могли сообщить о том, какие колоды и почему они считают «невыгодными» в долгосрочной перспективе. Интересно, что те, кто к 80 выбору не смогли осознанно указать на убыточные колоды, продолжали выбирать «хорошие» колоды. В то же время пациенты с повреждением префронтальной коры, которые смогли вербально идентифицировать, какие колоды являлись выигрышными, продолжали выбирать карты из «плохих» колод.

Динамика изменения неопределенности ситуации предполагается на этапах прохождения Айова-теста. На неклинической выборке было показано, что личностные свойства толерантности и интолерантности к неопределенности связаны с разными показателями стратегий [7; 13; 14]. Мы предположили возможность связей разных этапов решения прогностической задачи также со свойствами Темной триады.

Метод

Участники исследования

В исследовании приняли уча-

¹ Гипотеза соматического маркера была разработана при анализе трудностей в процессе многоэтапных ПР, встречавшихся у пациентов с определенными видами повреждения префронтальной коры головного мозга и с ослабленной эмоциональной регуляцией [11].

стие 122 человека (71 женщина и 51 мужчина) в возрасте от 18 до 58 лет ($m = 32,39$, $\sigma = 9,43$). Общая выборка состояла из двух групп:

1. Руководители среднего и нижнего звена (всего 62 человека, 32 женщины и 30 мужчин) в возрасте от 22 до 58 лет ($m = 37,60$, $\sigma = 8,84$) с высшим образованием и имеющие в прямом или косвенном подчинении от пяти до 150 человек ($m = 25$, $\sigma = 22$). Руководителями нижнего звена считались лица, возглавляющие определенные отделы организаций и имеющие в прямом подчинении минимум 5 человек. Руководители среднего звена – это лица, занимающие посты директоров или заместителей директоров компаний по различным вопросам.

2. Студенты различных специальностей и представители широкого спектра профессий (всего 60 человек, 39 женщин и 21 мужчина) в возрасте от 18 до 49 лет ($m = 27,01$, $\sigma = 6,63$), большинство из них имели незаконченное высшее или высшее образование.

Методики

В исследовании использовались следующие методики:

1. *Опросник «Темная дюжина»* [4; 7; 13] – для измерения выраженности свойств Темной триады: *субклинического нарциссизма, субклинической психопатии и макиавеллизма*.

2. *Айова-тест (Iowa Gambling Task) – IGT* [11; 14] (в адаптации С.А. Корнилова) – для моделирования ситуации неопределенности [7; 14].

Изучались стратегии субъекта как последовательность выборов колод в каждом из пяти блоков выбора (1 блок соответствует первым 20 выборам, 2 блок – с 21 по 40, 3 блок – с 41 по 60, 4 блок – с 61 по 80, и 5 блок – с 81 по 100

выбор), где *выбор* понимается как отдельный ход в игре. *Исход* каждого выбора рассматривался как «выигрыш» или «проигрыш» условных игровых долларов.

Наиболее частый выбор колод А и В приведет «игрока» к совокупному низкому результату, и, следовательно, выбор этих колод называется «*проигрышным*». Напротив, частый выбор колод С и D ведет к высокому денежному результату, но мелкими накоплениями, и предпочтение данных колод называется «*выигрышным*».

Выделялись аспекты *прагматической* направленности стратегий (получения выигрыша), *познавательной* (связанной с ориентировкой при выборе); частая смена колод, в том числе после столкновения с крупным проигрышем, рассматривалась как аспект *хаотичности* стратегий выбора; редкая смена колод – как *стабильность* выборов; предпочтение «выигрышных» колод с мелкими суммами – как *осторожная стратегия*, а предпочтение «проигрышных» колод, но с редкими большими выигрышами, как менее рациональная или *рискованная стратегия*.

Итак, ситуация Айова-теста использовалась как моделирующая условия неопределенности, что позволяло нам сопоставить стратегии выборов у

лиц, занятых и не занятых в управленческой деятельности.

Схема исследования

Участники исследования проходили тестирование индивидуально или в малых группах (до 3-х человек). Сопоставлялись данные, полученные в двух группах участников (руководителей и студентов).

Результаты

1. Различия в выраженности измеряемых личностных свойств между мужчинами и женщинами.

Посредством корреляционного анализа (ρ Спирмена), установлено, что показатели эффективности – общего счета в Айова-тесте ($\rho = 0,26$, $p < 0,01$) и частота выбора выигрышных колод ($\rho = 0,32$, $p < 0,001$) положительно связаны с *возрастом*, а склонность менять колоды после проигрышей ($\rho = -0,44$, $p < 0,001$) – отрицательно связана с *возрастом*.

Как показано в табл. 1, по фактору *пола* на общей выборке уровень выраженности *субклинической психопатии* значимо ниже у женщин. Данное различие по фактору *пола* установлено и на выборке руководителей (для женщин $M = 6,41$, для мужчин $M = 7,57$, $p < 0,05$).

Таблица 1

Различия в выраженности свойств Темной триады (по критерию Манна-Уитни) между мужчинами и женщинами на общей выборке

Свойство	Женщины (N = 71)	Мужчины (N = 51)	Значимость (p)
Психопатия	6,65 ($\sigma = 2,51$)	8,20 ($\sigma = 3,28$)	0,004
Нарциссизм	13,49 ($\sigma = 3,82$)	12,59 ($\sigma = 3,85$)	0,214
Макиавеллизм	10,41 ($\sigma = 3,82$)	11,47 ($\sigma = 4,90$)	0,246

Выявлена следующая взаимосвязь: лица с высоким уровнем *макиавеллизма* также характеризуются высоким уровнем *нарциссизма* ($r = 0,49$, $p < 0,001$) и

психопатии ($r = 0,27$, $p < 0,01$). При этом данные связи оказались общими для

совокупной выборки, то есть не специфичными для группы руководителей.

Таблица 2

Различия в выраженности свойств Темной триады и результатах в Айова-тесте между руководителями и контрольной группой

Переменная	Руководители	«Не-руководители»	Значимость (p) по критерию Манна-Уитни
Психопатия	6,97 ($\sigma = 2,94$)	7,67 ($\sigma = 2,65$)	0,135
Нарциссизм	12,71 ($\sigma = 3,82$)	13,53 ($\sigma = 3,86$)	0,258
Макиавеллизм	10,63 ($\sigma = 4,40$)	11,08 ($\sigma = 4,26$)	0,588
Общий счет в Айова-тесте	1964 ($\sigma = 1086$)	1729 ($\sigma = 1071$)	0,347
Смена колод после проигрыша	9,85 ($\sigma = 2,63$)	17,41 ($\sigma = 7,07$)	$<0,001$
Выбор выигрышных колод	58,37 ($\sigma = 19,84$)	50,05 ($\sigma = 20,96$)	0,042

Как видно из табл. 2, значимые различия в выраженности свойств Темной триады между группой руководителей и лицами, не занимающими руководящие должности, не выявлены. Однако руководители значимо реже меняли колоды после столкновения с проигрышем на протяжении Айова-теста, что может говорить о менее выраженной *хаотичности* в принятии решений среди руководителей, по сравнению с контрольной выборкой студентов и представителей иных профессий. При этом руководители совершали значимо большее количество выигрышных выборов (малыми накоплениями с выигрышных колод) на протяжении всей игры IGT.

2. Взаимосвязи личностных особенностей Темной триады с принятием решений

1) Как видно из табл. 3, руководители с выраженным *нарциссизмом* наиболее хаотично принимают решения к завершению серии выборов (блок 5). Такие выборы контрпродуктивны для общего прагматического результата

($\rho = -0,37$) и зачастую означают выбор рискованных колод ($\rho = 0,48$ и $\rho = 0,52$), что может привести к существенному уменьшению средств, выигранных за предыдущий период ($\rho = -0,42$, $p < 0,05$). Аналогичную стратегию демонстрируют и руководители с выраженным *макиавеллизмом*. Они склонны также выбирать наиболее опасную (рискованную с точки зрения возможного исхода выбора) колоду под конец игры, где возможный проигрыш – самый крупный. Такой выбор еще более негативно, чем хаотичность, отражается на общей прибыли ($\rho = -0,56$).

Макиавеллисты после середины игры реже предпочитают прибыльную колоду (с возможным маленьким выигрышем в 50, но возможным большим проигрышем до 250 «долларов») ($r = -0,27$). К концу игры *макиавеллисты* предпочитают более «рискованные» колоды, что снижает общий денежный выигрыш ($r = -0,36$).

Руководители с выраженной *субклинической психопатией* вплоть до

середины игры избегают самую нейтральную колоду, где размер штрафа не превышает 50 игровых долларов, при аналогичном возможном выборе ($r = -0,29$). Они чаще выбирают «проигрышные» колоды ($r = -0,58$ с выбором колоды С в блоке 2).

Таким образом, *хаотичность* выбора часто приводит руководителей, обладающих выраженными свойствами Темной триады, к более *рискованным* стратегиям (что приводит к более низкой совокупной прибыли по окончании «игры»).

Таблица 3

Матрица показателей свойств Темной триады и принятия решений на группе руководителей (с поправками на пол и возраст)

		1	2	3	4	5	6	7	8
1	Макиавеллизм	1							
2	Нарциссизм	,606***							
3	Психопатия	,265*	-0,001	1					
4	Проигрыш в 250	-,290*	-0,134	-0,125	1				
5	Выбор колоды В в блоке 5	,254*	0,132	0,044	-,456***	1			
6	Выбор колоды С в блоке 2	-0,024	0,028	-,293*	-0,245	-0,13	1		
7	Выбор колоды D в блоке 4	-,272*	-0,184	0,004	,589***	-,346**	-0,039	1	
8	Смена колод в блоке 5	,276*	,251*	-0,179	-0,13	,522***	0,028	-0,194	1

Примечание: *** $p < 0,001$; ** $p < 0,01$; * $p < 0,05$

2) Как показано в табл. 4, лица с выраженным *макиавеллизмом*, не занятые управленческой деятельностью, склонны придерживаться *осторожной* стратегии в начале Айова-теста (в блоке 1), выбирая выигрышные колоды ($r = 0,29$). Однако денежный выигрыш в блоке 1 при этом оказывается ниже ($r = -0,29$). Тем не менее выбор выигрышных колод в блоке 1 часто приводит к более высокой совокупной прибыли по окончании Айова-теста ($r = 0,28$, $p < 0,05$). Можно считать, что лица с повышением *макиавеллизма* в контрольной группе успешно реализовывали *познавательную* стратегию на ранних этапах Айова-теста, что приводило к более высоким прагматическим результатам.

В контрольной группе лица с выраженностью *нарциссизма* реже совер-

шали рискованный выбор колоды В ($r = -0,27$) в первом блоке IGT, а с середины «игры» (с блока 3) и до окончания (до блока 5) предпочитали осторожный выбор выигрышной колоды D ($r = 0,28$). Выбор колоды D обычно приводит к более высокому прагматическому результату к окончанию IGT ($r = 0,38$, $p < 0,01$). Таким образом, лица в контрольной группе, отличающиеся высокими показателями *нарциссизма*, проявляли успешную *познавательную* стратегию на протяжении всей игры.

Лица, не занимающие руководящие должности, с выраженной *субклинической психопатией* реже меняли колоды после проигрышей в блоке 5 ($r = -0,36$); подобная характеристика *стабильности* стратегии приводила к высоким прагматическим достижениям

к концу игры ($r = 0,26$). В этой контрольной группе лица с высоким уровнем *психопатии* склонны избегать выбора рискованной колоды А к окончанию

ИГТ ($r = -0,27$). Чем реже человек выбирает колоду А на протяжении игры, тем выше оказывается его прибыль к концу «игры» ($r = -0,40$, $p < 0,01$).

Таблица 4

Матрица показателей свойств Темной триады и принятия решений на группе «не-руководителей» (с поправками на пол и возраст)

		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1	Макиавеллизм	1									
2	Нарциссизм	0,34**	1								
3	Психопатия	0,28*	0,10	1							
4	Выбор колоды В в блоке 1	-0,21	-0,27*	-0,01	1						
5	Выбор выигрышных колод в блоке 1	0,29*	0,14	0,12	-0,76***	1					
6	Выигрыш в блоке 1	-0,29*	-0,14	-0,12	0,76***	-1***	1				
7	Выбор колоды D в блоке 3	0,13	0,28*	-0,01	-0,34**	0,40*	-0,40**	1			
8	Смена колод в блоке 5	-0,23	-0,23	-0,36**	-0,02	0,04	-0,04	0,03	1		
9	Выбор колоды А к блоку 5	-0,03	-0,01	-0,27*	0,014	-0,39**	0,39**	-0,26	0,31*	1	
10	Выбор колоды D к блоку 5	0,23	0,28*	0,08	-0,36**	0,48***	-0,48***	0,97***	0,05	-0,22	1

Примечание: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$

Обсуждение результатов

В данной работе личностные свойства человека рассматривались как включенные в стратегии выборов в моделируемой ситуации неопределенности. Исходя из приведенных различий между двумя выборками участников исследования, можно говорить о более эффективных прогнозах на основе *познавательной* стратегии в группе руководителей по сравнению с группой лиц, не занятых управленческой деятельностью; об этом свидетельствуют их большая ориентировка на последовательное долгосрочное накопление сумм и меньшее число неоправданных смен колод. Таким образом, в моделируемой ситуации неопределенности

лица, занятые управленческой деятельностью, принимают решения более эффективно.

Однако при рассмотрении стратегий принятия решения лицами с высокими показателями свойств Темной триады, установлено, что руководители, отличающиеся выраженностью этих свойств, склонны принимать более *рискованные* и *хаотичные* решения, чем лица, не занимающие управленческие должности, но отличающиеся высокими показателями свойств Темной триады.

Выраженность *психопатии* оказалась выше у мужчин, как на совокупной выборке, так и у группы руководителей, что соответствует результатам апробации опросника Темная дюжина

[7]. На совокупной выборке также не обнаружено значимых различий по фактору пола в выраженности *нарциссизма*, как и при апробации Темной дюжины. На нашей совокупной выборке не выявлено значимых изменений свойств Темной триады с возрастом, что соотносится с результатом апробации опросника Темная дюжина [7; 14], но отличается от результатов, полученных другими авторами с использованием других опросников [2].

Обнаруженная для выборки руководителей значимая взаимосвязь между *макиавеллизмом* и *нарциссизмом* соответствует минимальным связям, полученным в отечественных и зарубежных исследованиях [2; 4; 7; 14], то есть не специфична для выборки лиц управленческого труда. Однако на совокупной выборке *макиавеллизм* значимо связан с *психопатией*, что отличается от связей, полученных при апробации опросника Темная дюжина [7; 14], но соотносится с другими исследованиями [2].

Установленные в нашей работе связи личностных свойств с игровыми стратегиями выборов свидетельствуют о следующем.

По аналогии с другими исследованиями можно считать довольно типичным поведения руководителей, отличающихся выраженностью *нарциссизма*, поскольку для нарциссичного лидера характерна погоня за кратковременной «наживой», даже в ущерб перспективе стабильной прибыли в будущем [12]. Лица, не занятые управленческим трудом, при выраженности *нарциссизма*, напротив, предпочитали *осторожные стратегии* с середины игровой задачи вплоть до ее завершения. Таким образом, *хао-*

тичность принятия решения ближе к окончанию тестирования является спецификой руководителей.

Руководители с выраженным *макиавеллизмом* более *хаотично* принимают решения и совершают больше выборов «проигрышных» колод ближе к окончанию игры. Аналогично ведут себя руководители с выраженностью субклинической *психопатии*. Таким образом, проявление свойств Темной триады как нестабильного эмоционального ядра можно видеть в пренебрежении на поздних стадиях игры ориентировкой на долгосрочную перспективу прогнозов при выборах.

У не-руководителей (студентов и лиц, занятых в различных профессиях) выраженность *макиавеллизма* связана с более успешной *познавательной стратегией* на ранних этапах задачи с высоким уровнем неопределенности. В этой группе лица с более высоким уровнем *психопатии* менее хаотично реагируют на проигрыш. Также лица с выраженной *психопатией* в контрольной выборке следовали более *стабильным* и *осторожным* решениям к окончанию тестирования.

При высоких показателях *психопатии*, *макиавеллизма* и *нарциссизма* у лиц контрольной группы более успешными оказываются *познавательная* опосредствованность стратегий и их *стабильность*, что проявляется в выборах выигрышных колод на протяжении всей динамики выборов. Связь же проявлений нестабильного личностного ядра с неэффективными стратегиями при принятии решений выступила спецификой руководителей среднего и нижнего звена.

Эффективность стратегий в контрольной группе участников, не заня-

тых в управленческой деятельности, но имеющих высокие показатели выраженности свойств Темной триады, оказалась выше, чем эффективность руководителей, отличающихся выраженностью этих свойств.

Выводы

1. Свойство *психопатии* более выражено у мужчин, как у руководителей, так и в контрольной группе.

2. Показатели *прагматической* и *познавательной* эффективности улучшаются с возрастом у групп руководителей и «не-руководителей».

3. Руководители принимают более *стабильные* и *осторожные* решения, чем лица, не занятые управленческой деятельностью, после столкновения с крупным проигрышем.

4. Руководители с выраженностью *макиавеллизма* и *психопатии* выбирают более *рискованные стратегии*, чем лица, не занимающие руководящие посты.

5. Лица с высокими показателями *психопатии*, не занятые управленческим трудом, менее *хаотично* принимают решения после столкновения с крупным проигрышем.

6. Руководители, отличающиеся высокими показателями *нарциссизма*, склонны к более хаотичным выборам ближе к окончанию задачи.

7. Эффективность *познавательной* ориентировки и предпочтение *осторожных стратегий* у лиц, не занятых управленческой деятельностью, выше при выраженности свойств Темной триады. Это указывает на положительное влияние этих свойств в решении прогностической задачи.

8. Выраженность свойств Темной триады связана с неэффективным принятием решений в ситуации неопределенности у лиц, находящихся на руководящих должностях, что характеризуется их *рискованными* и *хаотичными* стратегиями выборов в Айова-тесте.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Адизес И.К. Идеальный руководитель: почему им нельзя стать и что из этого следует. М., 2007. 272 с.
2. Егорова М.С., Ситникова М.А., Паршикова О.В. Адаптация Короткого опросника Темной триады [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 43. С. 1. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 10.09.2015).
3. Знаков В.В. Маккиавелизм, манипулятивное поведение и взаимопонимание в межличностном общении // Вопросы психологии. 2002. № 6. С. 45–54.
4. Корнилова Т.В. Принцип неопределенности в психологии выбора и риска [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 40. С. 3. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 10.09.2015).
5. Корнилова Т.В. Психология риска и принятия решений. М., 2003. 286 с.
6. Корнилова Т.В., Веденеева Н.В. Самоэффективность и ретроспективные самооценки, проявляемые при личностном выборе для себя и предполагаемые при выборе за другого человека // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2014. № 2. С. 6–17.
7. Корнилова Т.В., Корнилов С.А., Чумакова М.А., Талмач М.С. Методика диагностики личностных черт «темной триады»: апробация опросника «Темная дюжина» // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 2. С. 99–112.

8. Соколова Е.Т. Нарциссизм как клинический и социокультурный феномен // Вопросы психологии. 2009. № 1. С. 67–80.
9. Хаэр Р.Д. Лишенные совести. М., 2007. 151 с.
10. Bechara A., Damasio A.R., Damasio H., Anderson S.W. Insensitivity to future consequences following damage to human prefrontal cortex // *Cognition*. 1994. V. 50, № 1–3. P. 7–15.
11. Bechara A., Damasio H., Damasio A.R., Tranel D. The Iowa Gambling Task and the somatic marker hypothesis: some questions and answers // *Trends in cognitive sciences*. 2005. V. 9, № 4. P. 159–162.
12. Chatterjee A., Hambrick D.C. It's all about me: Narcissistic chief executive officers and their effects on company strategy and performance // *Administrative Science Quarterly*. 2007. V. 52, № 3. P. 351–386.
13. Jonason P.K., Webster G.D. The dirty dozen: a concise measure of the dark triad // *Psychological assessment*. 2010. V. 22. № 2. P. 420.
14. Kornilov S.A., Krasnov E.V., Kornilova T.V., Chumakova M.A. Individual differences in Performance on Iowa Gambling Task are Predicted by Tolerance and Intolerance for Uncertainty / EuroAsianPacific Joint Conference on Cognitive Science (EAPCogSci2015). Torino, Italy (2015, September) / <http://ceur-ws.org/Vol-1419/paper0121.pdf>. P. 728–731
15. Paulhus D.L., Williams K.M. The dark triad of personality: Narcissism, Machiavellianism, and psychopathy // *Journal of research in personality*. 2002. V. 36, № 6. P. 556–563.

REFERENCES

1. Adizes I.K. Ideal'nyi rukovoditel': pochemu im nel'zya stat' i chto iz etogo sleduet [The ideal Executive: why I can]. M., 2007. 272 p.
2. Egorova M.S., Sitnikova M.A., Parshikova O.V. Adaptatsiya Korotkogo oprosnika Temnoi triady [Elektronnyi resurs] // *Psikhologicheskie issledovaniya*. 2015. T. 8. № 43. S. 1. [Adaptation of the Short Dark triad [Electronic resource] // *Psychological research*. 2015. Vol. 8. No. 43. C. 1.] - URL: <http://psystudy.ru> (request date 10.09.2015).
3. Znakov V.V. Makkiavelizm, manipulyativnoe povedenie i vzaimoponimanie v mezhlchnostnom obshchenii [Machiavelism, manipulative behaviour and mutual understanding in interpersonal communication] // *Voprosy psikhologii*. 2002. no. 6. pp. 45–54.
4. Kornilova T.V. Printsip neopredelennosti v psikhologii vybora i riska [Elektronnyi resurs] // *Psikhologicheskie issledovaniya*. 2015. T. 8. № 40. S. 3. [The uncertainty principle in the psychology of choice and risk [Electronic resource] // *Psychological research*. 2015. Vol. 8. № 40. P.3.] – URL: <http://psystudy.ru> (request date 10.09.2015)
5. Kornilova T.V. Psikhologiya riska i prinyatiya reshenii [Psychology of risk and decision-making]. M., 2003. 286 p.
6. Kornilova T.V., Vedeneeva N.V. Samoeffektivnost' i retrospektivnye samootsenki, proyavlyayemye pri lichnostnom vybere dlya sebya i predpolagaemye pri vybere za drugogo cheloveka [Self-efficacy and retrospective self-evaluation manifested in a personal choice for myself and expected when choosing for another person] // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki*. 2014. no. 2. pp. 6–17.
7. Metodika diagnostiki lichnostnykh chert «temnoi triady»: aprobatsiya oprosnika «Temnaya dyuzhina» [The technique of diagnostics of personality traits the “dark triad”: the approbation of a questionnaire of the “Dark dozen”], Kornilova T.V., Kornilov S.A., Chumakova M.A., Talmach M.S. // *Psikhologicheskii zhurnal*. 2015. T. 36. no. 2. pp. 99–112.
8. Sokolova E.T. Nartsissizm kak klinicheskii i sotsiokul'turnyi fenomen [Narcissism as clinical and socio-cultural phenomenon] // *Voprosy psikhologii*. 2009. no. 1. pp. 67–80.
9. Khaer R.D. Lishennye sovesti [Devoid of conscience]. M., 2007. 151 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Корнилова Татьяна Васильевна – доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;
e-mail: tvkornilova@mail.ru

Красавцева Юлия Владимировна – магистрант факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;
e-mail: julia.k7@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tatiana Kornilova – doctor of psychology, professor of general psychology at the department of psychology of Moscow State University named after M.V. Lomonosov;
e-mail: tvkornilova@mail.ru

Yulia Krasavtseva – master's program student at the department of psychology of Moscow State University named after M.V. Lomonosov;
e-mail: julia.k7@gmail.com

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Красавцева Ю.В., Корнилова Т.В. Свойства темной триады в регуляции стратегий принятия решений (на материале игровой задачи Айова – IGT) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2016. № 2. С. 22–33.

DOI: 10.18384/2310-7235-2016-2-22-33

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

Y. Krasavtseva, T. Kornilova. The Dark Triad Traits In The Regulation Of Decision-Making Strategies // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Psychology. 2016. № 2. Pp. 22–33.

DOI: 10.18384/2310-7235-2016-2-22-33

УДК 159.9.07

DOI: 10.18384/2310-7235-2016-2-34-41

РОЛЬ ОПЕРАЦИОНАЛЬНОГО КОМПОНЕНТА РЕГУЛЯТОРНОГО ОПЫТА В СТАНОВЛЕНИИ СУБЪЕКТНОГО ОТНОШЕНИЯ К ТРУДУ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ СТАРШЕКЛАСНИКОВ

Осницкий А.К.¹, Истомина С.В.²

¹Московская гуманитарно-техническая академия

Российская Федерация, 115201, г. Москва, 2-й Котляковский переулок, д. 1, стр. 98

²Шадринский государственный педагогический институт

Российская Федерация, 641870, Курганская область, г. Шадринск, ул. К. Либкнехта, 3

Аннотация. В статье представлены результаты исследования уровня профессионального самоопределения старшеклассников общеобразовательных школ, а также характеристики операционального компонента регуляторного опыта. Исследуется вопрос о роли операционального опыта в процессе профессионального самоопределения учащихся и становлении авторской позиции в труде (субъектности). Доказана решающая роль данного компонента регуляторного опыта в рассматриваемом аспекте. Изучены вклады операционального компонента в профессиональное самоопределение учащихся старших классов, имеющих склонности к различным профессиональным сферам.

Ключевые слова: саморегуляция, профессиональное самоопределение, компоненты регуляторного опыта, операциональный опыт.

THE ROLE OF THE OPERATIONAL COMPONENT OF REGULATORY EXPERIENCE IN THE DEVELOPMENT OF THE SUBJECTIVE ATTITUDE TO WORK AND PROFESSIONAL SELF-DETERMINATION OF SENIOR PUPILS

A. Osnicki¹, S. Istomina²

¹Moscow humanitarian-technical Academy

115201, Moscow, 2-nd Kotlyakovskoe str. 1, p. 98, Russian Federation

²Shadrinsk state pedagogical Institute

641870, Kurgan region, Shadrinsk, K. Libknekht str., 3, Russian Federation

Abstract. This article presents the results of research of professional self-determination of senior pupils of secondary schools, as well as the characteristics of the operational component of regulatory experience. Examines the role of operational experience in the process of professional self-determination of students and the development of an author's position in the labour (of subjectivity). Proved the crucial role of this component of regulatory experience in this aspect. Studied deposits of the operational component in professional self-determination of pupils of the senior classes, have an inclination for various professional spheres.

Key words. Self-regulation, professional identity, components of regulatory experience, operational experience.

Одной из приоритетных задач психолого-педагогической теории и практики является выделение факторов, условий, которые способствуют расширению возможностей человека, выступающего в роли субъекта. Сознательная, активная и ответственная позиция по отношению к миру становится реальной, если у человека есть осмысленное знание о собственных ресурсах, о возможностях самоуправления в обеспечении эффективного взаимодействия с тем, что его окружает. Только включение этих знаний во все сферы проявления жизнедеятельности человека позволяет ему стать подлинным субъектом своей активности. Данную субъектную позицию человека мы рассматриваем как разворачивающийся процесс самоопределения, в частности профессионального.

Актуальность исследования также обусловлена наличием кризиса в мировой экономической сфере, глубоким реформированием российской экономики, оказывающим существенное влияние на предложение и выбор профессии выпускниками школ. Как показывает практика, этот выбор часто осуществляется на основе искаженного представления о мире профессий, требованиях конкретной профессии, потребностью в специалистах на рынке труда, собственных возможностях. Парадоксальность ситуации состоит в том, что любой выпускник школы, принимая решение о выборе профессии и уровне дальнейшего образования, находится в ситуации неопределенности, а успешность данного выбора будет определена лишь после окончания учреждения среднего профессионального (высшего профессионального) образования, то есть не ранее, чем через 2–4 года (а если учитывать обучение в магистратуре как второй ступени высшего образования, то 6,5 лет).

Одним из важнейших факторов, влияющих на профессиональное самоопределение, безусловно, наряду с другими, мы рассматриваем регуляторный опыт как структурированную систему знаний, умений и переживаний, составляющих представления человека о личностном самоопределении (в том числе и профессиональном), определяющих успешность регуляции его деятельности и поведения. Данный вид опыта представлен ценностным, рефлексивным, операциональным компонентами, опытом сотрудничества и привычной активизацией [10]. Как показали исследования, проведенные в 1988–2009 гг., именно регуляторная система обеспечивает появление предпосылок формирования субъектности в осознанной произвольности деятельности, в том числе при выборе профессии в юношеском возрасте [1; 2; 3; 4; 5; 6; 9].

В данном сообщении акцент сделан на исследовании вклада операционального компонента регуляторного опыта в успешность формирования субъектного отношения к труду и профессионального самоопределения в целом учащихся старших классов. Исследование проведено на 407 учащихся 10–11 классов пяти общеобразовательных школ г. Шадринска Курганской области (Уральский федеральный округ).

Психодиагностический инструментарий для изучения содержания опера-

ционального компонента и профессионального самоопределения старшеклассников включал следующие методики:

1. Субъектная модификация дифференциально-диагностического опросника (СМДДО) [8] выявляет показатели по ряду шкал: «Интересы», «Умелость», «Положительное отношение к работе в какой-либо сфере занятий», «Адаптация», «Склонность», «Динамика развития интересов» [8].

2. Опросник «Саморегуляция» [8] предназначен для выявления точности как самооценивания, так и экспертного оценивания регуляторных умений учащихся, необходимых им для решения задач, выполнения учебных и учебно-производственных заданий, задач повседневного поведения.

3. Опросник «Стиль саморегуляции поведения» [7] характеризует уровень сформированности индивидуальной системы саморегуляции произвольной активности человека.

4. Анкета для старшеклассников [11] позволяет выявить степень осознанности факта выбора и определенность профессиональных интересов, осведомленность учащегося и оценку своих способностей.

Профессиональное самоопределение старшеклассников изучалось с помощью «Субъектной модификации дифференциально-диагностического опросника», «Анкеты для старшеклассников». Характеристики операционального компонента определены с учетом его содержательного наполнения: количество общетрудовых, профессиональных умений (СМДДО), количество структурно-компонентных, функциональных, личностно-стилевых особенностей саморегуляции

(опросник «Саморегуляция»), общий уровень саморегуляции (ССПМ). В качестве показателей саморегуляции мы рассматриваем следующие умения: структурно-компонентные (так называемый «профиль саморегуляции»), функциональные (связанность показателей в системе саморегулирования), динамические (темпераментальные характеристики поведения), личностно-стилевые (характерологические особенности личности) [11].

Показатели интеркорреляций полученных данных (coefficient correlation Pearson, пакет компьютерных программ SPSS 10,5) позволяют судить о наличии положительных взаимосвязей между результатами методик, изучающих особенности операционального опыта при уровне статистической значимости менее 5 %. Так, коэффициент корреляции показателей методик «ССПМ» и «Саморегуляция» равен 0,122 при $p=0,014$; ССПМ и шкалой «Умелость» СМДДО – 0,112 при $p=0,024$; «Саморегуляция» и шкалой «Умелость» СМДДО – 0,121 при $p=0,015$.

На первом этапе обработки эмпирических данных были проанализированы показатели профессионального самоопределения учащихся. На основе критериев профессионального самоопределения (когнитивном, поведенческом, эмоциональном) были выявлены группы старшеклассников с разным уровнем сформированности профессионального самоопределения.

Распределение испытуемых показало, что в первую группу вошли старшеклассники с высокими показателями (24,1 %). У обучающихся выявлен выраженный интерес к разнообразному миру профессий, рынку труда в

целом, развитые умения в нескольких профессиональных сферах, склонности, предпочтения и положительная направленность к выбору профессии. Обучающиеся уже выбрали учебное заведение среднего профессионального либо высшего профессионального обучения для поступления по окончании школы, целенаправленно и осознанно готовятся к вступительным экзаменам посредством посещения факультативных, дополнительных занятий у репетиторов, подготовительных курсов в педагогическом институте.

У учащихся со средними показателями (50,4 %) определен интерес к какой-либо профессиональной деятельности, при этом умелость в данной сфере может отсутствовать; склонность и хороший уровень адаптации в одной сфере, неустойчивый интерес к учению и труду, неустойчивое отношение к будущей профессиональной деятельности. У некоторых ребят отмечено снижение динамики интереса к профессиональному выбору.

Для старшеклассников с низким уровнем профессионального самоопределения (25,5 %) характерно отсутствие выраженных интересов, профессиональных умений, склонностей, предпочтений в данной сфере, безразличное отношение к будущей профессии, экстернальный локус контроля, в частности, перекладывание ответственности за профессиональный выбор на других людей, например родителей [5].

На следующем этапе анализа экспериментальных данных мы рассмотрели содержание операционального компонента регуляторного опыта. Для разбиения испытуемых на группы мы использовали Hierarchical Cluster

Analysis (пакет компьютерных программ SPSS 10,5). Учащиеся первого кластера (21,6 %) самостоятельны, гибко и адекватно реагируют на изменение условий, осознанно выдвигают и организуют достижение цели; общее количество трудовых умений 30–40 (40 – максимальное количество умений, определяемых по шкале «Умелость» СМДДО). У ребят данного кластера высокий общий уровень осознанной саморегуляции, вследствие чего они легко овладевают непривычными видами активности, а их успехи в обычных, привычных видах деятельности достаточно стабильны. У них хорошо развиты все характеристики осознанной саморегуляции поведения.

У 46,2 % старшеклассников 2-го кластера выявлены недостаточно сформированные особенности саморегуляции, общее количество трудовых умений 20–30. Мы объясняем это тем, что успешность овладения различными видами деятельности во многом зависит именно от соответствия особенностей регуляции и требований осваиваемого в настоящий момент вида активности.

У обучающихся, отнесенных программой к 3-му кластеру (32,2 %), отмечены низкие показатели по шкалам «Планирование» и «Программирование» (методика «Стиль саморегуляции поведения») в плане осознанности поведения, неразвит общий уровень саморегуляции, что в итоге, безусловно, влияет и на их профессиональный выбор. Ученики зависимы от мнения окружающих, ответственность в полной мере перекладывают на других людей; общее количество трудовых умений до 19. При этом ряд юношей показали полное отсутствие трудовых навыков (!) [5].

Одной из важных задач нашего исследования являлось изучение взаимосвязи между показателями профессионального самоопределения и операционального опыта. Методы статистического анализа (cross-tabulation, coefficient correlation Pearson) позволили сделать следующие выводы:

1) существует положительная значимая связь между уровнем профессионального самоопределения и операциональным компонентом ($\varphi = 0,296$ при $p < 0,001$);

2) существует взаимосвязь между уровнем профессионального самоопределения и общим уровнем саморегуляции ($r = 0,54$ при $p < 0,01$);

3) существуют достоверные различия между учащимися с разными характеристиками профессионального самоопределения и типом умений саморегуляции: учащиеся с высоким уровнем самоопределения обладают развитыми структурно-компонентными, функциональными, личностно-стилевыми особенностями саморегуляции и динамическими характеристиками в отличие от учащихся с низким уровнем профессионального самоопределения;

4) старшеклассники с развитыми умениями в нескольких профессиональных сферах характеризуются высоким уровнем профессионального самоопределения ($r = 0,74$ при $p < 0,01$).

Таким образом, развитая система саморегуляции, сформированные отдельные умения саморегуляции, трудовые умения в различных сферах профессиональной деятельности позволяют старшеклассникам более грамотно ориентироваться в мире профессий, делать осознанный профессиональный выбор, а в будущем успеш-

но овладеть выбранной профессией.

Зависимость профессионального самоопределения учащихся от сформированности операционального компонента мы определяли с помощью пошагового метода (Stepwise method) дискриминатного анализа. В итоге включение компонентов регуляторного опыта в качестве детерминант позволил выделить их вклады в успешность профессионального самоопределения: ценностный компонент ($\beta = 1,177$ при $p < 0,001$), операциональный компонент ($\beta = 1,112$ при $p < 0,001$), привычная активизация ($\beta = 0,688$ при $p < 0,001$), рефлексивный компонент ($\beta = 0,521$ при $p < 0,001$). Таким образом, операциональный компонент регуляторного опыта, входя в дискриминантное уравнение, имеет второй по значимости вес. Это в целом подтверждает предположение о том, что высокие показатели операционального компонента определяют успешность профессионального самоопределения старшеклассников.

На следующем этапе работы мы сочли необходимым выявить вклад операционального компонента в профессиональное самоопределение старшеклассников со склонностью к различным сферам профессиональной деятельности посредством дискриминантного анализа (Discriminant analysis, Stepwise method):

– у старшеклассников со склонностью к технической сфере решающую роль в становлении профессионального самоопределения имеет именно операциональный компонент регуляторного опыта ($\beta = 2,238$; $p < 0,001$);

– у старшеклассников со склонностью к сферам искусства, «Знаковая система», «Природа» операциональный

компонент стоит на втором месте по значимости ($\beta = 2,342$ при $p < 0,001$; $\beta = 1,665$ при $p < 0,001$; $\beta = 2,412$ при $p < 0,001$ соответственно);

– у обучающихся, предпочитающих работать с людьми, операциональный компонент в дискриминантном уравнении стоит на третьем месте ($\beta = 1,825$; $p < 0,001$).

Методы статистического анализа показали, что процесс профессионального самоопределения старшеклассников со склонностью к различным сферам профессиональной деятельности зависит от разных компонентов регуляторного опыта, однако операциональный компонент вносит весомый вклад (на первых трех местах в дискриминантном уравнении) вне зависимости от склонностей учащихся и имеет решающее значение при профессиональном выборе у учащихся.

В качестве рекомендаций по учету характеристик операционального опыта, влияющих на профессиональное самоопределение, при профориентационной работе со старшеклассниками мы предлагаем следующее. В процессе диагностики, бесед и анкетирования выявить профессиональные намерения, склонности, интересы старшеклассников; изучить содержание операционального опыта с помощью диагностического инструментария

(СМДДО (шкала «Умелость»), опросников «ССПМ» и «Саморегуляция»); изучить положительное отношение, интересы, наличие умений, склонностей, легкой адаптации в какой-либо из сфер профессиональной деятельности с помощью СМДДО и «Анкеты для старшеклассников». При выборе профессиональных альтернатив педагогу-психологу целесообразно учитывать то, что операциональный компонент обуславливает процесс профессионального самоопределения учащихся со склонностью к сфере «Техника». В связи с этим планирование и реализация профориентационной работы с учащимися технологического направления должны включать анализ имеющихся трудовых умений, умений саморегуляции, построение профиля индивидуального стиля саморегуляции.

Таким образом, мы подтвердили предположения о зависимости профессионального самоопределения от содержания операционального компонента регуляторного опыта. Применение корреляционного и дискриминантного видов анализа показало достоверность связей, зависимостей между показателями операционального компонента регуляторного опыта и уровнем профессионального самоопределения старшеклассников.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бохорский Е.М. Развитие рефлексии как условие формирования у учащихся субъектного отношения к труду : автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 1991. 21 с.
2. Бякова Н.В. Опыт осознанной саморегуляции как условие успешности профессионального обучения : дисс. ... канд. психол. наук. М., 2009. 190 с.
3. Воробьева М.В. Анализ сформированности умений саморегуляции деятельности в профконсультировании школьников : дисс. ... канд. психол. наук. М., 1994. 147 с.
4. Истомина С.В. Влияние компонентов регуляторного опыта на профессиональное самоопределение старшеклассников // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия: Гуманитарные науки. 2007. № 3. Т. 13. С. 159–

- 163.
5. Истомина С.В. Роль регуляторного опыта в профессиональном самоопределении старшеклассников : дисс. ... канд. психол. наук. М., 2009. 182 с.
 6. Ле Тхи Хоа. Становление субъектного опыта учащихся СПТУ в процессе профессионального самоопределения : автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 1988. 20 с.
 7. Моросанова В.И. Опросник «Стиль саморегуляции поведения» (ССПМ): руководство. М., 2004. 44 с.
 8. Осницкий А.К. Психология самостоятельности. Методы исследования и диагностики. М.; Нальчик, 1996. 125 с.
 9. Осницкий А.К. Структура, содержание и функции регуляторного опыта человека : дисс. ... д-ра психол. наук. М., 2000. 370 с.
 10. Осницкий А.К., Бякова Н.В., Истомина С.В. Исследование развития осознанной саморегуляции в период выбора и освоения профессии [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2012. № 2(22). С. 11. URL: <http://www.psystudy.ru/index.php/num/2012n2-22/649-osnitsky22.html> (дата обращения: 09.03.2016)
 11. Фридман Л.М. и др. Изучение личности учащегося и ученических коллективов / Л. М. Фридман, Т. А. Пушкина, И. Я. Каплунович. М., 1988. 207 с.

REFERENCES

1. Bokhorskii E.M. Razvitie refleksii kak uslovie formirovaniya u uchashchikhsya sub'ektnogo otnosheniya k trudu : avtoreferat dissertatsii ... kandidata psikhologicheskikh nauk [The development of reflection as a condition of formation of students]. M., 1991. 21 p.
2. Byakova N.V. Opyt osoznannoi samoregulyatsii kak uslovie uspehnosti professional'nogo obucheniya : dissertatsiya ... kandidata psikhologicheskikh nauk [The experience of conscious self-regulation as a condition for the success of vocational training : the dissertation ... the candidate of psychological Sciences]. M., 2009. 190 p.
3. Vorob'eva M.V. Analiz sformirovannosti umenii samoregulyatsii deyatel'nosti v profkonsul'tirovanii shkol'nikov : dissertatsiya ... kandidata psikhologicheskikh nauk [Analysis of formation of skills of self-regulation activities in the professional consultation of pupils : the dissertation ... the candidate of psychological Sciences]. M., 1994. 147 p.
4. Istomina S.V. Vliyanie komponentov regul'yatornogo opyta na professional'noe samoopredelenie starsheklassnikov [The influence of components of regulatory experience in professional self-determination of senior pupils] // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2007. no. 3. T. 13. pp. 159–163.
5. Istomina S.V. Rol' regul'yatornogo opyta v professional'nom samoopredelenii starsheklassnikov : dissertatsiya ... kandidata psikhologicheskikh nauk [The role of regulatory experience in professional self-determination of senior pupils : the dissertation ... the candidate of psychological Sciences]. M., 2009. 182 p.
6. Le Tkhi KHoa. Stanovlenie sub'ektnogo opyta uchashchikhsya SPTU v protsesse professional'nogo samoopredeleniya : avtoreferat dissertatsii ... kandidata psikhologicheskikh nauk [Le Thi Hoa. The formation of the subjective experience of students of vocational school in the process of professional self-determination : the thesis ... candidate of psychological Sciences]. M., 1988. 20 p.
7. Morosanova V.I. Oprosnik «Stil' samoregulyatsii povedeniya» (SSPM): rukovodstvo [Questionnaire "Style of self-regulation of behavior" (SSPM): guide]. M., 2004. 44 p.
8. Osnitskii A.K. Psikhologiya samostoyatel'nosti. Metody issledovaniya i diagnostiki [The psychology of independence. Research methods and diagnostics]. M.; Nalchik, 1996. 125 p.
9. Osnitskii A.K. Struktura, sodержanie i funktsii regul'yatornogo opyta cheloveka : disser-

tatsiya ... doktora psikhologicheskikh nauk [Structure, content and functions of regulatory experience : thesis ... of doctor of psychology]. M., 2000. 370 p.

10. Osnitskii A.K., Byakova N.V., Istomina S.V. Issledovanie razvitiya osoznannoi samoregulyatsii v period vybora i osvoeniya professii [Elektronnyi resurs] [The study of conscious self-regulation in a selection period and development of the profession [Electronic resource]] Psikhologicheskie issledovaniya. 2012. № 2(22). S. 11. [Psychological research. 2012. No. 2(22). C. 11.]. URL: <http://www.psystudy.ru/index.php/num/2012n2-22/649-osnitsky22.html>
11. Fridman L.M., Pushkina T.A., Kaplunovich I.YA. Izuchenie lichnosti uchashchegosya i uchenicheskikh kollektivov [The study of individual student and student groups]. M., 1988. 207 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Осницкий Алексей Константинович – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии Московской гуманитарно-технической академии, Главный научный сотрудник Психологического института Российской академии образования; e-mail: osnizak@mail.ru

Истомина Светлана Владимировна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии развития и педагогической психологии Шадринского государственного педагогического института; e-mail: istomina-sv@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alexey Osnitsky – doctor of psychology, Professor, head of Department of psychology, Moscow humanitarian-technical Academy, Chief researcher of the Psychological Institute of the Russian Academy of education; e-mail: osnizak@mail.ru

Svetlana Istomina – candidate of psychological Sciences, associate Professor in the Department of psychology of development and pedagogical psychology, Shadrinsk state pedagogical Institute; e-mail: istomina-sv@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Осницкий А.К., Истомина С.В. Роль операционального компонента регуляторного опыта в становлении субъектного отношения к труду и профессионального самоопределения старшеклассников // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2016. № 2. С. 34–41.
DOI: 10.18384/2310-7235-2016-2-6-34-41

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

A. Osnicki, S. Istomina. The Role of the Operational Component of Regulatory Experience in the Development of the Subjective Attitude to Work and Professional Self-Determination of Senior Pupils // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Psychology. 2016. № 2. Pp. 34–41.
DOI: 10.18384/2310-7235-2016-2-6-34-41

РАЗДЕЛ II. СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9

DOI: 10.18384/2310-7235-2016-2-42-53

РОЛЬ ДОВЕРИЯ ПРОФЕССИОНАЛА К СЕБЕ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФЕЛЬДШЕРА СКОРОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ

Алдашева А.А., Рунец О.В.

Институт психологии Российской академии наук

129366 Москва, ул. Ярославская, д. 13

Аннотация. В статье анализируется связь доверия профессионала к себе с выбором стратегий профессионального поведения, смысловыми установками, саморегуляцией поведения и ценностными ориентациями. Приведенные результаты исследования позволяют рассматривать доверие профессионала к себе как самоотношение, определяющее стратегии профессионального поведения. Показано, что фельдшеры с оптимальным уровнем доверия к себе в профессиональной деятельности применяют большее количество стратегий поведения, ориентируются на состояние пациента, на особенности ситуации, взаимодействуют с другими участниками, в том числе экспертами.

Ключевые слова: доверие профессионала себе, доверие к другому, профессиональная деятельность, самоотношение, эффективность деятельности, стратегии поведения, скорая медицинская помощь, фельдшер.

ROLE OF TRUST OF THE PROFESSIONAL TO ITSELF IN ACTIVITY OF THE PARAMEDIC OF THE EMERGENCY MEDICAL SERVICE

A. Aldasheva, O. Runets

Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow

13, building 1, Yaroslavskaya str., Moscow, 129366, the Russian Federation

Abstract. This article shows the influence of self-trust of a professional on the choice of strategies for professional conduct, the influence on orientation, self-regulation and value orientation. Results of the study allow us to consider professional self-trust as a self-attitude. Professional self-trust measure currently has a level structure: high, medium, low. It had been established that low levels of self-trust of a professional negatively influences the effectiveness of the paramedics of the Emergency Medical Services, while professionals with an optimal level of self-trust in their professional activities take into account the situation and characteristics of the patient, are relying on professional intuition, accept responsibility for the results.

© Алдашева А.А., Рунец О.В.

Государственное задание ФАНО РФ № 0159-2016-0007.

Key words: professional self-trust and interpersonal trust, professional activity, self-attitude, success of activities, behavior strategies, emergency medical care, situational trust.

Немногочисленные исследования, посвященные проблеме доверия в профессиональной деятельности, свидетельствуют о том, что данный феномен обусловлено рядом факторов: профессиональной зрелостью, квалификацией и компетентностью, развитием морально-нравственных, этических качеств, социальной ответственностью и профессиональной ситуацией, в которой развивается сама деятельность [2; 6; 17; 18; 20].

Показано, что сбалансированность меры доверия к себе и другим является одной из важнейших детерминант, способствующих успешной адаптации специалистов [18] и надежности в профессиональной деятельности [1], и влияющих на эффективность межличностного взаимодействия [3]. В работах А.Б. Купрейченко большое внимание уделялось значимости феномена доверия в управленческой деятельности и доверия к получаемой информации [8]. Как показали исследования Б.А. Ясько, феномен доверия в профессии врача является одним из признаков профессионализма [20]. В известной нам литературе доверие профессионала к себе как отдельная проблема не рассматривалось, однако в контексте своих исследований А.Б. Купрейченко обращалась к данному понятию для целей интерпретации полученных ею данных [9].

Роль доверия профессионала к себе возрастает в социоэкономических профессиях, предполагающих межличностное взаимодействие [6], проявляющееся в двух ипостасях: субъектном и ролевом как стратегии самопредъяв-

ления и самораскрытия. Самораскрытие является важным механизмом в формировании отношения и развития доверия [21], в то время как стратегия самопредъявления характеризуется профессиональными, статусно-иерархическими чертами [13], отражающими психологическую дистанцию, которая определяется мерой доверия [9].

Психологический анализ профессиональной деятельности фельдшера скорой медицинской помощи (СМП) позволил выявить специфику взаимодействия, заключающуюся в готовности выездного персонала взаимодействовать с разными категориями пациентов, в различных профессиональных ситуациях, в том числе и в экстренных. При этом взаимодействие фельдшера с пациентом предусматривает принятие решений в рамках полномочий и регламентаций, описывающих профессиональное поведение в типичных ситуациях. В экстренных ситуациях (нестандартных) при принятии решения о тактике ведения больного фельдшер опирается не только на инструкции, но и на свой профессиональный опыт и знания, а также имеет возможность обратиться за консультацией к группе экспертов, сопровождающих выездной персонал. Группа экспертов – это специалисты узкого профиля, которые могут оказать помощь в виде рекомендаций, инструкций и психологической поддержки и т.п. Результатами взаимодействия являются получение новых знаний и профессионального опыта, которые фельдшер должен «приложить» к реальной ситуации, соотнести со своими

знаниями и возможностями. При этом принятие решения и ответственность за результаты деятельности остаются за фельдшером [18].

Основными источниками риска в профессии фельдшера выступают:

Информация. Содержание и полнота информации влияет на точность диагностики и выбор лечебно-тактического решения.

Время. Временные потери, независимо от причин их возникновения связаны с угрозами жизни для больного. Принятие решение о необходимых и совместных действиях в условиях дефицита времени нередко ставит фельдшера в ситуацию неопределенности, которая предполагает готовность взять на себя риск и ответственность, поступать на свое усмотрение, адаптируя профессиональные знания и опыт к новым условиям [18; 20].

Профессиональная ситуация деятельности фельдшера предполагает взаимодействие с разными группами: врачами – специалистами и экспертами, пациентами и их окружением. При взаимодействии фельдшера с пациентом для оказания помощи, возникает необходимость действовать сообща, а это возможно лишь при условии доверия пациента к профессионализму врача. Способность вызывать чувство доверия у пациента к действиям медицинского персонала, по мнению Б.А. Ясько, определяется компетентностью врача [20].

Исследования, посвященные проблеме доверия [10; 16; 17], показали, что условием для проявления феномена доверия является ситуация неопределенности. Согласно Е.П. Ильину, «ситуация неопределенности характеризуется неполной или недостаточной

информацией об объекте, процессе, явлении, в отношении которого принимается решение, что заставляет идти на риск» [7, с. 17]. Под риском понимается «действие, направленное на привлекательную цель, достижение которой сопряжено с элементом опасности, угрозы потери, неуспеха» [11, с. 129–130]. Принятие рискованных решений в условиях дефицита времени и информации является составной частью работы фельдшера СМП и сопряжено с повышенной ответственностью за результат [19].

Особенности профессиональной деятельности фельдшеров СМП в литературе (А.С. Багдасарьян и соавт., 2001; В.В. Болучевская, 2011; А.А. Бойков, 2006; Е.В. Ершова, 2012; Д.А. Изуткин, 2012; О.Е. Коновалов, М.А. Сычев, 2008; Т.М. Максимова и соавт., 2000; Т.А. Мыльникова, 2001, 2003; Н.Н. Пилипцевич, 2012; И.О. Слепушенко, 2007) преимущественно изучаются в рамках стандартов профессионального поведения. При этом вне поля зрения исследователей оказываются индивидуально-личностные особенности фельдшеров, которые во многом определяют его отношение к результату труда, поведение в сложных ситуациях, взаимодействие с различными участниками профессионального общения. Умение применять сообразно ситуации стратегии поведения снижает риски профессиональных ошибок: лечебно-диагностических, тактических и психологических.

Таким образом, изучение доверия профессионала к себе способствует решению проблем эффективности оказания скорой медицинской помощи.

Предметом исследования является

ся феномен доверия профессионала к себе.

Цель исследования: проанализировать стратегии профессионального поведения фельдшеров с разным уровнем доверия профессионала к себе.

Гипотезы: 1. Доверие профессионала к себе влияет на выбор стратегий поведения.

2. Эффективность профессиональной деятельности фельдшера СМП определяется разнообразием выбираемых стратегий поведения.

На основании гипотезы в данной работе решались следующие задачи:

1. Описать индивидуально-психологические различия фельдшеров с разным уровнем доверия к себе;

2. Показать различия стратегий поведения фельдшеров в группах с разным уровнем доверия профессионала к себе.

Методика

Исследование проводилось на Станции скорой помощи им А.С. Пучкова г. Москвы. В нем принимали участие 100 фельдшеров (ср. возраст – 32 года, ср. стаж работы – 9 лет).

Респонденты были разделены на три группы по уровню доверия себе [4]. Принцип деления на группы основывался на соответствии нормальности распределения [5].

В первую группу вошли фельдшеры, имеющие относительно высокие показатели доверия себе (верхний квантиль от 75 баллов и выше): 28 человек – средний стаж – 8,5 лет, средний возраст – 33 года (группа 1); во вторую группу – фельдшеры, имеющие относительно средние показатели доверия к себе (от 63 до 75 баллов), в нее вош-

ли 47 человек, средний стаж – 9,2 года, средний возраст – 32,4 года (группа 2). В третью группу – фельдшеры, имеющие относительно низкие показатели доверия к себе (нижний квантиль до 63 баллов): 26 человек, средний стаж – 9 лет, средний возраст – 31,6 года (группа 3).

Одна из задач исследования заключалась в том, чтобы показать особенности стратегий поведения фельдшера скорой медицинской помощи (СМП) в профессиональных ситуациях в группах с разным уровнем доверия к себе. Для этого с помощью структурированного интервью были проанализированы стратегии поведения фельдшеров в различных профессиональных ситуациях, особенности взаимодействия с пациентом и экспертным сообществом.

Для описания индивидуально-психологических различий фельдшеров с разным уровнем доверия к себе в исследовании были использованы следующие методики: структурированное интервью; опросник «Методика изучения доверия себе» Н.Б. Астаниной [4], который был апробирован для целей нашего исследования [15]. Шкала «Межличностного (социального) доверия Дж. Роттера; «Методика исследования самоотношения» (МИС); опросник «Шкала базисных убеждений» (ШБУ); Уровень социальной ответственности оценивался шкалой социальной ответственности К.К. Муздыбаева; «Стиль саморегуляции поведения» ССП-98; «Диагностика уровня эмпатических способностей»; Шкала суверенности ценностей (СЦ) опросника «Суверенность психологического пространства» (СПП).

С целью изучения влияния доверия

к себе на качество работы и выявления связи с личностными характеристиками было проведено сравнение групп по t-критерию Стьюдента, дисперсионный анализ (ANOVA), статистический анализ проводился с помощью Statistica 6.0.

Результаты исследования

Вопросы структурированного интервью были направлены на исследование профессионального поведения фельдшеров в экстремальных и типичных ситуациях деятельности. Первая группа вопросов направлена на изучение выбора стратегий поведения, как в типичной ситуации, которая описана в алгоритмах оказания медицинской помощи, так и в экстремальной, не имеющей описания.

Контент-анализ показал что, в типичных ситуациях представители группы с высоким уровнем доверия (группа 1) ориентируются на «самостоятельные действия» и «опираются на свой опыт» (39 %), следуют «инструкции, с учетом состояния больного» (32 %), действуют только согласно «инструкции» (28 %). В экстремальных ситуациях фельдшеры ориентируются на «самостоятельные действия», «опираются на свой опыт» (39 %), при необходимости они обратятся за помощью к группе экспертов (21 %), «не будут предпринимать самостоятельных действий, сразу обратятся за помощью» (28 %).

Фельдшеры со средним уровнем доверия к себе (группа 2) в типичной ситуации действуют только согласно «инструкции» (44 %) или предпринимая «самостоятельные действия», «опираются на свой опыт» (28 %),

либо следуют инструкции, с учетом состояния больного (28 %). В экстремальной ситуации они выбирают «самостоятельные действия» (42 %), при необходимости обратятся за помощью к группе экспертов (32 %), сразу откажутся от самостоятельных действий и обратятся за помощью (19 %).

В типичной ситуации представители группы с низким уровнем доверия к себе (группа 3) ориентируются на «инструкции» (54 %), проявляют «самостоятельные действия» (27 %), «сразу обратятся за помощью» (11 %), будут следовать инструкции с учетом состояния больного (8 %). В экстремальной ситуации 42 % респондентов третьей группы говорят, что они будут: «самостоятельно выпутываться» «действовать по стандарту», «исходить из метода исключения неверных решений», «работать и, главное, выйти из ситуации “сухим из воды”» и т.п. Контент-анализ интервью позволяет говорить, что в группе фельдшеров с низким уровнем доверия к себе в экстремальной ситуации преобладают респонденты, которые испытывают субъективные трудности, связанные с решением экстремальных ситуаций на пути преодоления проблем, и лишь 11 % готовы действовать самостоятельно.

С целью изучения взаимодействия фельдшеров с группой экспертной поддержки фельдшеров нами был сформулирован вопрос в форме незавершенного предложения: «Для меня как профессионала обратиться за помощью к коллегам (начальству, консультация других специалистов узкого профиля из “центра”) – это...».

Большинство представителей первой группы считают обращение за помощью «необходимостью в сложных

ситуациях» и воспринимают «как дополнительный источник информации». Фельдшеры второй группы расценивают обращение за помощью как «получение недостающего опыта» и «необходимость в сложных ситуациях». Представители третьей группы считают, что обращаться за помощью к экспертам «необходимо, но стыдно», подобный тип поведения может говорить о склонности фельдшеров этой группы к выбору избегающей стратегии поведения часто свидетельствует о состоянии фрустрации.

Для прояснения типа взаимодействия, позволяющего фельдшеру установить доверительные отношения с пациентом, были предложены следующие незаконченные предложения «Обычно я слежу за...», «Обычно мне важно, чтобы...», «Обычно я часто...», «Обычно я стараюсь...», «Практика показывает, что...».

Контент-анализ интервью фельдшеров показал, что картина направленности при взаимодействии «фельдшер – пациент» имела следующую структуру: так, в группе с высоким уровнем доверия фельдшеры рассчитывают на пациента (35 %), на ситуацию (32 %), на себя (32 %); в группе со средним уровнем доверия при взаимодействии фельдшеры ориентируются на ситуацию (46 %), на пациента (25 %), на себя (21 %). Группа с низким уровнем доверия – на себя (34 %), на пациента (31 %), на ситуацию (19 %), и 15 % – не могли определиться с ответом.

Таким образом, первая и вторая группы предпочитали использовать при взаимодействии с пациентом одновременно две стратегии: в первой группе (53 %), во второй (55 %) – стратегии характеризовались направленностью и на пациента, и на ситуацию.

Фельдшеры первой (32 %) и второй группы (30 %) в работе применяли одновременно три стратегии: на пациента, на ситуацию, на себя. Остальные респонденты из этих групп выбирали всего одну стратегию поведения.

Третья группа, с низким уровнем доверия, характеризуется преимущественно наличием 2-х стратегий – на себя и на пациента (46 %), либо одной стратегии – на себя (31 %), и лишь у 8 % респондентов отмечают наличие 3-х стратегий, а 15 % респондентов из этой группы не могли выделить используемые в деятельности стратегии.

2. Групповые различия индивидуально-личностных качеств фельдшеров

Согласно полученным результатам, для первой группы характерен более высокий уровень программирования (ССП) ($t_{1,2} = 2,64$, $p < 0,01$; $t_{1,3} = 2,96$, $p < 0,01$), открытости (МИС) ($t_{1,2} = 2,05$, $p < 0,05$; $t_{1,3} = 2,48$, $p < 0,05$), саморукводства (МИС) ($t_{1,2} = 3,41$, $p < 0,001$; $t_{1,3} = 2,59$, $p < 0,05$) и самопривязанности (МИС) ($t_{1,2} = 3,46$, $p < 0,001$; $t_{1,3} = 3,45$, $p < 0,01$) в сравнении с группами 2 и 3. В то же время по сравнению с группой 3 представителям первой группы свойственен более высокий уровень социальной ответственности ($t_{1,3} = 2,45$, $p < 0,01$). Таким образом, группа с высоким уровнем доверия к себе характеризуется желанием соответствовать общепринятому поведению и нормам взаимоотношений, представлением о себе как основном источнике развития, стремлением сохранить в неизменном виде свои качества, видение и оценку себя. Также эта группа отличается осознанным программированием своих действий и поведения для достижения намеченных целей.

Представителям второй группы свойственен более высокий уровень суверенности ценностей ($t_{1,2} = 2,59$, $p < 0,01$; $t_{2,3} = 3,85$, $p < 0,001$) в сравнении с группами 1 и 3. В отличие от группы с низким уровнем доверия к себе они характеризуются более высоким уровнем моделирования (ССП) ($t_{2,3} = 2,54$, $p < 0,05$), гибкостью (ССП) ($t_{2,3} = 3,17$, $p < 0,01$) и саморегуляцией в целом (ССП) ($t_{2,3} = 2,44$, $p < 0,05$). Полученные результаты свидетельствуют о том, что группа со средним уровнем доверия характеризуется критичностью по отношению к мировоззренческим системам других людей, что позволяет обеспечить экзистенциальную уверенность (свободу, осмысленность, ценность собственного бытия), творческий подход к собственной жизни и личную ответственность. Фельдшерам данной группы свойственны гибкость в поведении и способность перестраивать систему саморегуляции при изменении внешних и внутренних условий для достижения поставленных целей.

В отличие от группы 1 и группы 2 представители группы с низким уровнем доверия характеризуются высоким уровнем самообвинения (МИС) ($t_{1,3} = -3,4$, $p < 0,01$; $t_{2,3} = -3,53$, $p < 0,001$), низким уровнем самоуважения (МИС) ($t_{1,3} = 4,870$, $p < 0,001$; $t_{2,3} = 3,67$, $p < 0,001$), убеждениями о контроле (ШБУ) ($t_{1,3} = 3,58$, $p < 0,001$; $t_{2,3} = 3,38$, $p < 0,001$), уверенностью в несправедливости мира (ШБУ) ($t_{1,3} = 2,14$, $p < 0,05$; $t_{2,3} = 2,19$, $p < 0,05$). В сравнении с группой 2, фельдшерам с низким уровнем доверия свойственны более высокий уровень доверия другому ($t_{2,3} = -2,04$, $p < 0,05$) и более развитый эмоциональный канал эмпатии ($t_{2,3} = -2,07$, $p < 0,05$), им свойственно

самообвинение (промахи и неудачи), в проблемных ситуациях и конфликтах, защита «Я» в виде порицания, осуждения себя и оправдания собственных неудач посредством акцентирования внимания на внешние обстоятельства. Они считают себя ненадежными и не самостоятельными, уверены, что им не за что себя уважать.

Однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA) выявил значимые различия между группами с разным уровнем доверия к себе по шкалам: моделирование ($F = 3,37$, $p = 0,038$); программирование ($F = 4,90$, $p < 0,001$), гибкость (ССП) ($F = 4,87$, $p < 0,001$), общий уровень саморегуляции (ССП) ($F = 4,56$, $p < 0,05$), открытость ($F = 3,53$, $p < 0,05$), самоуверенность ($F = 10,65$, $p < 0,0001$), саморуководство ($F = 6,015$, $p < 0,005$), самопривязанность ($F = 7,28$, $p < 0,01$), самообвинение ($F = 7,66$, $p < 0,001$), ценности ($F = 8,43$, $p < 0,001$), справедливость ($F = 3,14$, $p < 0,05$), убеждения о контроле ($F = 8,35$, $p < 0,001$).

Результаты эмпирического исследования показали, что доверие профессионала к себе определяет выбор стратегий профессионального поведения. Так, группа фельдшеров с высокими показателями доверия к себе стремится соответствовать общепринятым нормам поведения во взаимодействии. При этом они полагаются только на себя, стремятся «действовать, опираясь на свой опыт», и лишь при необходимости обратятся за помощью к группе экспертов. Потребность продумывать способы своих действий и поведения (прогнозирование) при достижении намеченных целей, что позволяет охарактеризовать представителей первой группы

как «целеориентированные». Согласно исследованию Б.А. Рутковского, целеориентированные люди умеют управлять собой, одобряют собственные планы и желания, верят в их безусловное осуществление. Вместе с тем ориентированность только на достижения свидетельствует о восприятии другого человека в ролевых образах – «клише», об ориентации на ролевые стандарты в самопредъявлении [16].

В профессиональной деятельности фельдшеры со средним уровнем доверия к себе при выборе стратегий ориентируются на динамику развития ситуации. В профессиональной деятельности представители этой группы дифференцируют свое поведение в зависимости от ситуации. В типичной ситуации они действуют согласно «требованиям деятельности» с учетом состояния больного, в нестандартной ситуации – с опорой на «профессиональную интуицию», принимая на себя ответственность за результат. Обращение за помощью к группе экспертов они рассматривают как «необходимость в критической ситуации» и «получение недостающего опыта». Фельдшеры характеризуются толерантностью по отношению к мировоззренческим позициям других людей, что позволяет им при взаимодействии с пациентом учитывать динамику состояния пациента, проявлять готовность к действиям сообразно ситуации. При взаимодействии, в зависимости от ситуации, фельдшеры используют стратегию самораскрытия как профессиональную (ролевую) стратегию, предполагающую диалог и доверительное общение. Исследованием М.В. Аллахвердова показано, что люди, использующие доверительные

стратегии при взаимодействии, более эффективны в деятельности [3], характеризуются способностью к самораскрытию [14]. Таким образом, способность к самораскрытию, разнообразие стратегий профессионального поведения и экзистенциальная уверенность выступают условием формирования оптимального уровня доверия профессионала себе у второй группы, характеризующейся средним уровнем доверия.

Представители третьей группы в проблемных ситуациях и конфликтах используют защитные эмоциональные реакции (показатели МИС), свидетельствующие об эмоциональной нестабильности, внутренней напряженности и о возникновении чувства несправедливости мира по отношению к себе [12]. Согласно интервью в типичной ситуации фельдшеры с низким уровнем доверия к себе следуют предписанным требованиям деятельности, что позволяет им оправдывать свои ошибки в лечебном процессе несовершенством стандартов оказания помощи. При взаимодействии выбирают одну или максимум две стратегии, при этом преобладающей стратегией является контроль себя и своих действий, «чтобы избежать конфликтной ситуации», так как люди с низким уровнем доверия себе нечувствительны к выбору адекватной формы сообщений и испытывают трудности в получении и оценке обратной связи [10]. В нестандартной ситуации большинство респондентов этой группы склоняются к «разрешению ситуации любым доступным способом», при этом обращение к группе экспертов характеризуется ими как «необходимо, но стыдно», так как они считают, что это

может свидетельствовать об их некомпетентности. Представители группы стараются избежать ответственность за свои дела и поступки, перекладывая ее на других людей и обстоятельства. Полученные данные согласуются с исследованиями Т.П. Скрипкиной [17]. Так, фельдшеры с низким уровнем доверия себе в профессиональной деятельности опираются на «мнение других, чтобы лишний раз удостовериться в выборе верного способа решения задач», и склонны оправдывать собственные неудачи посредством перекладывания ответственности на других.

Выводы

1. Выделены три уровня доверия профессионала себе: высокий, средний и низкий.

2. Фельдшеры с высоким уровнем доверия профессионала себе в профессиональной деятельности опираются на себя и свой опыт, для них важно иметь целостную картину ситуации; они более целеориентированы, при взаимодействии предпочитают

опираться на профессиональные стандарты поведения.

3. Представители группы со средним уровнем доверия профессионала к себе в работе учитывают как ситуацию, так и особенности состояния пациента. В принятии решения они ориентируются на «профессиональную интуицию», берут на себя ответственность за результат. При взаимодействии, в зависимости от ситуации, используют стратегию самораскрытия как профессиональную (ролевую) стратегию. Анализ деятельности данной группы позволяет охарактеризовать фельдшеров, входящих в нее, как обладающих оптимальным уровнем доверия профессионала к себе.

4. Установлено, что фельдшеры с низким уровнем доверия к себе в профессиональной деятельности ориентируются на стратегии избегания и псевдосамораскрытия. В нестандартной ситуации стремятся решать профессиональные задачи любым доступным способом и избегают брать ответственность за результаты деятельности.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Акимов А.Ю. Эффективность профессиональной деятельности работников с разными типами доверия технике (на примере работников локомотивных бригад). Автореф. дис. ... канд. псих. наук. М., 2012. 28 с.
2. Алдашева А.А., Рунец О.В. Доверие профессионала себе как маркер психологической безопасности фельдшера скорой помощи // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2015. № 3. С. 89–97.
3. Аллахвердов М.В. ИмPLICITная теория доверия как основа принятия решений // Ананьевские чтения. 2010. Современные прикладные направления и проблемы психологии: Материалы научной конференции. СПб, 2010. С. 14–16.
4. Астанина Н.Б. Создание и апробация нового личностного опросника «Методика изучения доверия к себе» [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование: электрон. журн. 2010. № 3. URL: http://www.psyedu.ru/files/articles/1802/pdf_version.pdf.
5. Бодалев А.А., Столин В.В., Аванесов В.С. Общая психодиагностика. СПб., 2000. 440 с.

6. Бодров В.А. Профессиональная зрелость человека (психологические аспекты) // Феномен и категория зрелости в психологии / Отв. ред. А.Л. Журавлев и Е.А. Сергиенко. М., 2007. С. 174–197.
7. Ильин Е.П. Психология риска. СПб., 2012. 267 с.
8. Купрейченко А.Б. Доверие и недоверие технике и социотехническим системам: постановка проблемы и обоснование подхода к исследованию // Ученые записки Института Мировой экономики и информатизации. 2012. Т. 2. № 1. С. 126–137.
9. Купрейченко А.Б. Психология доверия и недоверия. М., 2008. С. 60–63.
10. Лабунская В.А. Психология затрудненного общения: Теория. Методы. Диагностика. Коррекция : Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.А. Лабунская, Ю.А. Менджерицкая, Е.Д. Бреус. М., 2001. 288 с.
11. Мещеряков Б.Г., Зинченко В.П. Большой психологический словарь М., 2007. 632 с.
12. Пантелеев С.Р. Самоотношение как эмоционально-оценочная система. М., 1991. 100 с.
13. Петровский В.А. Феномены субъективности в развитии личности. Самара, 1997. 102 с.
14. Пухарева Т.С. Значение доверия в деловых отношениях // Социокультурные проблемы современного человека. Новосибирск, 2009. Ч. II. С. 155–158.
15. Рунец О.В. Апробация личностного опросника Н.Б. Астаниной «Методика изучения доверия к себе» // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6. № 4. С. 170–182.
16. Рутковский Б.А. Понятие доверия в марксистской этике: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Киев, 1967. 21 с.
17. Скрипкина Т.П. Психология доверия. Учебное пособие для студентов высших педагогических учебных заведений. М., 2000. 264 с.
18. Фатхи О.Г. Доверие как фактор повышения адаптационных возможностей в экстремальных ситуациях: Дис. ... канд. психол. наук. Ростов-на-Дону, 2003. 218 с.
19. Шелехов К.К. Фельдшер скорой помощи / К.К. Шелехов, Э.В. Смолева, Л.А. Степанова; под ред. Б.В. Карабухина. Изд. 7-е. Ростов н/Д, 2009. 477 с.
20. Ясько Б.А. Психология личности и труда врача: Курс лекций. Ростов-на-Дону 2005. 123 с.
21. Jourard S.M. The transparent self: self-disclosure and well-being. New York: Van Nostrand Reinhold, 1964.

REFERENCES

1. Akimova A.YU. Effektivnost' professional'noi deyatel'nosti rabotnikov s raznymi tipami doveriya tekhnike (na primere rabotnikov lokomotivnykh brigad). Avtoreferat dissertatsii ... kandidata psikhologicheskikh nauk [The effectiveness of professional activity of employees with different types of trust technique (for example, workers of locomotive brigades). The abstract of a thesis ...candidate of psychological Sciences]. M., 2012. 28 p.
2. Aldasheva A.A., Runets O.V. Doverie professionala sebe kak marker psikhologicheskoi bezopasnosti fel'dshera skoroi pomoshchi [Trust yourself professional as a marker of psychological security ambulance paramedic] // Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke. 2015. no. 3. pp. 89–97.
3. Allakhverdov M.V. Implitsitnaya teoriya doveriya kak osnova prinyatiya reshenii [Implicit theory of trust as basis of decision-making] Anan'evskie chteniya. 2010. Sovremennye prikladnye napravleniya i problemy psikhologii: Materialy nauchnoi konferentsii [Ananievskiy read. 2010. Contemporary applied directions and problems of psychology: Materials of the scientific conference]. SPb., 2010. pp. 14–16.

4. Astanina N.B. Sozdanie i aprobatsiya novogo lichnostnogo oprosnika «Metodika izucheniya doveriya k sebe» [Elektronnyi resurs] [The creation and validation of a new personality questionnaire "Methodology for the study of confidence in myself" [Electronic resource]] Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie: elektronnyi zhurnal 2010. № 3. [Psychological science and education: electronic journal, 2010. No. 3.]. – URL: http://www.psyedu.ru/files/articles/1802/pdf_version.pdf.
5. Bodalev A.A., Stolin V.V., Avanesov V.S. Obshchaya psikhodiagnostika [General diagnostics]. SPb., 2000. 440 p.
6. Bodrov V.A. Professional'naya zrelost' cheloveka (psikhologicheskie aspekty) [Professional maturity of the person (psychological aspects)] Fenomen i kategoriya zrelosti v psikhologii / Otv. red. A.L. Zhuravlev i E.A. Sergienko [The phenomenon and category maturity in psychology / Resp. edited by A.L. Zhuravlev and E.A. Sergienko]. M., 2007. pp. 174–197.
7. Il'in E.P. Psikhologiya riska [The psychology of risk]. SPb., 2012. 267 p.
8. Kupreichenko A.B. Doverie i nedoverie tekhnike i sotsiotekhnicheskim sistemam: postanovka problemy i obosnovanie podkhoda k issledovaniyu [Trust and distrust of technology and sociotechnical systems: problem statement and justification of approach to study] // Uchenye zapiski Instituta Mirovoi ekonomiki i informatizatsii. T. 2. 2012. № 1. pp. 126–137.
9. Kupreichenko A.B. Psikhologiya doveriya i nedoveriya [The psychology of trust and distrust] M., 2008. pp. 60–63.
10. Labunskaya V.A. Psikhologiya zatrudnennogo obshcheniya: Teoriya. Metody. Diagnostika. Korrektsiya : Ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ucheb. zavedenii / V.A. Labunskaya, YU.A. Mendzheritskaya, E.D. Breus [Psychology difficulty of communication: Theory. Methods. Diagnosis. Correction : Proc. the Handbook for students. the high. proc. institutions / V.A. Labunskaya, J.A. Mengeritsky, doctor of science, E. D. Breus]. M., 2001. 288 p.
11. Meshcheryakov B.G., Zinchenko V.P. Bol'shoi psikhologicheskii slovar' M [Great psychological dictionary M]. 2007. 632 p.
12. Pantelev S.R. Samootnoshenie kak emotsional'no-otsenochnaya sistema [Sootnoshenie as emotionally-grade system]. M., 1991. 100 p.
13. Petrovskii V.A. Fenomeny sub'ektivnosti v razvitii lichnosti [The phenomena of subjectivity in personality development]. Samara, 1997. 102 p.
14. Pukhareva T.S. Znachenie doveriya v delovykh otnosheniyakh [The value of trust in business relationships] Sotsiokul'turnye problemy sovremennogo cheloveka. [Sociocultural problems of modern man.]. Novosibirsk., 2009. Ч. II. pp. 155–158.
15. Runets O.V. Aprobatsiya lichnostnogo oprosnika N.B. Astaninoy «Metodika izucheniya doveriya k sebe» [Testing personality questionnaire N.B. Astanin "a methodology for the study of credibility"] // Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo. 2015. T. 6. no. 4. pp. 170–182.
16. Rutkovskii B.A. Ponyatie doveriya v marksistskoi etike: Avtoref. dis. ... kand. filos. nauk [The concept of trust in the Marxist ethics: author. dis. ... candidate. the doctor of philosophy. Sciences]. Kiev, 1967. 21 p.
17. Skripkina T.P. Psikhologiya doveriya. Uchebnoe posobie dlya studentov vysshikh pedagogicheskikh uchebnykh zavedenii [The psychology of trust. Textbook for students of higher pedagogical educational institutions]. M., 2000. 264 p.
18. Fatkhi O.G. Doverie kak faktor povysheniya adaptatsionnykh vozmozhnostei v ekstremal'nykh situatsiyakh: Dis. ... kandidata psikhologicheskikh nauk [Trust as a factor in enhancing the adaptive capacity in extreme situations: Dis. ... candidate of psychological Sciences]. Rostov-on-don, 2003. 218 p.
19. Shelekhov K.K., Smoleva E.V., Stepanova L.A. Fel'dsher skoroi pomoshchi [Paramedic ambulance]. Rostov n/D, 2009. 477 p.

20. YA's'ko B.A. Psikhologiya lichnosti i truda vracha: Kurs lektsii [Psychology of personality and work of the physician: a Course of lectures]. Rostov-on-don, 2005. 123 p.
21. Jourard S.M. The transparent self: self-disclosure and well-being. New York: Van Nostrand Reinhold, 1964.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Алдашева Айгуль Абдулхаевна – доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории психологии труда Института психологии Российской академии наук;
e-mail: aigulmama@mail.ru

Рунец Оксана Владимировна – аспирант лаборатории психологии труда Института психологии Российской академии наук;
e-mail: orunez@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Aldasheva A.A. – Sc.D (psychology), leading research assistant, Federal State – financed Establishment of Science, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow;
e-mail: aigulmama@mail.ru

Runets O.V. – PhD – Federal State – financed Establishment of Science, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow;
e-mail: orunez@gmail.com

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Алдашева А.А., Рунец О.В. Роль доверия профессионала к себе в деятельности фельдшера скорой медицинской помощи // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2016. № 2. С. 42–53.
DOI: 10.18384/2310-7235-2016-2-42-53

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

A. Aldasheva, O. Runets. Role of Trust of the Professional to Itself in Activity of the Paramedic of the Emergency Medical Service // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Psychology. 2016. № 2. Pp. 42–53.
DOI: 10.18384/2310-7235-2016-2-42-53

УДК 316.61

DOI: 10.18384/2310-7235-2016-2-54-61

ДЕТЕРМИНАНТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ ЛИЧНОСТИ НА ЭТАПЕ ПЕРВИЧНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ: СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Дробышева Т.В.*Институт психологии Российской академии наук**129366 Москва, Ярославская 13, к. 1., Российская Федерация*

Аннотация. Проанализировано состояние проблемы детерминации экономического сознания личности на этапе первичной экономической социализации. Рассматриваются различия в подходах отечественных и зарубежных исследователей. Определена особенность современного этапа исследований проблемы детерминации, которая связана с поиском многоуровневой системы факторов, обуславливающей экономическое сознание личности. Анализ проявления личностью свойств субъекта в понимании экономических явлений и объектов также перспективен.

Ключевые слова: экономическое сознание личности, детерминанты, первичная экономическая социализация, субъект.

DETERMINANTS OF ECONOMIC CONSCIOUSNESS OF PERSON AT PRIMARY ECONOMIC SOCIALIZATION: STATE PROBLEM OF RESEARCH

T. Drobysheva*Federal State-financed Establishment of Sciences, Institute of Psychology RAS, 13,**Yaroslavskaya st., Moscow, 129366, Russia*

Abstract. The state of the problem of determination of economic consciousness at the stage of the primary economic socialization have been analyzed. The differences in approach domestic and foreign researchers are examined. The feature of the present stage of research problem determination are defined. It is associated with the search of the multi-factors system contributing to economic consciousness of person. The analysis of manifestation by the identity of properties of the subject in understanding of economic events and objects is also perspective.

Key words: economic consciousness of person, determinants, primary economic socialization, subject.

Феномен экономической социализации личности¹ (ЭСЛ) является предме-

© Дробышева Т.В., 2016.

Государственное задание ФАНО 0159-2016-0001.

¹ ЭСЛ представляет собой процесс и результат включения человека в систему экономических отношений общества, т.е. человек усваивает (или присваивает) экономический опыт общества, социальные и экономические ценности, нормы экономического поведения и, активно преобразуя их, становится субъектом экономических отношений данного общества. Уточнение термина «экономический субъект» в этом случае предполагает рассмотрение не субъекта экономической

том не только экономической, социальной психологии, психологии развития или педагогической психологии, но и междисциплинарных областей – социально-экономической психологии, нейроэкономики, поведенческой экономики и т.п. Такое расширение исследовательских границ связано с динамичностью самого явления, непосредственно реагирующего на изменяющиеся условия социально-экономического развития общества, которые порождают все новые и новые экономико-психологические, социально-экономические, социально-психологические и др. феномены. В качестве примера можно привести феномены, к разработке которых отечественные психологи обратились лишь в последние полтора десятилетия и которые содержательно расширили границы экономической социализации. Речь идет о субъективном экономическом благополучии личности, ее субъективном экономическом статусе (В.А. Хащенко), экономическом самоопределении (А.Л. Журавлев, А.Б. Купрейченко), о вторичной экономической социализации личности и группы (А.Л. Журавлев, Т.В. Дробышева), экономико-психологической зрелости личности (Т.В. Дробышева), о демонстративном потреблении (О.Н. Посыпанова, Н.К. Радина и Н.В. Ким (Шайдакова)) и др. [6; 7; 9; 10 и др.] Дифференциация процессов экономической социализации на первичную и вторичную

деятельности, но экономического поведения, т.е. речь идет о субъекте, характеризуемом проявлением активности в экономических отношениях (понимаемых в узком смысле), т.е. отношениях людей, возникающих в процессе производства, обмена, распределения, потребления и накопления материальных благ [см. 1; 2; 3].

во многом вызвана тем, что специфика становления (развития) субъекта экономических отношений, экономического поведения предполагает разный характер ее протекания (сплошной или выборочный; опосредствованный или непосредственный и т.п.), самодетерминации, доминирования макро или микросоциальных факторов и т.п. (подробное изложение различий в других публикациях автора [2]). Традиционно участниками исследований в области первичной экономической социализации становятся дети, подростки и учащаяся молодежь, в то время как в области вторичной – работающие и неработающие взрослые. Все вышеизложенное указывает на *актуальность* настоящего исследования, связанную с изучением специфики процесса первичной экономической социализации личности в изменяющихся социально-экономических условиях развития общества, с определением состояния проблемы детерминации экономического сознания, выделением подхода к развитию экономического сознания личности на этапе ее первичной экономической социализации. *Целью* данной работы стало выявление состояния проблемы детерминации экономического сознания личности на этапе первичной экономической социализации.

Зарубежные подходы к исследованию детерминации формирования и развития экономического сознания личности в условиях первичной экономической социализации. Говоря о развитии экономического сознания личности на этапе первичной экономической социализации, мы не имеем в виду созревание мозговых структур, следствием которого является соот-

ветствующий уровень когнитивного развития личности, выделение этапов в освоении ею абстрактных или конкретных понятий в области экономики. Подобный подход в целом критиковался европейскими психологами еще 90-е гг. (Х. Диттмар, П. Лунт, К. Ролан-Леви, П. Уэбли и др.). К этому времени исследования экономических представлений, аттитудов, отношений к экономическим явлениям детей разного возраста заполнили страницы научных журналов ("Journal of Economic Psychology", (журнал «Экономическая психология»), "European Journal of Developmental Psychology" (Европейский журнал «Психология развития») и др.). Впрочем, это не означает, что в настоящее время данный подход не имеет сторонников и последователей среди зарубежных исследователей «когнитивного направления» в области экономической социализации. Однако большая часть таких работ была выполнена в 70-е–80-е, начале 90-х гг. XX в. В них понимание детьми и подростками сложных (абстрактных) экономических феноменов (экономическое неравенство, спрос и предложение, справедливость в распределении дохода, ответственность за принятие финансового решения и т.п.) по сравнению с конкретными явлениями или объектами (банк, работа, деньги и т.п.) объяснялось стадией когнитивного развития, а единообразие во взглядах – условиями социализации в обществе, стабильностью социальных институтов (школа, СМИ, семья). Конечно, часть зарубежных коллег, настаивала на иной точке зрения. По их мнению, личный опыт детей и подростков играл доминирующую роль в развитии их экономического сознания

(К. Ролан-Леви, А. Фенэм, Ст. Ли, П. Уэбли и др.). В более поздних исследованиях, которые проводились в период, предшествующий объединению европейских стран, а также в последующий за ним период непосредственного объединения и расширения зоны ЕС, авторы больше акцентировали внимание на роли социально-экономической ситуации, условиях экономического и социального развития общества (финансовые кризисы, экономические реформы, геополитика ряда экономически развитых европейских государств и т.п.) как внешних факторов развития экономического сознания (М. Фюлöp, К. Ролан-Леви и др.). В то же время значительная часть исследователей отмечала аутентичность экономических представлений, отношений, оценок и т.п., конструируемых самими детьми и подростками, их автономность в понимании «мира экономики» взрослых (С. Ли, П. Уэбли, П. Плинер и др.).

Начиная с 70-х – 80-х гг. прошлого века, да и в начале века нового традиционным для зарубежной экономической психологии стало изучение экономического образования как фактора (условия) развития экономического сознания (в некоторых работах – мышления) детей и подростков. Здесь европейские и американские исследователи уделяли большое внимание школьному обучению основам экономических знаний, экономическому воспитанию в семье, экономическому образованию в целом (Н. Эмлер, Дж. Дикинсон, М. Курильски, М. Кэмпбелл, М. О'Конелл, Х. Шейх, Р.Ф. Вармке, Ст. Л. Миллер и др.). Различия в значимости источников экономических знаний оценивались по субъективным оценкам самих респондентов или экс-

пертов. В данном направлении работ специалисты чаще использовали термин «экономическое мышление», а не «экономическое сознание», подчеркивая тем самым особенности эксплицитного, научного знания в области экономики по сравнению с имплицитным, обыденным знанием. Акцент ставился на эффективности методов и приемов формирования системы экономических понятий, аттитудов, установок и т.п. в процессе школьного экономического образования (игровые методы, информирование, решение проблемных задач и т.п.).

Таким образом, в зарубежных исследованиях в области экономической социализации *проблема детерминации экономического сознания* решалась посредством выявления доминирующих (внешних или внутренних) факторов (либо их согласованности) на каждом этапе развития личности, объясняющих процесс развития ее экономического сознания. Причем, чаще всего в качестве внутренних факторов выступали индивидуально-психологические особенности респондентов (пол, возраст, уровень умственного развития и т.п.), а в качестве внешних – классовые, социальные, культурные и др. факторы развития личности. Следуя логике выбранной парадигмы (подхода, теории) научного исследования (подход Ж. Пиаже, социальный конструктивизм, Theory of Mind), авторы осуществляли выбор методов и приемов сбора данных, а также способов их интерпретации. Заметим, что нами не обнаружены исследования, в которых бы в качестве «внутренних факторов» экономического сознания выступали феномены экономического самосознания.

В целом изучение развития экономического сознания в зарубежной экономической психологии традиционно опирается на исследования детей, подростков и молодых людей юношеского возраста и рассматривается в контексте «понимания» (Theory of Mind¹) ими усложняющейся системы экономических явлений соответствующих представлений, отношений, аттитудов и т.п. Проявление *субъектных качеств познающим* (ребенком, подростком и т.п.) определяется в контексте теории социального конструкционизма.

Проблема детерминации формирования и развития экономического сознания личности на этапе первичной экономической социализации: отечественные подходы.

В современной отечественной экономической психологии (точнее, ее разделе «экономическая социализация») работы, посвященные изучению феноменов экономического сознания личности на этапе ее первичной экономической социализации так же, как и в зарубежной науке образуют два направления. *Первое* из них связано с формированием системы понятий, отношений, установок в рамках профессионального или школьного образования, дошкольного воспитания и т.п. В данном случае в качестве независимой (или группирующей) переменной выступают как методы и технологии формирования системы экономических знаний, так и экономическое образование в целом (З.З. Вахитова, Т.В. Дробышева, Ж.А. Жилина,

¹ Отечественные специалисты, работающие в рамках данной теории, предпочитают использовать англоязычный вариант или используют формулировку «модель психического» [см. 8 и др.].

Г.С. Солодова, Р.М. Шайдуллина и др.). Второе направление включает работы, посвященные анализу содержания и развития элементов обыденного сознания личности, т.е. экономических представлений, отношений, оценок и т.п. Здесь основной источник знания – личный опыт, включая опыт взаимодействия с другими людьми, транслирующими собственные установки, представления, отношение к тем или иным явлениям «мира экономики». Соответственно, в качестве внешних факторов экономического сознания выступают явления макро- и микросоциальной среды. В первом случае речь идет об элементах культуры, этносе, информационной среде, актуальной ситуации социально-экономического развития общества и т.п. (Т.Ю. Миронова, Н.Н. Помуран, Т.А. Терехова и др.); во-втором – об особенностях воспитания в семье или в учреждениях, замещающих семью и т.п., о межличностных отношениях в референтных группах, предпочитаемой продукции средств массовой информации (реклама, мультфильмы) и т.п. (Е.В. Голубева, Н.К. Радина и др.). Модели изучения внутренних факторов конструирования, формирования и т.п. (в зависимости от теоретического подхода) элементов экономического сознания личности, по сути, повторяют западные работы и сводится к половозрастным различиям, уровням умственного развития, характерологическим особенностям. Социально-психологическая и личностная обусловленность элементов экономического сознания определяется уровнем локус контроля, системой ценностных ориентаций, личностными качествами респондентов, ранее сформированными базовы-

ми экономическими представлениями, отношениями (к примеру, к деньгам) и т.п. (Е.В. Анкудинова, Т.В. Дробышева, А.Л. Журавлев, В.В. Енин, А.С. Евдокимова, Т.Ю. Миронова, М.Н. Стельмашук и др.). Сопоставление внешнего и внутреннего в процессе детерминации опирается на субъектно-деятельностный, системный, деятельностный, психосемантический и др. подходы и концепции российских психологов (Б.Г. Ананьева, Л.С. Выготского, Б.Ф. Ломова, К.К. Платонова, В.Ф. Петренко, С.Л. Рубинштейна, А.Г. Шмелева и др.). Отвлекаясь от общей линии анализа, заметим, что именно методологическое обоснование соотношения внутренних и внешних факторов в процессе формирования (конструирования и т.п.) элементов экономического сознания личности (экономического поведения, экономической социализации в целом), а также выделение функций экономического сознания в регуляции (детерминации и т.п.) экономического поведения отличает работы отечественных специалистов от исследований их зарубежных коллег. Для современных российских психологов значимым является изучение субъектных качеств ребенка (подростка и др.), которые он проявляет как в экономическом поведении, так и на уровне экономического сознания (Р.М. Шамянов, Т.Ю. Миронова; Т.А. Терехова, А.С. Евдокимова и др.). Впервые данный подход к изучению первичной экономической социализации личности был обоснован в публикациях А.Л. Журавлева и Т.В. Дробышевой [1; 2; 3; 4; 5]. В частности, в течение нескольких лет ими проводились исследования экономических представлений детей и

подростков, в которых изучался ценностный механизм конструирования экономических представлений, указывающий на самодетерминацию изучаемого процесса. Выявленные различия и сходство в содержании экономических представлений респондентов определялись исследователями как когнитивные показатели экономической социализированности личности [4; 5]. В последствии идея ценностной детерминации экономического сознания и поведения использовалась и в работах других авторов (А.С. Евдокимова, Т.А. Терехова и др.).

Иной подход к изучению факторов и механизмов экономического сознания (не характерный для традиционных работ в области отечественной экономической социализации) был предложен Е.А. Сергиенко и ее учениками [10]. Успешно преодолев критикуемые области теории («Theory of Mind») авторы выделили когнитивные механизмы понимания рекламы на разных этапах развития ребенка, описали функцию «модели психического», объясняющую возрастные различия в понимании рекламы на этапе ранней экономической социализации. По их мнению, «понимание рекламы является более трудным процессом, чем понимание психического Другого, так как требует следующего шага в сознании...» [8, с. 150]. Данный подход к изучению экономического сознания позволил иначе взглянуть на причин-

но-следственные связи в понимании детьми содержания рекламы и ее воздействия на потребительское поведение.

Резюмируя вышеизложенное, можно утверждать, что в настоящее время в отечественной экономической психологии, точнее в области исследований экономической социализации, наметилась тенденция в развитии нового подхода к изучению детерминации процессов формирования и развития экономического сознания личности в условиях ее первичной экономической социализации. Данный подход отличает работы современных исследователей от тех, которые проводились в 90-е гг. прошлого века и содержательно во многом повторяли зарубежные. Его характеризует поиск многоуровневой системы внешних и внутренних факторов, детерминант, обуславливающих экономическое сознание и экономическое поведение личности. Взгляд исследователей фиксирован на *проявление личностью свойств субъекта* (активность, самостоятельность) как в понимании экономических явлений и объектов, так и в регуляции экономического поведения, то есть можно говорить о переходе отечественной экономической психологии на новый этап в изучении феноменов первичной экономической социализации, а также выделении самостоятельного раздела – экономической психологии развития.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Дробышева Т.В. Динамика ценностных ориентаций личности в условиях раннего экономического образования. Дис. ...канд. психол. наук. М., 2002. 164 с.
2. Дробышева Т.В. К вопросу детерминации экономической социализации личности // Психология человека в современном мире. Т. 5: Личность и группа в условиях социальных изменений (материалы Всероссийской юбилейной научной конференции,

- посвященной 120-летию со дня рождения С.Л. Рубинштейна, 15–16 октября 2009 г.). М., 2009. С. 131–139.
3. Дробышева Т.В., Журавлев А.Л. Влияние экономического образования на ценностные ориентации личности младших школьников // Психология совместной жизнедеятельности малых групп и организаций. М., 2001. С. 95–120.
 4. Дробышева Т.В., Журавлев А.Л. Методология исследования феноменов экономического сознания формирующейся личности (на примере представлений о бедном / богатом человеке) // Психология в экономике и управлении. 2009. № 2. С. 23–35.
 5. Журавлев А.Л., Дробышева Т.В. Представления о бедном и богатом человеке как феномен экономического сознания формирующейся личности // Психологический журнал. 2011а. Т. 32 (5). С. 46–68.
 6. Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б. Экономическое самоопределение: теория и эмпирические исследования. М., 2007. 480 с.
 7. Посыпанова О.С. Экономическая психология: психологические аспекты поведения потребителей. Калуга, 2012. 296 с.
 8. Сергиенко Е.А., Таланова Н.Н., Лебедева Е.И. Телевизионная реклама и дети. М., 2013. 184 с.
 9. Хашченко В.А. Психология экономического благополучия. М., 2012. 426 с.
 10. Шайдакова Н.В. Социально-психологические аспекты демонстративного потребления старшеклассников и студентов. Дис. ... канд. психол. наук. М., 2014. 195 с.

REFERENCES

1. Drobysheva T.V. Dinamika cennostnyh orientacij lichnosti v usloviyah rannego ehkonomicheskogo obrazovaniya. Dis. ... kand. psihol. nauk. M., 2002. 164 p.
2. Drobysheva T.V. K voprosu determinacii ehkonomicheskoy socializacii lichnosti // Psihologiya cheloveka v sovremennom mire. T. 5. Lichnost' i gruppy v usloviyah social'nyh izmenenij (materialy Vserossijskoj yubilejnoy nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 120-letiyu so dnya rozhdeniya S. L. Rubinshtejna, 15-16 oktyabrya 2009 g.). M.: Izd-vo «Institut psihologii RAN», 2009. pp. 131–139.
3. Drobysheva T.V., ZHuravlev A.L. Vliyanie ehkonomicheskogo obrazovaniya na cennostnye orientacii lichnosti mladshih shkol'nikov // Psihologiya sovместnoj zhiznedeyatel'nosti mal'lyh grupp i organizacij. M.: Izd-vo «Institut psihologii RAN», 2001. pp. 95–120.
4. Drobysheva T.V., ZHuravlev A.L. Metodologiya issledovaniya fenomenov ehkonomicheskogo soznaniya formiruyushchejsya lichnosti (na primere predstavlenij o bednom / bogatom cheloveke) // Psihologiya v ehnomike i upravlenii. 2009. №2. pp. 23–35.
5. ZHuravlev A.L., Drobysheva T.V. Predstavleniya o bednom i bogatom cheloveke kak fenomen ehkonomicheskogo soznaniya formiruyushchejsya lichnosti // Psihologicheskij zhurnal. 2011a. T.32 (5). pp. 46–68.
6. ZHuravlev A.L., Kuprejchenko A.B. E'konomicheskoe samoopredelenie: teoriya i e'mpiricheskie issledovaniya. M.: Izd-vo «Institut psixologii RAN», 2007. 480 p.
7. Posy'panova O.S. E'konomicheskaya psixologiya: psixologicheskie aspekty' povedeniya potrebitelej. Kaluga: Izd-vo KGU im. K.E' Ciolkovskogo, 2012. 296 p.
8. Sergienko E.A., Talanova N.N., Lebedeva E.I. Televizionnaya reklama i deti. M.: Izd-vo «Institut psihologii RAN», 2013. 184 p.
9. Xashhenko V.A. Psixologiya e'konomicheskogo blagopoluchiya. M.: Izd-vo «Institut psixologii RAN», 2012. 426 p.
10. Shajdakova N.V. Social'no-psixologicheskie aspekty' demonstrativnogo potrebleniya star-shklassnikov i studentov. Dis. ... kand. psixol. nauk. M., 2014. 195 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дробышева Татьяна Валерьевна – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт психологии РАН, Москва; лаборатория социальной и экономической психологии; старший научный сотрудник, кандидат психологических наук;
e-mail: tdrobysheva@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Drobysheva Tatiana Valer'evna – Federal State-financed Establishment of Sciences, Institute of Psychology RAS, Moscow; PHD, senior research officer, laboratory of social and economic psychology;
e-mail: tdrobysheva@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Дробышева Т.В. Детерминанты экономического сознания личности на этапе первичной экономической социализации: состояние проблемы исследования // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2016. № 2. С. 54–61.

DOI: 10.18384/2310-7235-2016-2-54-61

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

T. Drobysheva. Determinants of Economic Consciousness of Person at Primary Economic Socialization: State Problem of Research // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Psychology. 2016. № 2. Pp. 54–61.

DOI: 10.18384/2310-7235-2016-2-54-61

УДК 159.922.1

DOI: 10.18384/2310-7235-2016-2-62-70

МНОГОМЕРНАЯ МОДЕЛЬ ГЕНДЕРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ РОЛЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ В СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Кузин Е.Д.*Институт психологии Российской академии наук**Российская Федерация, 129366 г. Москва, ул. Ярославская, 13*

Аннотация. Проведен дискриминантный анализ для разграничения влияния биологического пола и гендерной идентичности на особенности семейного ролевого поведения. Исследовано 80 пар мужчин и женщин, представляющих различные типы партнерских отношений: добрачные отношения, фактический (или гражданский) брак, молодая семья, зрелая семья. Такие роли, как притязание на внешнюю привлекательность и ожидание социальной активности от партнера, а также направленность на удовлетворение сексуальных потребностей партнера определяются преимущественно биологическим полом и более характерны для женщин, чем для мужчин. Семейные роли, связанные с организацией развлечений, воспитанием детей, требованиями к партнеру в хозяйственно-бытовой и эмоционально-психотерапевтической сфере, активностью в интимно-сексуальной и социально-профессиональной сфере обусловлены социальным полом.

Изучение гендерных отношений позволяет представить комплексную картину ролевого поведения, а также социальных и психологических позиций мужчин и женщин как субъектов отношений в разных сферах жизнедеятельности, и в первую очередь в семейных отношениях.

Ключевые слова: биологический пол, гендерная идентичность, семейные роли, дискриминантный анализ, многомерное моделирование.

MULTIDIMENSIONAL MODEL OF GENDER FEATURES OF ROLE BEHAVIOR IN FAMILY RELATIONS

Y.D. Kuzin*Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences (Moscow)**Russia, Moscow, Yaroslavskaia St., 13*

Abstract. We have conducted a discriminant analysis to distinguish between the influence of biological sex and gender identity on the peculiarities of family role behavior. Eighty couples (men and women) representing different types of partnerships have been examined. The couples, consisting of different types of partnerships have been examined: premarital relations, the actual (or civil) marriage, a young family, mature family. Such roles, as a claim on the visual appeal and the expectation of social activity of the partner, as well as focus on meeting the sexual needs of partners are determined primarily by biological sex and are more common for women than for men. Family roles associated with the organization of entertainment, education

of children, the requirements of the partner in the household and the emotional and psychological sphere, activity in intimate sexual and socio-professional life are caused by social sex. The study of gender relations allows to present a comprehensive picture of the role behavior, as well as social and psychological position of men and women as the subjects of relations in different spheres of life, and especially in family relations.

Key words: biological sex, gender identity, family roles, discriminant analysis, multidimensional modeling.

Разграничение влияния факторов биологического и социокультурного характера на развитие человеческой личности является одной из актуальнейших методологических задач психологической науки от начальных этапов ее становления до наших дней. Чрезвычайно важной является данная задача в контексте такой относительно новой психологической дисциплины, как гендерная психология.

Согласно представлениям теоретика гендерной психологии С. Бем, на формирование мужских и женских особенностей личностей оказывают влияние сочетание биологических и социальных факторов. В результате исследовательницей предложено говорить о комплексном биолого-социопсихологическом влиянии на личность и поведение представителей противоположных полов [2].

В 60–70-е гг. XX в. в социальных науках широкое распространение получил полоролевой подход, опиравшийся на структурный функционализм. Научная психология тоже ощутила на себе влияние этой концепции. Суть подхода заключается в том, что половые роли усваиваются в процессе социализации, а это предполагает наличие не только определенного типа поведения, но и конкретных личностных особенностей и даже образа жизни. Психологические исследования, проводимые в рамках полоролевого

подхода, ориентируются на поиск различий между мужчинами и женщинами в личностных характеристиках и особенностях поведения, порождаемых не только биологически детерминированным половым диморфизмом, но и условиями социализации [6].

Термин «гендер» подчеркивает «не природную, а социокультурную причину межполовых различий» [5, с. 18, 19], то есть «женское», «мужское» суть биологические половые различия, данные от природы, а «мужественное», или «маскулинное», и «женственное», или «фемининное» – понятия, сконструированные обществом и имеющие культурно-символические (гендерные) различия, которые меняются в соответствии с изменением как общества, так и культуры.

Как указывает И.С. Клецина [7], гендерные исследования относятся к числу динамично развивающейся отрасли научного знания. В гендерных исследованиях находят отражение многие проблемы, вызванные трансформациями в общественной и частной жизни людей, находят отклик многие вызовы, с которыми сталкивается современное общество. Тема гендерных отношений в гендерных исследованиях имеет особое значение, поскольку гендерные отношения, представляя собой сложный, многоуровневый и многоплановый феномен, аккумулируют практически все

основные проблемы, характерные для формирования и развития взаимоотношений современных мужчин и женщин. Изучение гендерных отношений позволяет представить комплексную картину ролевого поведения, а также социальных и психологических позиций мужчин и женщин как субъектов отношений в разных сферах жизнедеятельности, и в первую очередь в семейных отношениях.

Таким образом, особый интерес представляет постановка вопроса о том, какие семейные роли преимущественно детерминируются биологическим полом, а какие определяются социальным полом – гендером. Также высока научная значимость проблемы биологической и социальной составляющей в ролевых ожиданиях и притязаниях в партнерских отношениях между мужчиной и женщиной.

В недавней публикации, посвященной изучению социальной и биологической составляющей ролевых представлений о долговременных партнерских отношениях [9], указывается на наличие явных предпочтений между социальной и биологической составляющей в ролевых представлениях студенток о долговременном партнерстве, которые не могут способствовать комфортно сосуществованию в партнерских отношениях и неизбежно приведут к конфликту той или иной степени выраженности. Однако следует отметить, что ограничением данного исследования является то, что оно проведено на достаточно узком сегменте респондентов – на студентках младших курсов университета.

С.В. Афиногенова [1] изучала биологический и психологический пол в связи с профессиональными и спор-

тивными интересами в подростковом и юношеском возрасте. Ею было определено, что одним из факторов, влияющих на выбор вида профессиональной и спортивной деятельности, является не столько биологический, сколько психологический пол подростков и юношей: «Мужские» виды деятельности чаще выбирают маскулинные субъекты, а «женские» виды деятельности – фемининные субъекты.

В.В. Русая и О.В. Воробьева [10] проводили сравнительное изучение роли пола и гендера при панических атаках в различных возрастных группах. Автором указывается, что такой интегративный психосоциальный фактор как гендерное ролевое поведение, оказывает влияние на многие аспекты жизни, включая оценку личностных ресурсов, методов психологической адаптации к стрессу (копинг-стратегии), стиль взаимодействия с социумом, самооценку и ожидания индивида от окружающих.

Все вышеприведенные во всех указанных работах факторы биологического пола рассматриваются отдельно от типа партнерских отношений. По нашему мнению, именно изучение совместного влияния данных факторов способно выявить более глубоко имеющиеся закономерности формирования ролевого поведения.

Мы предположили, что выбор типично «мужского» или «женского» ролевого стереотипа в партнерских отношениях определяется как биологическим, так и социальным полом. Согласно нашей гипотезе, для индивидов мужского и женского пола характерна дихотомия социальных ролей, отличная от дихотомии, свойственной маскулинным и фемининным индивидам.

Исходя из данного предположения, целью нашего исследования являлось создание многомерной модели, позволяющей охарактеризовать биологическую и социальную составляющую в формировании ролевых представлений партнеров, изучая при этом широкий спектр партнерских отношений: добрачные отношения, фактический брак, молодой зарегистрированный брак и зрелый зарегистрированный брак.

Согласно дизайну исследования, все испытуемые были распределены на восемь групп – элементарных подвыборок. Соответствующие подвыборки были сформированы путем пересечения дихотомической величины «Пол» (категории: «мужчины», «женщины») с номинальной величиной «Тип партнерских отношений», имеющей четыре категории (категории: «добрачные отношения», «фактический брак», «молодая семья», «зрелая семья»). Количество испытуемых в каждой подвыборке было одинаковым и составляло 20 человек.

В качестве критериев дискриминантного анализа выступили показатели всех психологических методик, направленных на изучение ролевого поведения индивида в партнерских отношениях (опросники «Ролевые ожидания и притязания в браке», «Распределение ролей в семье», «Семейные роли») – всего 21 показатель.

В качестве группирующей переменной выступила интегральная переменная «Соответствие между биологическим и социальным полом», имеющая шесть категорий: «Маскулинные мужчины», «Андрогинные мужчины», «Фемининные мужчины», «Маскулинные женщины», «Андрогинные

женщины», «Фемининные женщины». Данная переменная была сформирована на основании категорий биологического пола и показателей опросника С. Бем, с помощью которого были выделены маскулинные, андрогинные и фемининные респонденты.

На основании дискриминантного анализа было сформулировано пять канонических дискриминантных функций. Использовался метод одновременного учета всех независимых переменных. В таблице представлена структурная матрица, содержащая коэффициенты корреляции между дискриминирующими критериями и стандартизированными каноническими дискриминантами функциями. В левой части таблицы расположены показатели психологических методик, чьи коэффициенты корреляции с 1-й и 2-й функциями по модулю превышают таковые с другими функциями. Переменные проранжированы в соответствии с абсолютными величинами коэффициентов корреляции.

При анализе структурной матрицы обращает на себя внимание, что основной вклад в рост значений 1-й функции вносят отрицательные значения параметров, отвечающих за установку на собственную привлекательность и потребность нравиться окружающим, за ориентацию на активную общественную и профессиональную роль партнера, а также за проявление различного рода активности в плане сексуального удовлетворения потребностей партнера.

В свою очередь, основной вклад в повышение 2-й функции вносят положительные значения шкал, описывающих проявление ролевой активности в качестве организатора развлечений,

исполнителя родительских функций. Также основной вклад в повышение 2-й функции вносят отрицательные значения шкал, характеризующихся требованием от партнера активного выполнения бытовых вопросов, активности в интимно-сексуальной сфере, ожидания в отношении, что партнер возьмет на себя роль эмоционального лидера семьи в вопросах коррекции психологического климата, оказания моральной и эмоциональной поддержки, создания «психотерапевтической атмосферы», притязания в отношении собственных профессиональных потребностей партнера. Графически результаты дискриминантного анализа представлены на рисунке.

Как видно из данного рисунка 1-я функция эффективно дискриминирует испытуемых по биологическому полу, поскольку в правой части диаграммы (зона положительных значений 1-й функции) расположены мужчины, а в левой части (зона отрицательных значений 1-й функции) – женщины. В свою очередь, 2-я функция достаточно успешно дискриминирует испытуемых по социальному полу. В зоне нулевых значений функции находятся андрогинные респонденты, в зоне положительных значений – фемининные, а в зоне отрицательных значений – маскулинные.

Как известно, половую идентичность соотносят с биологическим полом, а гендерную – с социальным. Соответственно, графическое пространство двух дискриминантных функций представляет собой визуальное распределение групп испытуемых, выделенных по уровням соответствия между биологическим и социальным полом, в пространстве двух векторов – половой идентичности и ген-

дерной идентичности. Таким образом, с помощью дискриминантного анализа нам удалось дифференцировать семейные роли, детерминируемые биологическим полом, и семейные роли, обусловленные социальным полом.

Такие семейные роли, как притязание на внешнюю привлекательность и ожидание социальной активности от партнера определяются преимущественно биологическим полом. Данные роли более характерны для женщин, чем для мужчин.

Л.А. Мясникова [8] отмечает, что исходным элементом мозаичной системы, именуемым «женское», является телесность. Ценность женского тела связывалась с принадлежностью другому. Женская телесность определяется конституцией тела и его функционированием, а также гендерными нормами, представлениями о женском теле. Формируя свое тело, выбирая тот идеал, который привлекателен для женщины, она становится субъектом. В свою очередь, профессионализм – выход в общественную сферу – в патриархальной системе мировоззренческих координат выступает для женщины как крайнее, нежелательное средство для обеспечения жизни ее и семьи. Вследствие чего женщины преимущественно отводят эту роль своему партнеру.

Социальная роль, связанная с активностью в сексуальной сфере партнерских отношений, также формируется биологическими факторами и более характерна для женщин. В этой связи, следует указать на широко представленную в литературе позицию, что ролевая позиция жены как сексуального партнера традиционно включает в себя обязанность удовлетворения сексуальных потребностей мужа [4].

Таблица

Структурная матрица дискриминантного анализа при классификации по уровням соответствия между биологическим и социальным полом

Показатели, преимущественно коррелирующие с функциями 1 и 2	Коэффициенты корреляции с функцией:	
	1	2
Внешняя привлекательность супругов (притязания)	-0,374*	-0,040
Социальная активность (ожидания)	-0,256*	0,061
Сексуальный партнер	-0,216*	-0,052
Организация развлечений	0,089	0,586*
Воспитание детей	-0,060	0,312*
Хозяйственно-бытовая сфера (ожидания)	0,068	-0,305*
Интимно-сексуальная сфера	0,239	-0,287*
Эмоционально-психотерапевтическая сфера (ожидания)	0,079	-0,270*
Социальная активность (притязания)	0,128	-0,167*

Примечание: знаком * отмечены наибольшие значения корреляций между каждым показателем и дискриминантной функцией.

Семейные роли, связанные с организацией развлечений, воспитанием детей, обусловлены социальным полом испытуемых и характерны для фемининных респондентов. Согласно Л.Ю. Бондаренко [3], в обществе происходит изменение гендерной окраски семейной роли, связанной с воспитанием детей. Если в 1970-х гг. большинство ответивших мужчин и женщин полагали, что воспитание детей и забота о них входят исключительно в компетенцию матери, то спустя два десятилетия, половина мужчин (54 %) и 70 % женщин считают, что не только женщина, но оба родителя должны заниматься воспитанием детей. По нашему мнению, к выполнению этой функции более склонны андрогинные и фемининные мужчины. В отношении роли организатора развлечений указывается, что она может быть присутствующа как мужчине, так и женщине [4].

Роли, проявляемые в виде требований к партнеру в хозяйственно-бытовой и эмоционально-психотерапев-

тической сфере, характеризующие собственную активность в интимно-сексуальной и социально-профессиональной сфере, также обладают преимущественно гендерно-идентичностной детерминацией. Тот факт, что указанные роли более характерны для маскулинных индивидов, корреспондирует с целым рядом исследований. Так, для традиционной гендерной культуры характерной является модель: мужчина-добытчик, женщина-домохозяйка [12], вследствие чего мужчина стремится добиваться профессиональной самореализации, ожидая от женщины высокого уровня хозяйственно-бытовых умений и навыков. Кроме того, в традиционной форме ролевой структуры с мужским типом главенства для жен свойственна роль воспитателя детей, «хозяйки», создателя благоприятного эмоционального климата в семье [4]. При этом сексуальная активность и опытность женщин не одобряется социумом [11], тогда как отношение к муж-

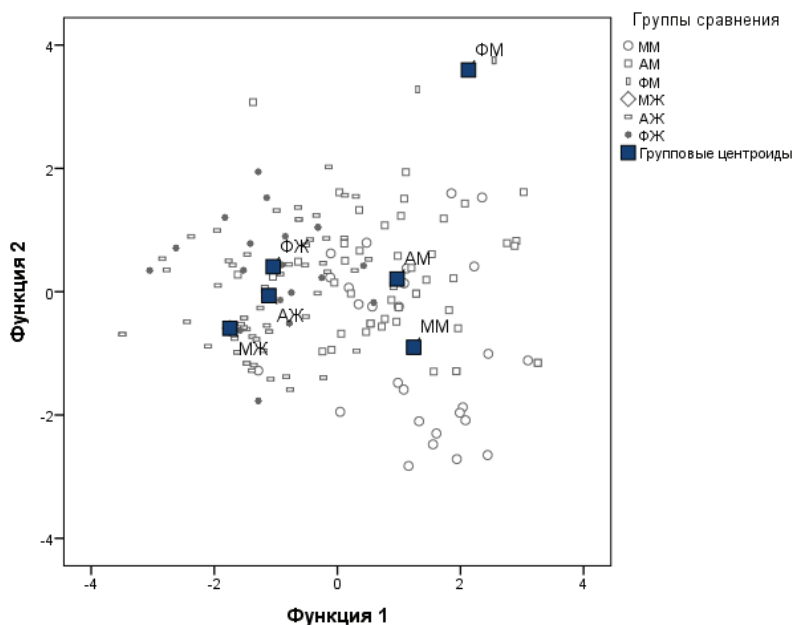


Рис. Диаграмма распределения исследованных случаев в пространстве дискриминантных функций при классификации по уровням соответствия между биологическим и социальным полом

Примечание: ММ – маскулинные мужчины, АМ – андрогинные мужчины, ФМ – фемининные мужчины, МЖ – маскулинные женщины, АЖ – андрогинные женщины, ФЖ – фемининные женщины.

ской сексуальной активности является нейтральным.

Таким образом, на основе дискриминантного анализа нами была построена многомерная модель гендерных особенностей ролевого поведения в семейных отношениях. Благодаря данной модели нам удалось разграничить влияние биологического пола и гендерной идентичности (социального пола) на ролевое поведение в партнерских отношениях. Такие семейные роли, как притязание на внешнюю привлекательность и ожидание социальной активности от партнера определяются преимущественно биологическим полом. Данные роли более характерны для женщин, чем для мужчин. Ролевая позиция направлен-

ности на удовлетворение сексуальных потребностей партнера также формируется биологическими факторами и более свойственна женщинам. Семейные роли, связанные с организацией развлечений, воспитанием детей, обусловлены социальным полом испытуемых и характерны для фемининных респондентов. Роли, проявляемые в виде требований к партнеру в хозяйственно-бытовой и эмоционально-психотерапевтической сфере, характеризующие собственную активность в интимно-сексуальной и социально-профессиональной сфере, также обладают преимущественно гендерно-идентичностной детерминацией и присущи маскулинным индивидам.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Афиногенова С.В. Биологический и психологический пол в связи с профессиональными и спортивными интересами в подростковом и юношеском возрасте : дисс. ... канд. психол. наук. СПб, 2007. 144 с.
2. Бем С. Линзы гендера: Трансформация взглядов на проблему неравенства полов. М., 2004. 336 с.
3. Бондаренко Л.Ю. Роль женщины: от прошлого к настоящему // Общественные науки и современность. 1996. № 6. С. 163–170.
4. Вахитова З.З., Калиева Э.Р. Психологические особенности семей, владеющих общим бизнесом // Вестник Тюменского государственного университета. 2009. № 5. С. 142–148.
5. Кирилина А.В. О применении понятия гендер в русскоязычном лингвистическом описании // Филологические науки. 2000. № 3. С. 18–27.
6. Клецина И.С. Развитие гендерных исследований в психологии // Общественные науки и современность. 2002. № 3. С. 181–191.
7. Клецина И.С. Современное состояние и перспективы исследований гендерных отношений в сфере социологического и психологического знания // Женщина в российском обществе. 2013. № 2 (67). С. 3–13.
8. Мясникова Л.А. Самоопределение женщины: пол-функция и пол-сущность // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. 2014. № 3 (131). С. 67–75.
9. Рудин И.В., Кормилицин А.В., Кочурина Н.А. Социальная и биологическая составляющая ролевых представлений о долговременных партнерских отношениях у студентов младших курсов университета // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2011. № 6. С. 120–123.
10. Русая В.В., Воробьева О.В. Особенности гендерной характеристики у пациентов, страдающих паническими атаками // Антибиотики и химиотерапия. 2009. № 54. С. 186–187.
11. Сулименко Н.Е. Гендерный аспект лексической лакунарности (на материале РАС) // Лакунарность в языке, картине мира, словаре и тексте. Межвузовский сборник научных трудов. Новосибирск, 2009. С. 144–154.
12. Crompton R. Discussion and Conclusions // Restructuring Gender Relations and Employment. The Decline of the Male Breadwinner / Ed. by R. Crompton. Oxford and NY. 1999. P. 200–214.

REFERENCES

1. Afinogenova S.V. Biologicheskii i psikhologicheskii pol v svyazi s professional'nymi i sportivnymi interesami v podroshkovom i yunosheskom vozraste : dissertatsiya ... kandidata psikhologicheskikh nauk [Biological and psychological gender in relation to training and sports interests in adolescence and early adulthood : dissertation ... the candidate of psychological Sciences]. SPb., 2007. 144 p.
2. Bem S. Linzy gendera: Transformatsiya vzglyadov na problemu neravenstva polov [The lenses of gender: transforming the debate on sexual inequality]. M., 2004. 336 p.
3. Bondarenko L.YU. Rol' zhenshchiny: ot proshlogo k nastoyashchemu [Role of women: from past to present] // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 1996. № 6. pp. 163–170.
4. Vakhitova Z.Z., Kalieva E.R. Psikhologicheskie osobennosti semei, vladeyushchikh obshchim biznesom [Psychological characteristics of households owning the overall business] // Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. 2009. № 5. pp. 142–148.
5. Kirilina A.V. O primenenii ponyatiya gender v russkoyazychnom lingvisticheskom opisani [On the application of the concept of gender in Russian-speaking linguistic description] //

- Filologicheskie nauki. 2000. № 3. pp. 18–27. 6. Kletsina I.S. Razvitie gendernykh issledovaniy v psikhologii [The development of gender studies in psychology] // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2002. № 3. pp. 181–191.
7. Kletsina I.S. Sovremennoe sostoyanie i perspektivy issledovaniy gendernykh otnoshenii v sfere sotsiologicheskogo i psikhologicheskogo znaniya [Current status and research perspectives of gender relations in the field of sociological and psychological knowledge] // Zhenshchina v rossiiskom obshchestve. 2013. № 2 (67). pp. 3–13.
8. Myasnikova L.A. Samoopredelenie zhenshchiny: pol-funktsiya i pol-sushchnost' [Self-determination of women: gender-and feature floor-essence] // Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 3: Obshchestvennye nauki. 2014. № 3 (131). pp. 67–75.
9. Rudin I.V., Kormilitsin A.V., Kochurina N.A. Sotsial'naya i biologicheskaya sostavlyayushchaya rolevykh predstavlenii o dolgovremennykh partnerskikh otnosheniyakh u studentok mladshikh kursov universiteta [Social and biological component of the role of ideas about long-term partner relations at students of younger courses University] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2011. № 6. pp. 120–123.
10. Rusaya V.V., Vorobeva O.V. Osobennosti gendernoi kharakteristiki u patsientov, stradayushchikh panicheskimi atakami [Features gender characteristics of the patients suffering from panic attacks] // Antibiotiki i khimioterapiya. 2009. № 54. pp. 186–187.
11. Sulimenko N.E. Gendernyi aspekt leksicheskoi lakunarnosti (na materiale RAS) [The gender dimension of lexical lacunarity (tissue RAS)] Lakunarnost' v yazyke, kartine mira, slovare i tekste. Mezhevuzovskii sbornik nauchnykh trudov [Lacunarity in the language picture of the world, the dictionary and the text. Interuniversity collection of scientific papers]. Novosibirsk, 2009. pp. 144–154.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кузин Евгений Дмитриевич – ассоциативный сотрудник Института психологии Российской академии наук, научный корреспондент Института психологии имени Г.С. Костюка Национальной Академии педагогических наук Украины;
e-mail: gkuzin@ukr.net

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kuzin Yevgeniy D. – Scientific Correspondent of the Institute of Psychology, named after G.S. Kostyuk, National Academy of Pedagogic Sciences of Ukraine, associate worker of the Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences;
e-mail: gkuzin@ukr.net

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Кузин Е.Д. Многомерная модель гендерных особенностей ролевого поведения в семейных отношениях // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2016. № 2. С. 62–70.
DOI: 10.18384/2310-7235-2016-2-62-70

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

Y. Kuzin. Multidimensional Model of Gender Features of Role Behavior in Family Relations // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Psychology. 2016. № 2. Pp. 62–70.
DOI: 10.18384/2310-7235-2016-2-62-70

УДК 316.6

DOI: 10.18384/2310-7235-2016-2-71-77

ИССЛЕДОВАНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ОТЗЫВЧИВОСТИ В ПРОЦЕССЕ СОЦИАЛИЗАЦИИ-ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ У ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ

Пронина А.Н., Мартынова Л.Н.

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, д. 28

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме проявления эмоциональной отзывчивости у детей, оставшихся без попечения родителей, которая участвует в процессе формирования социализации-индивидуализации ребенка. С помощью таких методов диагностики, как беседа, наблюдение и решение проблемных ситуаций, авторы выявили преобладание социальной направленности и сниженной индивидуальной значимости проявления эмоциональной отзывчивости у детей, оставшихся без попечения родителей, что свидетельствует о дисбалансе целостности социализации-индивидуализации, вызванном социальными условиями развития.

Ключевые слова: социализация-индивидуализация, эмоциональная отзывчивость, эмоции, дети, оставшиеся без попечения родителей.

THE STUDY OF EMOTIONAL RESPONSIVENESS IN THE PROCESS OF SOCIALIZATION-INDIVIDUALIZATION OF CHILDREN OF PRESCHOOL AGE LEFT WITHOUT PARENTAL CARE

A. Pronina, L. Martynova

Yelets state University. I. A. Bunina

399770, Lipetsk region, Yelets, street of Communards, d. 28

Abstract. The article is devoted the problem of emotional responsiveness in children, without parental care, which is involved in the integrity of socialization of individualization. Through interviews, observation, problem solving, the authors revealed the predominance of social orientation and reduced the significance of the individual manifestations of emotional responsiveness, which indicates the imbalance of the integrity of socialization of individualization is due to the social conditions of development.

Key words: socialization-individualization, emotional responsiveness, emotions, children left without parental care.

Различные эмоции страха, вины, стыда, морального удовлетворения, жалости, участия и сострадания (эмпатии), интереса, сопереживания, отзывчивости являются регуляторами социального поведения. Вместе с тем эмоции выступают проявлениями индивидуальных поступков и отношения ребенка к своим лич-

ностным качествам [5]. Особое место в эмоциональной составляющей процесса социализации-индивидуализации занимает эмоциональная отзывчивость [3].

Термин эмоциональная отзывчивость используется в трудах А.Г. Асмолова, Л.И. Божович, А.Д. Кошелевой и др. как проявление чуткого отношения к окружающим и близким, через умение быстро и правильно определить настроение, психическое состояние другого человека, прийти ему на помощь в трудную минуту [1; 2].

Проблемой эмоциональной отзывчивости как составляющей самостоятельных процессов социализации и индивидуализации занимались зарубежные исследователи К. Изард, К. Роджерс, К. Хьюбнер и др.). В частности, К. Изард подчеркивает, что причиной возникновения эмоций является потребность в средствах коммуникации. По мнению К. Роджерса, знание человека о себе приобретает аффективную окраску, которая выражается через различного рода эмоциональные переживания.

Эмоциональная отзывчивость влияет на познавательную, эмоционально-волевую сферу детей; на стиль переживания в стрессовых ситуациях, на отношения со взрослыми и сверстниками и проявляется не только в преимущественно положительном фоне настроения, но и в стиле переживания результатов действий, успехов и неудач, обеспечивает ребенку высокую самооценку, сформированный самоконтроль, ориентацию на успех в достижении целей [6].

В трудах А.В. Запорожца, Я.З. Неверович, А.Д. Кошелевой и др. исследователей показано, что становление

эмоциональной отзывчивости на музыку во многом зависит от возраста ребенка, источника его эмоциональных переживаний и определенных педагогических и социальных условий [6].

Отсутствие семьи (родителей, представителей детей) негативным образом сказывается на эмоциональном развитии ребенка, снижает эмоциональную чувствительность к нуждам, проблемам, эмоциональным состояниям других людей, а также к своим собственным. Эмоциональная отзывчивость является значимым показателем социализации-индивидуализации детей дошкольного возраста, оставшихся без попечения родителей [4].

Нами была обозначена проблема исследования: каковы особенности проявления эмоциональной отзывчивости в процессе социализации-индивидуализации у детей дошкольного возраста, оставшихся без попечения родителей.

Цель исследования состояла в выявлении и обосновании особенностей проявления эмоциональной отзывчивости в процессе социализации-индивидуализации у детей дошкольного возраста, оставшихся без попечения родителей.

Посредством проведения экспериментальной работы, мы предполагали решить следующие задачи:

- выявить наличие у детей, оставшихся без попечения родителей, представлений о необходимости проявления эмоциональной отзывчивости в социуме и понимание необходимости индивидуальной значимости и собственного участия в проявлении эмоциональной отзывчивости;
- определить применение детьми

способов проявления эмоциональной отзывчивости в ситуациях социальной и индивидуальной направленности.

Критериями проявления эмоциональной отзывчивости в процессе социализации-индивидуализации у детей дошкольного возраста, оставшихся без попечения родителей, выступили:

- мотивация проявления эмоциональной отзывчивости (желание, стремление ее проявить) по отношению к другим людям и необходимость собственного участия, значимости в ее проявлении;

- осознанность проявления эмоциональной отзывчивости (понимание причин и значимости ее проявления) по отношению к другим и индивидуальной возможности ее проявления, удовлетворенность собственным участием и значимостью;

- владение различными способами проявления эмоциональной отзывчивости (мимика, пантомимика, движения, поведение, речевые реакции) социальной направленности и умение регулировать и отбирать ее адекватно ситуации и собственным ресурсам.

В обследовании приняли участие 50 детей старшего дошкольного возраста, находящихся в Областном казенном учреждении «Елецкий социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних “Ковчег”», учрежденном Постановлением главы администрации Елецкого муниципального района № 454 от 05. 12. 2000 г.

Для оценки эмоциональной отзывчивости в процессе социализации-индивидуализации детей дошкольного возраста, оставшихся без попечения родителей, нами были использованы следующие методики диагностики: наблюдение за проявлениями эмо-

циональной отзывчивости детьми в организованной и свободной деятельности, беседа с детьми по картинкам с изображением различных ситуаций, решение детьми проблемных ситуаций.

Итак, в результате диагностики выявлено, что детям, оставшимся без попечения родителей, знакомы такие основные (базовые) эмоции, как горе, печаль, радость, удивление и др.

Беседа с детьми по картинкам с изображением различных ситуаций с участием детей и взрослых, в которых герои демонстрируют проявления эмоциональной отзывчивости, либо негативно направленные эмоции, осуществлялась с использованием следующих вопросов: *Что случилось с этими людьми? Что они испытывают? Кто им помог и почему? Как он помог? Нужно или не нужно отзываться на проблемы других?*

Результаты беседы позволили выявить, что большинство обследованных детей 80 % понимают смысл изображенной ситуации (проблемы, затруднения), в которую попали герои картинок, и те негативные эмоции, чувства, которые они испытывают.

Дети (76 %) осознают, что героям, попавшим в трудную ситуацию, требуется помощь и другие люди откликнулись на их проблемы. На предложенных картинках они могли выделить различные способы проявления эмоциональной отзывчивости (улыбка и другие мимические проявления, пантомимика, действия) со стороны других людей. 68 % испытуемых считают, что в изображаемой ситуации проявление эмоциональной отзывчивости было необходимо и следует так поступать всегда.

Вместе с тем 10% детей испытывают затруднения в понимании смысла картинок, но считают, что герои сами виноваты в том, что случилось («девочка сама виновата, что упала, не надо было высоко качаться»). Дети видят в качестве причины данной ситуации других людей или предметы («стул, наверное, сломался и мальчик упал», «дорога скользкая была и мальчик подскользнулся»). В данном случае этот процент детей считает, что необязательно проявлять по отношению к ним эмоциональную отзывчивость, и данную ситуацию переносят на себя («я тоже падала и ничего», «может ему и не больно совсем», «а он не звал никого, зачем ему помогать»). Они считают, что необходимость проявления эмоциональной отзывчивости напрямую зависит от просьбы со стороны человека, попавшего в трудную ситуацию.

Для выявления у детей представлений о способах и вариантах проявления эмоциональной отзывчивости использовалась методика «Решение проблемных ситуаций». Детям предлагались 10 проблемных ситуаций, содержание которых отражало необходимость проявления эмоциональной отзывчивости. После прочтения проблемных ситуаций дети должны были ответить на следующие вопросы: *Что, по твоему мнению, случилось с героями? Как ты поступишь в такой ситуации? Что ты можешь предложить в данной ситуации? Хочется ли тебе помочь участникам ситуации, почему? Ты будешь помогать им сам или кого-либо позовешь на помощь? Какие чувства ты испытываешь к героям ситуации? Какие чувства ты испытываешь, когда проявляешь отзывчивость к другим людям?* Вопросы, за-

данные детям, не содержали термина «эмоциональная отзывчивость», так как для многих опрашиваемых детей этот термин был сложным для восприятия и понимания.

Решение проблемных ситуаций, в которых участником выступает сам ребенок, показало, что 62 % детей понимают смысл предложенной проблемной ситуации, но не всегда могут понять эмоциональное состояние других людей, различать ситуации в зависимости от их специфики, особенно болевые ощущения. Обследуемые давали, в основном, общую характеристику эмоционального состояния: *ему/ей плохо, он/она плачет, ему/ей обидно* и др.

При ответе на вопрос, как в этой ситуации ты поступишь, дети давали односторонние ответы: *помогу, пожалею, поглажу*. Дети не знали других способов проявления эмоциональной отзывчивости (речевые высказывания, действия, ответные эмоции). Некоторые испытуемые не видели собственного участия в проявлении эмоциональной отзывчивости, а считали, что нужно обратиться за помощью к взрослым (позову кого-нибудь, надо вызвать врача).

У 60 % опрашиваемых детей есть желание проявлять эмоциональную отзывчивость героям проблемной ситуации, 32 % считают, что проявлять эмоциональную отзывчивость надо только к тем людям, которых ты знаешь, к остальным не надо, они незнакомые, а 8 % не знают, хочется им помочь или нет. Причиной появления эмоциональной отзывчивости 50 % детей считают существующие и установленные моральные правила – так надо делать всегда, потому что так положе-

но, нам так воспитатель говорил.

38 % испытуемых проявляют эмоциональную отзывчивость, чтобы их оценили окружающие (чтобы все увидели, какой я хороший, и всем помогаю). 12 % не знают, почему надо проявлять эмоциональную отзывчивость, просто надо и все, или не знаю почему.

В основной своей массе (86 %) дети, оставшиеся без попечения родителей, испытывают различный спектр эмоций по отношению к героям ситуации (жалко, переживаю, неприятно), а 14 % не могут назвать аналогичные чувства.

Многие дети (58 %) при правильном и адекватном решении проблемной ситуации считают, что, проявив эмоциональную отзывчивость, испытываешь радость за других.

22 % старших дошкольников ответили, что им радостно и за других и за себя, что они считают себя хорошими, 10 % не знают и не могут пояснить, что они испытывают, проявляя эмоциональную отзывчивость.

В процессе наблюдения за проявлениями отзывчивости у детей старшего дошкольного возраста, оставшихся без попечения родителей, в процессе организованной и свободной деятельности выявлено, что в отличие от результатов, полученных в процессе беседы и решения проблемных ситуаций, могут замечать и оценить затруднения и эмоциональные состояния сверстников. Однако не у всех детей данные трудности и состояния могут выступать мотивом проявления эмоциональной отзывчивости. Наиболее ярко эмоциональная отзывчивость проявляется по отношению к тем детям, которые плачут, просят о помощи, либо на это просит обратить внимание воспитатель или взрослый.

60 % детей предлагают ограниченный арсенал способов и вариантов проявления эмоциональной отзывчивости (не утешают словами, не поглаживают, не проявляют активных действий по оказанию помощи).

В 80 % случаев они не участвуют лично в проявлении эмоциональной отзывчивости, а обращаются к взрослому со словами: «Посмотрите, а Оля что-то плачет!», «А у него не получается, что надо сделать?». Очень часто проблемы и негативные эмоции сверстника ребенок рассматривает не как предпосылку проявления эмоциональной отзывчивости, а как помеху собственному выполнению задания: «Что я могу сделать, если ты не можешь, ты мне мешаешь, когда я успею сделать! Сейчас сам доделаю. Тебе воспитатель поможет».

Мотивом проявления эмоциональной отзывчивости у отдельных детей (16 %) выступает предвосхищение оценки воспитателей или других детей: «Не плачь, мне тебя жалко, мне всех жалко, потому что я хороший и добрый, про меня всегда воспитатель так говорит». В этих случаях ребенок проявляет эмоциональную отзывчивость как индивидуальную характеристику своей личности. Некоторые дети понимают собственную значимость и необходимость проявления эмоциональной отзывчивости: «Я должен тебе помочь, а то никто тебе даже помочь не может, кроме меня, ведь я с тобой дружу всегда». Вместе с тем в 20 % наблюдаемых случаев дети проявляли безразличное отношение к проблемам, возникающим у других детей, и не демонстрировали эмоциональную отзывчивость.

Таким образом, выявлены следующие

щие особенности проявления эмоциональной отзывчивости у детей, оставшихся без попечения родителей:

- у 68 % обследуемых детей, оставшихся без попечения родителей, наблюдается желание, стремление проявить эмоциональную отзывчивость по отношению к другим людям, но они не видят необходимость собственного участия, значимости в его проявлении;

- 60 % осознают значимость проявления эмоциональной отзывчивости, причины ее оказания по отношению к другим. Вместе с тем 40 % не понимают индивидуальной возможности ее проявления, удовлетворенность собственным участием и значимостью;

- 35 % детей владеют различными способами проявления эмоциональной отзывчивости (мимика, пантомимика, движения, поведение, речевые реакции) социальной направленности, а 65 % проявляют неумение регулировать и отбирать ее адекватно ситуации и собственным ресурсам.

Нами выявлено, что последствия отсутствия семьи наблюдаются в динамике проявления эмоциональной отзывчивости, которая не развивается у данной категории детей, а находится в застывшем виде, так как нет положительных примеров для ее демонстрации.

Особенности эмоциональной отзывчивости у детей без семьи характеризуются преобладанием индифферентного отношения, а также в доминировании отрицательных эмоций, опосредуемых тем положительным эмоциональным опытом, который уже накоплен ребенком. К сожалению, проявление эмоциональной отзывчивости смещено в сторону социализации, но не включено в индивидуальный опыт и структуру индивидуальности ребенка, что в дальнейшем может негативным образом сказаться на формировании ребенка как целостной и гармоничной личности.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Асмолов А.Г. Психология индивидуальности. М., 1986. 95 с.
2. Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. М., 2008. 296 с.
3. Весна Е.Б. Социализация и индивидуализация: Закономерности и механизмы. М.; Петропавловск-Камчатский, 1997. 200 с.
4. Прихожан А.М., Толстых Н.Н. Психология сиротства. СПб., 2007. 416 с.
5. Щетинина А.М. Социализация и индивидуализация в детском возрасте : учеб. пособие. Великий Новгород, 2004. 132 с.
6. Кошелева А.Д. и др. Эмоциональное развитие дошкольников : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений ; под ред. О.А. Шаграевой, С.А. Козловой. М., 2003. 176 с.

REFERENCES

1. Asmolov A.G. Psikhologiya individual'nosti [Psychology of personality]. M., 1986. 95 p.
2. Bozhovich L.I. Lichnost' i ee formirovanie v detskom vozraste [Personality and its formation in childhood]. M., 2008. 296 p.
3. Vesna E.B. Sotsializatsiya i individualizatsiya: Zakonomernosti i mekhanizmy [Socialization and individualization: principles and mechanisms]. , 1997. 200 p.
4. Prikhodzhan A.M., Tolstykh N.N. Psikhologiya sirotstva [The psychology of abandonment]. SPb., 2007. 416 p.
5. Shchetinina A.M. Sotsializatsiya i individualizatsiya v detskom vozraste : uchebnoe poso-

bie [Socialization and individualization in children : a training manual]. Veliky Novgorod, 2004. 132 p.

6. Emotsional'noe razvitie doshkol'nikov : uchebnoe posobie dlya studentov vysshikh uchebnykh zavedenii [Emotional development of preschoolers : a textbook for students of higher educational institutions]. Kosheleva A.D. and others M., 2003. 176 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пронина Анжелика Николаевна – доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры психофизиологии и педагогической психологии, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина;

e-mail: antipi-elena@yandex.ru

Мартынова Любовь Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры дошкольного и специального образования, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина;

e-mail: antipi-elena@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Pronina Anzhelika N. – Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Psychophysiology and Educational Psychology, Bunin Yelets State University;

e-mail: antipi-elena@yandex.ru

Martynov Lubov N. – PhD of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Preschool and Special Education, Bunin Yelets State University;

e-mail: antipi-elena@yandex.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Пронина А.Н., Мартынова Л.Н. Исследование эмоциональной отзывчивости в процессе социализации-индивидуализации у детей дошкольного возраста, оставшихся без попечения родителей // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2016. № 2. С. 71–77.

DOI: 10.18384/2310-7235-2016-2-71-77

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

A. Pronina, L. Martynova. The Study of Emotional Responsiveness in the Process of Socialization Individualization of Children of Preschool Age Left Without Parental Care // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Psychology. 2016. № 2. Pp. 71–77.

DOI: 10.18384/2310-7235-2016-2-71-77

УДК159.923.2

DOI: 10.18384/2310-7235-2016-2-78-91

ВЛИЯНИЕ ПРЕДСТАВЛЕННОСТИ РОДИТЕЛЕЙ В НЕПОЛНОЙ СЕМЬЕ НА СТИЛЬ СОВЛАДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ ДЕТЕЙ

Ташимова Ф.С.¹, Ризулла А.Р.¹, Баймолдина Л.О.¹, Аманжанова Г.Б.²

¹Казахский национальный университет им. аль-Фараби

Республика Казахстан, г. Алматы, 050040 пр. аль-Фараби 71

²Казахская национальная академия искусств им. Т. Жургенова

Республика Казахстан, г. Алматы, 050040 ул. Панфилова 123

Аннотация. В статье рассматривается зависимость стилей совладания подростков от особенностей отражения родителей (отца и матери), а также семьи как гармоничной или проблемной. Продуктивные стили совладания подростков из неполных гармоничных семей обеспечиваются позитивным отражением отсутствующего родителя, его идеализации (в случае смерти), либо замещением фигуры отца личностью Бога, стимулирующего преодоление. Негативная представленность родителей в неполных проблемных семьях стимулирует защитные стили, делегирование ответственности друзьям, близким либо Богу.

Ключевые слова: представленность, неполная семья, позитивное отражение, негативное отражение, идеализация, замещение

THE IMPACT OF PASENTS' REFLECTION ON CHILDREN'S COPING BEHAVIOR IN SINGLE PARENT FAMILY

F. Tashimova¹, A. Rizulla¹, L. Baymoldina¹, G. Amanzhanova²

¹Al-Farabi Kazakh National University,

The Republic of Kazakhstan, Almaty, 050040 prospect Al-Farabi 71

²The Kazakh National Academy of Arts named. T. Zhurgenov

The Republic of Kazakhstan, Almaty, 050040 Str. Panfilova 123

Abstract. The article discusses dependency of teenagers' coping strategies from the features of parents reflection (father and mother). Also the question of harmonic family and problematic family is uncovered. Productive coping strategies of teenagers from single-parent harmonic families are connected with positive reflection of absent parent or idealized image (in case of death), or replaced image of God, which stimulate to overcome. The negative reflection of parents in single-parent problematic families tend to develop such coping strategies, which delegate the responsibility to friends, relatives or God.

Key words: Reflection, single-parent family, positive reflection, negative reflection, idealization, replacement.

В психологии совладающее поведение рассматривается как способ, используемый человеком для преодоления трудных жизненных ситуаций, стимулиру-

ющий снижение тревожности и восстановление равновесия в системе личности [1]. В нашем понимании совладающее поведение – это отражение способов преодоления сложных жизненных ситуаций человеком, определяемое соотношением стратегий преодоления и психологической защиты. При гармоничном соотношении стратегий преодоления и защиты формируются продуктивные стили совладания. При акцентуациях одного из видов стратегий складываются стили непродуктивного характера, при котором не происходит разрешения проблемных ситуаций и жизненных задач [2].

Значимую роль в становлении совладающих стратегий играет семья [3; 5; 7; 8], стимулирующая формирование продуктивных и непродуктивных форм совладающего поведения [5]. Анализ исследований позволил констатировать социальное «наследование» совладающего поведения в процессе межпоколенного взаимодействия, высокий уровень несогласованности и преобладания защитных механизмов в дисфункциональных семьях [4], непродуктивное совладание, повышенную агрессивность и самонаказание в семьях, где регулярно применялись физические наказания детей [3]. Отмечается нестандартность с точки зрения использования способов совладания, стимулирующих адаптивность и творческое приспособление к требованиям окружающего мира в семьях, переживающих кризисные ситуации [6], а также в семьях с единственными детьми [9; 10].

Несмотря на достаточно широкий анализ влияния семейных отношений на формирование совладающего по-

ведения, вне анализа остается исследование зависимости стратегий совладания в неполных семьях. Исследования влияния неполных семей представляют особую значимость, поскольку в данном случае отсутствует один из субъектов значимой идентификации с родителями. Неполная семья – это отсутствие одного из миров, способствующих целостности человеческой личности.

Исследования неполных семей позволили выявить их негативное влияние на развитие личности ребенка. С особенностями влияния неполной семьи связано много мифов. В частности, многочисленные исследования неполных семей констатируют, в большей мере, ее негативное влияние на развитие личности ребенка и его взаимоотношения с другими, на меру его адаптивности к миру. Среди мифов распространено мнение о том, что неполная семья является основным источником асоциального поведения.

В связи с этим в данной работе целью исследования явилось изучение влияния полной и неполной семьи на особенности совладающего поведения подростков, характеризующего их взаимоотношения с миром и обеспечивающего особенности его саморегулирования и продуктивность деятельности. Гипотеза исследования исходила из предположения, что особенности совладающего поведения зависят не столько от полноты или неполноты семьи, сколько от особенностей представленности и отражения родителей (отца и матери), семьи, в частности, меры ее проблемности.

В исследовании принимало участие 60 подростков г. Алматы и Павлодара. Особенности внутрисемейных от-

ношений исследовались с помощью опросника «Мир моей семьи», разработанный авторами. Анализ проводился по следующим показателям: наличие частных ссор в семье, непонимания и нежелания слышать другого, уровень материального достатка, наличие социального пространства. Результаты анкетирования позволили выявить 4 группы семей подростков: Группа 1 – полная семья, отраженная как проблемная; Группа 2 – полная семья, отраженная как гармоничная; Группа 3 – неполная семья, отраженная как проблемная. Группа 4 – неполная семья, отраженная как гармоничная.

При изучении особенностей отражения родителей подростками использовалась методика Ю.А. Миславского

«Шкалирование регуляторно-личностных отношений» [6], изучение совладающего поведения проводилось по методике ACS «Юношеская копинг-шкала» Э. Фрайденберга и Р. Льюиса, валидизированная Т.Л. Крюковой [3; 5].

Особенности отражения родителей в группах подростков из неполных и полных семей

Согласно нашей гипотезе, особенности совладающего поведения зависят от того, как отражаются подростками их родители. В связи с этим есть смысл рассмотреть, как отражены испытуемыми родители в полной и неполной семьях, как проблемных, так и гармоничных.

Таблица № 1

Отражение подростками личности отца и отношение к нему

№	Отражение ценности отца				
	Показатели	Полная семья		Неполная семья	
		1	2	3	4
1	Скучный – интересный	1,0*	2,1	1,9*	1,5
2	Ненавистный – любимый	2,0	4,1*	1,2*	3,2
3	Ничтожный – значительный	2,8	2,4	1,9	4,7**
4	Сумма средних арифметических шкалы	5,8	8,6	5,0	9,4
<i>Мера стимулирования отцом достижения целей субъектом</i>					
1	Тормозящий – устремляющий	0,9*	2,8	2,2	2,9
2	Удерживающий – побуждающий	1,1	3,4	1,8	4,2*
3	Сбивающий – направляющий	1,7	4,6	1,0*	2,0
4	Сумма средних арифметических шкалы	3,7	10,8	5,0	9,1
<i>Мера ориентирования отцом на себя как на образец подражания</i>					
1	Отвергаемый как образец – принимаемый как образец	0,1**	3,4	0,9*	2,8
2	Отвратительный – прекрасный	2,3	2,9	1,1	5,0**
3	Достойный порицания – достойный подражания	1,9	4,3*	0,8	3,7
4	Сумма средних арифметических шкалы	5,2	10,6	2,8	10,7
<i>Степень близости образа Я отца субъекту</i>					
1	Отрицаемый – принимаемый	1,2	3,5	1,5	2,8
2	Чужой – свой	2,2	3,8	1,1*	4,3*
3	Далекий – близкий	1,0**	4,6**	0,9	3,3
4	Сумма средних арифметических шкалы	4,4	11,9	3,5	10,4

Окончание таблицы на с. 80.

Окончание таблицы 1.

№	Отражение ценности отца				
	Показатели	Полная семья		Неполная семья	
		1	2	3	4
Мера стимулирования отцом уровня притязаний субъекта					
1	Ограничивающий – поощряющий	1,9*	2,2	2,0	2,8
2	Недооценивающий – переоценивающий	2,3	4,5*	1,6*	2,1
3	Принижающий – возвышающий	2,1	2,9	2,3	3,9*
4	Сумма средних арифметических шкалы	6,3	9,6	5,9	8,8
Мера стимулирования отцом самооценки субъекта					
1	Осуждающий – одобряющий	1,9*	3,0	2,1	4,5**
2	Бранящий – хвалящий	1,1**	2,9	2,0	3,2
3	Отрицающий – признающий	2,9	4,3**	1,0**	3,4
4	Сумма средних арифметических шкалы	5,9	10,2	5,1	11,1
	Общая сумма средних арифметических показателей всех шкал	31,3	61,7	27,3	59,5

** – значимость на уровне $P < 0,01$

* – значимость на уровне $P < 0,05$

Для сравнения полученных данных использовался критерий Н – Крускал-Уоллиса.

Анализ данных позволяет констатировать наличие значимых различий в восприятии личности отца. Так, по показателям шкалы ценности отца подростки группы 1 (полная проблемная семья) отражают его как скучного (1,0); в группе 2 (полная гармоничная семья) – как любимого (4,1); в группе 3 (неполная проблемная семья) – как ненавистного (1,2); в группе 4 (неполная гармоничная) – как значительного (4,7).

Не менее значимыми являются данные по шкале, отражающей меру стимуляции отцом достижения цели. Для подростков группы 1 отец отражается как тормозящий достижения (0,9); в группе 2 – как направляющий на достижения (4,6); в группе 3 – как сбивающий процесс достижения (1,1); в группе 4 как побуждающий к достижениям (4,2).

В какой мере отец служит образцом для подражания? Данные по этой шкале также значимо различаются. Так, в

группе 1 отец как образец для подражания отвергается (0,1); в группе 2 отец воспринимается как достойный подражания (4,3); в группе 3 – образ отца достоин порицания (0,8); в группе 4 образ отца отражается как прекрасный, то есть несколько идеализируется (5,0).

С чем связано такое отношение к отцу? Это проясняет анализ шкалы дальности и близости системы ценностей, определяющих образ отца как их носителя. В этом плане образ отца в группе 1 определен как далекий для подростков (1,0); в группе 2 – как близкий (4,6); в группе 3 – как чужой (1,1); в группе 4 – как свой (4,3).

В какой мере отец стимулирует притязания на признание? Для подростков группы 1 отец выступает как ограничивающий притязания (1,9); для испытуемых группы 2 как переоценивающий притязания (4,5); для группы 3 – отец выступает как недооценивающий притязания (1,6); для подростков группы 4 как возвышающий притязания (3,9).

Как влияет отец на самооценку

испытуемых? Данные по этой шкале позволяют говорить, что в группе 1 отец не стимулирует позитивную самооценку, он отражен как бранящий (1,1); в группе 2 – отец отражается как признающий самооценку (4,3); в группе 3 – как подавляющий самооценку поскольку выступает как отрицающий уровень самооценки испытуемых (1,1); в группе 4 – как одобряющий и стимулирующий самооценку (4,5).

Таким образом, дифференцированный анализ показателей шкал позволяет выделить ряд различий. По суммарным показателям различия касаются полной деструктивной (31,3) и полной гармоничной (61,7), а также неполной, пережившей развод (27,3) и неполной в связи со смертью одного из родите-

лей (59,5) семьи. В целом обобщенные результаты позволяют говорить о позитивной представленности отца в группах 2 и 4 (полной гармоничной и неполной, связанной с утратой одного из родителей). Поскольку в группе 4 неполная семья связана с утратой отца (87 %), мы можем отметить некоторое идеализирование образа отца и его влияния на подростков. Следует также отметить несколько негативную представленность отца в группах 1 (полная деструктивная семья) и в группе 3 (неполная семья, пережившая развод).

Для полной характеристики семьи рассмотрим, как отражена у подростков мать, в частности, проанализируем результаты отражения подростками отношения к матери (см. табл. № 2).

Таблица № 2

Отражение подростками разных групп личности матери и отношение к ней

№	Отражение ценности матери				
	Показатели	Полная семья		Неполная семья	
		1	2	1	2
1	Скучный – интересный	2,4	3,0	1,9	4,7**
2	Ненавистный – любимый	4,0*	3,3	4,6**	4,1*
3	Ничтожный – значительный	2,9	4,8**	3,2	3,2
4	Сумма средних арифметических шкалы	9,3	11,1	9,7	12,0
Мера стимулирования матерью достижения целей субъектом					
1	Тормозящий – устремляющий	2,4	4,1**	1,9	2,8
2	Удерживающий – побуждающий	3,2	3,0	2,2	3,5
3	Сбивающий – направляющий	2,5	2,9	1,0	4,9**
4	Сумма средних арифметических шкалы	8,1	10,0	5,1	11,2
Мера ориентирования матерью на себя как на образец подражания					
1	Отвергаемый как образец – принимаемый как образец	3,1	4,1*	2,3	3,9
2	Отвратительный – прекрасный	2,3	3,7	2,0	4,0
3	Достойный порицания – достойный подражания	2,5	3,0	2,5	4,3*
4	Сумма средних арифметических шкалы	7,9	10,8	6,8	12,2
Степень близости образа Я матери субъекту					
1	Отрицаемый – принимаемый	2,8	3,7	1,4**	4,5**
2	Чужой – свой	3,2	2,9	2,2	3,0
3	Далекий – близкий	2,7	4,3*	2,6	2,9
4	Сумма средних арифметических шкалы	8,7	11,9	6,2	10,4

Окончание таблицы на с. 83.

Окончание таблицы 1.

<i>Мера стимулирования матерью уровня притязаний субъекта</i>					
1	Ограничивающий – поощряющий	2,3	3,8*	1,1**	3,9
2	Недооценивающий – переоценивающий	0,9**	3,1	1,8	4,0*
3	Принижающий – возвышающий	2,0	2,9	2,5	3,1
4	Сумма средних арифметических шкалы	5,2	9,8	5,4	11,0
<i>Мера стимулирования матерью самооценки субъекта</i>					
1	Осуждающий – одобряющий	2,5	4,5**	1,9*	3,7
2	Бранящий – хвалящий	2,3	3,0	2,4	3,2
3	Отрицающий – признающий	2,2	2,9	2,2	4,8**
4	Сумма средних арифметических шкалы	7,0	10,4	6,5	11,7
	Общая сумма средних арифметических показателей всех шкал	46,2	64,0	39,7	68,5

** – значимость на уровне $P < 0,01$ * – значимость на уровне $P < 0,05$

Анализ данных позволяет выявить значимые различия в восприятии личности матери. Так, по показателям шкалы ценности матери у подростков во всех группах она представлена как высокая. Отмечается главная ценность матери как любимой. Значимые различия имеются по показателям шкалы, отражающей меру стимуляции матерью достижений цели. Для подростков группы 1 мать отражается как побуждающая достижения (3,2); в группе 2 – как устремляющая на достижения (4,1); в группе 3 – как сбивающая процесс достижения (1,0); в группе 4 – как направляющая к достижениям (4,9).

В какой мере мать служит образцом для подражания? Данные по этой шкале также значимо различаются. Так, в группах 1 и 3 мать как образец для подражания представлена индифферентно (2,3); в группе 2 мать воспринимается человеком, у которого принимаются способы взаимодействия с миром (4,1); в группе 4 образ матери отражается как образец, достойный подражания (4,3).

С чем связано такое отношение к матери? Такое отношение к матери

продуцируется мерой принятия образа матери подростками, определяемой по дальности и близости ее образа. Образ матери в группе 1 определен, скорее, как «свой», нежели «близкий», то есть в данном случае акцентируется внимание на понятие «родной», отражающее, в большей мере чувство собственности, кровности, нежели близости ценностей (3,2); в группе 2 – как близкий (4,3); в группе 3 – как образ отрицаемый (1,4); в группе 4 – как образ, который принимается безусловно (4,5).

В какой мере мать стимулирует притязания на признание? Для подростков группы 1 мать выступает как недооценивающий притязания (0,9); для испытуемых группы 2 – как поощряющий притязания (3,8); для группы 3 – мать выступает как ограничивающий притязания (1,1); для подростков группы 4 – как переоценивающий притязания (4,0).

Как влияет мать на самооценку испытуемых? Данные, полученные в исследовании, позволяют говорить, что в группе 1 стимулирование матерью самооценки достаточно индифферент-

ное (2,2); в группе 2 – мать выступает как одобряющая самооценку (4,5); в группе 3 – как осуждающая и не признающая самооценку испытуемых (1,9); в группе 4 – как признающая самооценку (4,5).

Таким образом, анализ результатов, определяющих особенности отражения испытуемыми матери, позволяют констатировать различия не столько полной и неполной семей, сколько полной семьи деструктивного характера (46,2) и полной гармоничной (64,0), а также неполной проблемной, негативно пережившей развод (39,7) и неполной в связи со смертью одного из родителей (68,5) или позитивно переживший уход родителя семьи.

Обобщенные результаты позволяют говорить о наиболее высокой позитивной представленности матери в группе 4 (неполной, связанной с утратой одного из родителей). На втором месте обнаружена полная гармоничная семья (64,0). Наименее позитивно представлена мать в неполной проблемной семье, особенно в той, в которой пережит развод (39,7), а также в полных семьях деструктивного характера. Мера представленности матери отражает меру идентификации с ней подростков.

Теперь выясним, какие способы совладающего поведения продуцируются в этих семьях с различной представленностью отца и матери. Рассмотрим результаты 18 стратегий совладающего поведения, полученные в исследовании. Анализ стратегий совладания подростков позволяет определить стили совладающего поведения у подростков из полных и неполных, проблемных и гармоничных семей. Рассмотрим особенности стратегий

совладания подростков из полной проблемной семьи (группа 1). См. рис. 1.

Как видно по результатам, представленным на рис. 1, стиль совладающего поведения подростков из полной проблемной семьи характеризуется ориентацией на других в процессе преодоления проблемных жизненных ситуаций. Анализ стратегий совладания позволяют утверждать, что подростки из полных проблемных семей в сложных ситуациях жизни решают свои проблемы за счет социально-ориентированных стратегий поведения. В частности, они привлекают к решению проблемных ситуаций друзей, ориентируются не столько на себя, сколько на их поддержку, организуют совместные групповые действия, направленные на преодоление проблемной ситуации. Характерной особенностью подростков данной группы и их совладания является низкий уровень беспокойства за решение ситуации, уход от ответственности и игнорирование помощи специалиста. Но самым главным является низкий уровень концентрированности на работе по решению проблемной ситуации.

S1 – социальная поддержка; S2 – Фокусирование на решении проблемы (систематическое обдумывание проблемы с учетом разных точек зрения); S3 – Упорная работа и достижения; S4 – Беспокойство о будущем вообще и о своем будущем в особенности, тревожность за последствия; S5 – Друзья – ставка на близких друзьях и приобретение новых; S6 – Чувство принадлежности и действия, нацеленные на получение их одобрения; S7 – Надежда на чудо – мечты и надежда на лучшее, на счастливый



Рис. 1. Стиль совладания подростков из полной проблемной семьи

случай; S8 – Несовладание – отказ от каких-либо действий по решению проблемы, вплоть до болезненных состояний; S9 – Разрядка – улучшение самочувствия за счет «выпускания пара»; S10 – Общественные действия – поиск поддержки других. S11 – Игнорирование проблемы; S12 – Самообвинения; S13 – Уход в себя; S14 – Поиски духовной опоры – молитвы о помощи и наставлении, обращенные к богу; S15 – Фокусирование на позитиве – оптимистический взгляд на вещи; S16 – Обращение за помощью к профессионалу; S17 – Стремление отвлечься и отдохнуть, релаксация отвлечение; S18 – Активный отдых (занятия спортом, поддержание здоровья).

Процессы снятия напряжения обеспечиваются различного рода развлечением, сопровождающимися использованием вариантов разрядки (алкоголь, курение и т.д.). Такой вариант совладающего поведения является непродуктивным и носит защитный характер от напряжения, продуцируемого ситуацией и преодолеваемого притягиванием коллективной помощи

и снятием с себя ответственности.

Каковы особенности стилей совладания у подростков из полной гармоничной семьи? Отличаются ли стратегии совладающего поведения у подростков из полной проблемной и полной гармоничной семей? Обратимся к результатам, представленным на рис. 2, отражающим стиль совладания в группе 2 (см. рис. 2).

Анализ результатов, представленных на рис. 2, позволяет выделить особенности совладающего поведения подростков из полной гармоничной семьи. Они кардинально отличаются от стратегий совладания представителей группы 1. В частности, подростки из полной гармоничной семьи концентрируются на решении проблемной ситуации и достижении целей. Их концентрированность на решении проблемы сопровождается умением повышать трудоспособность через организацию активного отдыха. При этом они не игнорируют общения с друзьями, с которыми могут обговаривать свои переживания, возможные последствия и др. Анализируя способы совладания,

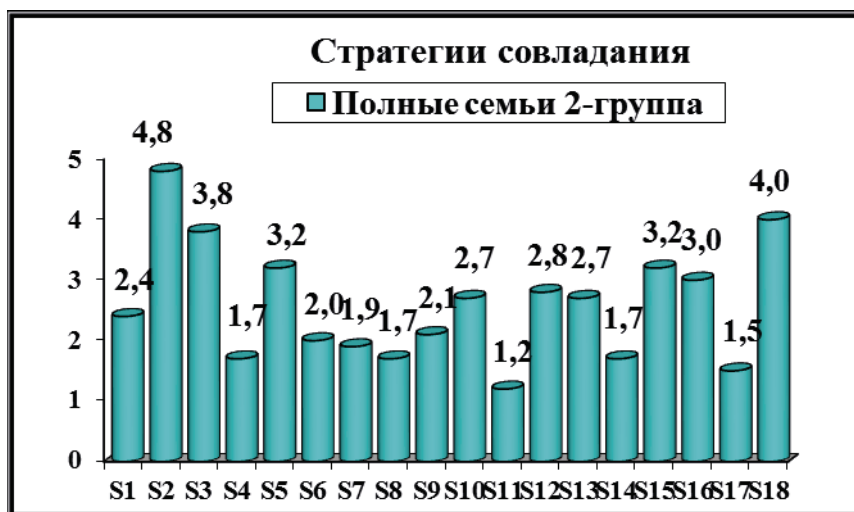


Рис. 2. Стиль совладания подростков из полной гармоничной семьи

мы выяснили, что подростки данной группы ориентируются на позитивный исход дела, что несомненно способствует стимулированию процессов совладания. При некоторых затруднениях в решении проблемной ситуации подростки ориентируются на помощь профессионалов. В отличие от представителей группы 1 они не блокируют проблему, а активно решают ее. Относительно соотношения стратегий совладания можно сказать, что у подростков данной группы они не акцентированы в одну сторону, а предполагают более-менее умеренное использование всех способов. Однако по сравнению с группой 1, они не всегда обращаются к такому способу разрядки, как плач, выплеск агрессии и т.д.

Анализ стратегий совладания позволяет говорить о продуктивном стиле совладающего поведения подростков из полной гармоничной семьи.

Какие стили совладающего поведения используются подростками из неполных проблемных семей показано

на рис. 3.

Результаты позволяют выделить определяющий стиль совладающего поведения подростков данной группы, который характеризуется приложением усилий, направленных на решение проблемной ситуации, неразрывно связанных с ориентацией на чудо, на поиск духовной основы и поддержки. При этом они не «держат» проблемную ситуацию на контроле, а стремятся уйти от нее или проигнорировать ее. Однако внутри системы они никак не могут забыть проблему и отвлечься от нее. Беспокойство и тревожность становятся постоянно сопутствующими спутниками, что не стимулирует способность концентрироваться, ориентироваться на позитивный исход ситуации, на деятельности и способности к продуктивному расслаблению. Данные стратегии совладания обеспечивают непродуктивный стиль совладания, отражающий не только заниженные способности к преодолению, но и внутриличностный конфликт, который

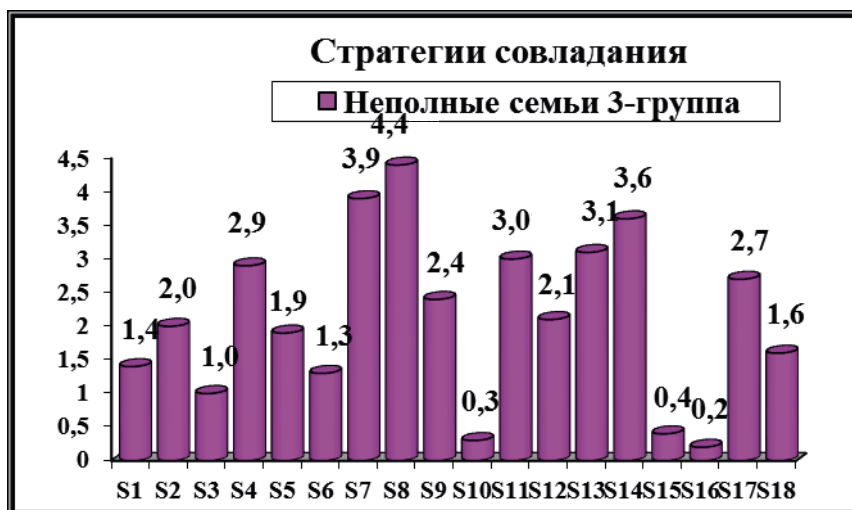


Рис. 3. Стиль совладания подростков из неполной проблемной семьи

не находит своего решения в связи с неспособностью строить позитивные отношения с миром в решении своих задач.

Каков стиль совладающего поведения у подростков из неполной гармоничной семьи? Для ответа на этот вопрос рассмотрим особенности совладания подростков группы 4 (см. рис. 4). Анализ результатов показывает, что стратегии совладания подростков из неполной гармоничной семьи характеризуются преобладанием стратегий, связанных с упорной работой и фокусированием на решении проблемы. При решении проблемной ситуации подростки данной группы характеризуются высокой способностью к концентрации, о чем свидетельствуют высокие баллы по показателям S3 и S2, а также S13, отражающие направленность на преодоление, при котором они стараются отвлечься от мира, то есть занимают позицию отстраненности, которая стимулируется осознанием своей принадлежности к значимым

для них родителям, реально и идеально представленным. Позитивная представленность родителей ориентирует подростков на позитивное решение и преодоление проблемной ситуации. Как и у подростков из неполной проблемной семьи, у их сверстников из неполной гармоничной семьи отмечается направленность на поиск духовной поддержки у Бога.

В процессе преодоления проблемной ситуации они не отказываются от разрядки, в которой существенное значение имеет плач, иногда выплеск отрицательных эмоций за счет проявления некоторой агрессии. Однако другие методы разрядки не используются такими подростками. В отличие от подростков из неполной проблемной семьи, они не теряют контактов с друзьями.

Итак, результаты исследования подтверждают гипотезу о том, что различные способы совладающего поведения в полной и неполной семье определяются не столько полнотой



Рис. 4. Стиль совладания подростков из неполной гармоничной семьи

и неполнотой семейной структуры, сколько особенностями отражения подростками личности своих родителей и семьи.

Подростки из полных и неполных гармоничных семей, где взаимоотношения строятся на позитивном отражении личности родителей и семьи, характеризуются большей общностью в стратегиях, конструктивным решением проблем, обеспечивающим продуктивные стили совладания, стимулирующие их адаптацию в мире.

Подростки из полных и неполных

проблемных семей, где взаимоотношения строятся на негативном отражении личности родителей и неконструктивном решении проблем, характеризуются большей общностью в стратегиях, обеспечивающих непродуктивные стили совладания, стимулирующие зависимости различного рода и от социального окружения, в частности. Кроме того, в данных стилях совладания преобладает функционирование незрелых психологических защит.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Белорукова Н.О. Семейные трудности и психологическое совладание с ними на разных этапах жизненного цикла семьи : дисс. ... канд. психол. наук. Кострома, 2005. 240 с.
2. Гущина Т.В. Защитное и совладающее поведение в дисфункциональной семье в период кризиса : дисс. ... канд. психол. наук. Кострома. 2005. 225 с.
3. Крюкова Т.Л. Методы изучения совладающего поведения: три копинг-шкалы. Кострома. 2007. 60 с.
4. Крюкова Т.Л., Петрова Е.А. Семейные ресурсы совладающего поведения: значе-

- ние прародителей и предков // Психология и практика: Сб. научн. статей / Под ред. Т.Л. Крюковой, С.А. Хазовой. Кострома, 2006. С. 12–23.
5. Крюкова Т.Л. Психология совладающего поведения. Монография. Кострома, 2004. 425 с.
 6. Миславский Ю.А. Саморегуляция и творческая активность личности // Вопросы психологии. 1988. № 3. С. 71–78.
 7. Сапоровская М.В. Детско-родительские отношения и совладающее (копинг) поведение родителей как фактор школьной адаптации первоклассников : дисс. ... канд. психол. наук. Кострома, 2002. 228 с.
 8. Сапоровская М.В. Межпоколенное наследование совладающего поведения в семье // Психология совладающего поведения: Материалы междунар. науч.-практ. конференции / Отв. ред. Е.А. Сергиенко, Т.Л. Крюкова. Кострома, 2007. С. 409–411.
 9. Ташимова Ф.С., Кельбутанова Ш. Особенности совладающего поведения единственных детей в семье // Материалы международной конференции молодых учёных «Мир науки» 23-26 мая 2012 г. 2012. С. 250–256.
 10. Ташимова Ф.С., Ризулла А.Р. К проблеме смыслообразования субъекта как многоликого мира. Saarbrücken, Deutschland, 2012. 385 с.

REFERENCES

1. Belorukova N.O. Semeinye trudnosti i psikhologicheskoe sovladanie s nimi na raznykh etapakh zhiznennogo tsikla sem'i : dissertatsiya ... kandidata psikhologicheskikh nauk [Family difficulties and psychological coping with them at different stages of family life cycle : the dissertation ... the candidate of psychological Sciences]. Kostroma, 2005. 240 p.
2. Gushchina T.V. Zashchitnoe i sovladayushchee povedenie v disfunktsional'noi seme v period krizisa : dissertatsiya ... kandidata psikhologicheskikh nauk [Protective and coulduse behavior in a dysfunctional family in crisis : the thesis ... candidate of psychological Sciences]. Kostroma, 2005. 225 p.
3. Kryukova T.L. Metody izucheniya sovladayushchego povedeniya: tri koping-shkaly [Methods of studying coping three coping scale]. Kostroma, 2007. 60 p.
4. Kryukova T.L., Petrova E.A. Semeinye resursy sovladayushchego povedeniya: znachenie praroditelei i predkov [Family resources in coping behavior: the importance of grandparents and ancestors] Psikhologiya i praktika: Sbornik nauchnykh statei [Psychology and practice: Collection of scientific articles] / Edited by T. L. Kryukova, S. A. Chasovoy. Kostroma, 2006. pp. 12–23.
5. Kryukova T.L. Psikhologiya sovladayushchego povedeniya. Monografiya [Psychology coping behavior. Monograph]. Kostroma, 2004. 425 p.
6. Mislavskii YU.A. Samoregulyatsiya i tvorcheskaya aktivnost' lichnosti [Self-regulation and creative activity of personality] // Voprosy psikhologii. 1988. no. 3. pp. 71–78.
7. Saporovskaya M.V. Detsko-roditel'skie otnosheniya i sovladayushchee (koping) povedenie roditelei kak faktor shkol'noi adaptatsii pervoklassnikov : dissertatsiya ... kandidata psikhologicheskikh nauk [Parent-child relationships and coulduse (coping) behavior of parents as a factor for school adaptation of first-graders : dissertation ... the candidate of psychological Sciences]. Kostroma, 2002. 228 p.
8. Saporovskaya M.V. Mezhpokolennoe nasledovanie sovladayushchego povedeniya v seme [Intergenerational inheritance of coping behavior in the family] Psikhologiya sovladayushchego povedeniya: Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [Psychology coping behavior: Materials of international scientific-practical conference] / Resp.

- ed. by E. A. Sergienko, I. L. Krukova. Kostroma, 2007. pp. 409–411.
9. Tashimova F.S., Kel'buganova SH. Osobennosti sovladayushchego povedeniya edinstvennykh detei v sem'e [Features of coping behavior the only children in the family] Materialy mezhdunarodnoi konferentsii molodykh uchenykh «Mir nauki» 23–26 maya 2012 g [Proceedings of the international conference of young scientists "World of science", 23–26 may 2012]. 2012. pp. 250–256.
10. Tashimova F.S., Rizulla A.R. K probleme smysloobrazovaniya sub'ekta kak mnogolikogo mira [To the problem of meaning of the subject as a diverse world]. Saarbrücken, Deutschland, 2012. 385 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ташимова Фатима Сагымбековна – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры общей и прикладной психологии Казахского национального университета им. аль-Фараби;
e-mail: fatima_tashimova@mail.ru

Ризулла Айдаана Ризуллаевна – преподаватель кафедры общей и прикладной психологии Казахского национального университета им. аль-Фараби;
e-mail: arizulla@mail.ru

Баймолдина Лаура Оразбековна – кандидат психологических наук, и.о. доцента кафедры общей и прикладной психологии Казахского национального университета им. аль-Фараби;
e-mail: Laura2891@mail.ru

Аманжанова Гульнар Бекеновна – доцент кафедры театрального искусства и режиссуры, преподаватель по актерскому мастерству, доцент кафедры театрального искусства и режиссуры Казахской национальной академии искусств им. Т.Жургенова;
e-mail: koka5656@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tashimova Fatima S. – Doctor of Psychology, Associate Professor, Professor of the Department of General and Applied Psychology, Al-Farabi Kazakh National University;
e-mail: fatima_tashimova@mail.ru

Rizulla Aidana R. – Lecturer of the Department of General and Applied Psychology, Al-Farabi Kazakh National University;
e-mail: arizulla@mail.ru

Baimoldina Laura O. – PhD in Psychology, acting as Associate Professor of the Department of General and Applied Psychology, Al-Farabi Kazakh National University;
e-mail: Laura2891@mail.ru

Amanzhanova Gulnar B. – Associate Professor of the Department of Dramatic Art and Producing, Lecturer on Acting Technique, Associate Professor of the Department of Dramatic Art and Producing of The Kazakh National Academy of Arts named after T. Zhurgenov;
e-mail: koka5656@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Ташимова Ф.С., Ризулла А.Р., Л.О. Баймолдина, Г.Б. Аманжанова. Влияние представленности родителей в неполной семье на стиль совладающего поведения детей // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2016. № 2. С. 78–91.

DOI: 10.18384/2310-7235-2016-2-78-91

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

F. Tashimova, A. Rizulla, L. Baymoldina, G. Amanzhanova. The Impact of Parents' Reflection on Children's Coping Behavior in Single Parent Family // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Psychology. 2016. № 2. Pp. 78–91.

DOI: 10.18384/2310-7235-2016-2-78-91

РАЗДЕЛ III.

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА

УДК 159.9.072.433

DOI: 10.18384/2310-7235-2016-2-92-103

ОСОБЕННОСТИ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РАЗНЫХ ПРОФЕССИЙ

Алеевская М.М., Ананьева О.А.

Независимые исследователи

г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются результаты исследования системы ценностных ориентаций двух независимых выборок: программисты и представители творческих профессий (художники и искусствоведы). Для изучения ценностных ориентаций авторами использовалась первая часть методики «Ценностные ориентации (Ш. Шварц)». В результате исследования были выявлены статистически значимые различия в группах по ряду ценностей, проведен сравнительный анализ. Авторы пришли к заключению, что обе группы имеют схожий профиль ценностей и различные способы в достижении поставленной цели.

Ключевые слова: ценность, ценностные ориентации, система ценностных ориентаций, личность, мотивационная цель, программисты, творческие профессии.

FEATURES OF THE VALUE ORIENTATION OF THE REPRESENTATIVES OF THE DIFFERENT PROFESSIONS

M. Alejevskaya, O. Ananeva

Independent researchers

Saint-Petersburg, Russian Federation

Abstract. In the article is revealed the results of a study of the value orientations of the two independent samples: programmers and representatives of creative professions (artists and art historians). The authors used the first part of the method of the value orientations S. Schwartz for research the value orientations. The study revealed statistically significant differences in the groups on a number of values and a (the) comparative analysis. The authors concluded that both groups have a similar profile values as well as different ways to achieve this goal.

Key words: value, value orientation, the system of value orientations, personality, motivational goal, programmers, creative professions.

Система ценностных ориентаций есть предмет изучения гуманитарных наук, таких как психология, педагогика, социология и философия. В настоящее вре-

© Алеевская М.М., Ананьева О.А., 2016.

мя существует много исследований, посвященных обзору системы ценностных ориентаций, отношениям между ними, изучению мотивационных различий [2; 4]. Этим объясняется актуальность данной работы, поскольку изучение системы ценностных ориентаций (ЦО [здесь и далее сокращение наше. – А.М., А.О.]) является наиболее приоритетной темой в различных сферах деятельности человека. Рассмотрим определение системы ЦО в большом психологическом словаре Б.Г. Мещерякова и В.П. Зинченко: «*ценностные ориентации* – важный компонент мировоззрения личности или групповой идеологии, выражающий предпочтения и стремления личности или группы в отношении тех или иных обобщенных человеческих ценностей (благополучие, здоровье, комфорт, познание, гражданские свободы, творчество, труд и т.п.)... В социологических концепциях ЦО нередко трактуются как социальные ценности, которые “вкладываются” в личность в процессе ее социализации и являются главным фактором, “регулирующим, детерминирующим” ее мотивацию и, следовательно, поведение. С другой стороны, формирование ЦО нередко рассматривается как основная цель и сущность воспитания, в отличие от обучения» [3, с. 596].

Итак, ЦО есть одни из основных компонентов регуляции мотивации, деятельности и поведения человека.

Ценностные ориентации не существуют сами по себе, они организованы в определенную систему, свойственную каждому человеку, и отражают индивидуальность каждой личности в отдельности. У каждого есть своя система ЦО, которая упорядочена по

важности и связана с желательным конечным состоянием или поведением. В зависимости от доминирования той или иной системы ЦО мы общаемся, доминируем или подчиняемся в группе, проявляем самостоятельность, стремимся к безопасности или пренебрегаем ею, соблюдаем традиции и нормы, выбираем профессию.

На официальном сайте Кентского университета (University of Kent), одного из ведущих вузов Великобритании, была представлена статья, посвященная выбору профессий на основании тех ЦО, которые наиболее приоритетны для человека. Рассмотрим их далее.

Независимость: принимать самостоятельно решения и планировать свой график: адвокат, журналист, переводчик и др.

Оказывать помощь: альтруизм, уход за нуждающимися: медицинский работник, психолог, консультант и др.

Риск: любовь к приключениям, к принятию неожиданных решений: спасатель, акционер и др.

Престиж: статус, признание и важность работы: адвокат, режиссер, банкир и др.

Лидерство: работа в тесном сотрудничестве с другими для достижения общей цели: управляющий, начальник и др.

Стимулирование: развитие карьеры и продвижения по службе: организатор выставок, связь с общественностью и др.

Материальные блага: финансовые, материальные вознаграждения для комфортной жизни: бухгалтер, маркетолог, адвокат и др.

Безопасность: стабильность в работе, ежемесячная выплата заработной

платы: медицинский работник, преподаватель, нотариус и др.

Креативность: участие в творческой деятельности: писатели, фотографы, артисты и др. [8].

По теории Ш. Шварца, ЦО, идеалы и убеждения оказывают влияние на личность. Личность, как писал Б.Г. Ананьев: «...общественный индивид, объект и субъект исторического процесса. В характеристике личности раскрывается общественная сущность человека, определяющая все явления человеческого развития, включая природные особенности <...> Личность – объект многих экономических, политических, правовых, моральных и других воздействий на человека общества в данный момент его исторического развития, следовательно, на данной стадии развития данной общественно-экономической формации, в определенной стране с ее национальным составом» [1, с. 232].

Таким образом, на общественное поведение людей влияют как индивидуальные особенности личности, так и социально-психологические, социально-экономические факторы той страны, в которой проживает человек.

Немецкие ученые Дитер Геберт и Лутц фон Розенштиль в книге «Организационная психология. Человек и организация» так рассмотрели определение ценности и ценностной ориентации этнолога Клода Клакхона: «Клакхон определял ценность как восприятие «желательного», которое явно или неявно присуще каждому отдельному человеку или группе и влияет на выбор доступных способов, средств или целей действий, то есть он понимал ценность как значимое для поведения восприятие «предпочтительного»,

которое можно определить на индивидуальном и коллективном уровне. Однако сегодня понятие ценности принято использовать для обозначения системы предпочтений социальных образований (например, общества), в то время как на индивидуальном уровне мы говорим скорее о ценностных ориентациях» [5, с. 65]

Учитывая данные определения, в нашей статье система ценностных ориентаций рассматривается как обобщенный мотивационный континуум, а ценности – как основные критерии, из которых состоит мотивационная, волевая, поведенческая совокупность индивида.

В основе методики изучения ценностных ориентаций, разработанной израильским психологом Шаломом Шварцем, лежат две концепции:

1) концепция Милтона Рокича, в которой он выделяет:

– терминальные ценности – убеждения в том, что определенные конечные цели индивидуального существования заслуживают того, чтобы к ним стремиться;

– инструментальные ценности – убеждения в том, что определенный образ действий является предпочтительным в любых ситуациях.

2) концепция Ш. Шварца о мотивационной цели ЦО и универсальности базовых человеческих ценностей [6, с. 26].

Различие данных типов было введено М. Рокичем и использовалось Ш. Шварцем в первой версии методики. Основа различий между ценностями – тип мотивационных целей. Именно поэтому в своем исследовании мы использовали список ценностей, содержащий лишь терминальные

ценности, которые выражены в виде существительных:

- власть – социальный статус, доминирование над людьми и ресурсами;
- достижение – личный успех в соответствии с социальными стандартами;
- гедонизм – наслаждение или чувственное удовольствие;
- стимуляция – волнение и новизна;
- самостоятельность – самостоятельность мысли и действия;
- универсализм – понимание, терпимость и защита благополучия всех людей и природы;
- доброта – сохранение и повышение благополучия близких людей;
- традиция – уважение, ответственность за культурные и религиозные обычаи;
- конформность – сдерживание действий и побуждений, которые могут навредить другим и не соответствуют социальным ожиданиям;
- безопасность – безопасность и стабильность общества, отношений и самого себя [6, с. 27].

Итак, методика Ш. Шварца создавалась на основе методики М. Рокича. Была модифицирована и расширена Ш. Шварцем, который усовершенствовал концептуальную базу [6, с. 22]. Опросник состоит из двух частей: первая часть позволяет изучить ценности, убеждения, идеалы, оказывающие влияние на личность; вторая – позволяет изучить те ценности человека, которые проявляются больше в социальном поведении личности.

Ш. Шварц в своих первых исследованиях 1992 г. выявил для изучения и использования 10 ценностей. В результате последних исследований, опубликованных в 2012 г., в статье Ш. Шварца,

Т.П. Бутенко, Д.С. Седовой, А.С. Липатовой «Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России» количество ценностей уже увеличено до 19-ти. Ш. Шварц с соавторами описывает полученные данные на выборках из разных стран, в том числе и из России.

Они пишут, что «разделение ценностного круга на 19 областей противоречит принципу экономии <...> Теория дает исследователям возможность работы с тем набором ценностей, который больше подходит для их целей. Они могут выбрать 19 ценностей или объединить их и работать с <...> десятью, четырьмя ценностями высшего порядка... или двумя парами метацинностей» [7, с. 4]. Усовершенствованная теория дает возможность использовать 19 ценностей, которые обеспечивают эвристическую и предсказательную силу самой теории.

В исследовании использован набор из 10 базовых ценностей, так как не требовалось подробно изучить мотивационные движущие силы, которые лежат в основе ценностей и организуют систему ЦО.

Итак, целью нашего исследования было изучение системы ЦО у представителей разных профессий. Для изучения были выбраны две разнонаправленные в профессиях группы: программисты и представители творческих профессий (художники и искусствоведы). Группа программистов состояла из 49 человек, средний возраст 33,1 г., среди них – 24 женщины, 25 мужчин. В группу из творческих профессий вошли 40 человек, средний возраст 29,9 лет – 34 женщины, 6 мужчин. Сформулированная нами цель

позволила выдвинуть следующие задачи: 1) изучить систему ЦО у представителей различных профессий, таких как программисты, искусствоведы, художники; 2) изучить взаимосвязь показателей ценностных ориентаций с профессиональной направленностью

групп; 3) провести сравнительный анализ содержания ценностных ориентаций.

Анализ средних величин ценностей по группам «Программисты» и «Представители творческих профессий» представлен на рис. 1.

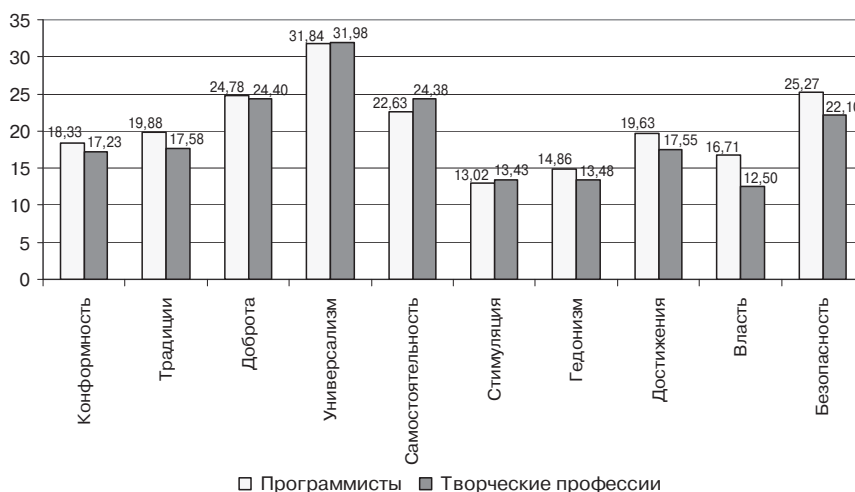


Рис. 1. Сравнительный анализ средних величин

При сравнительном анализе по двум группам были обнаружены статистически достоверные различия по ценностям Власть и Безопасность (не-

параметрический U-критерий Манна – Уитни ($p \leq 0,05$)), которые отражены на рис. 2.

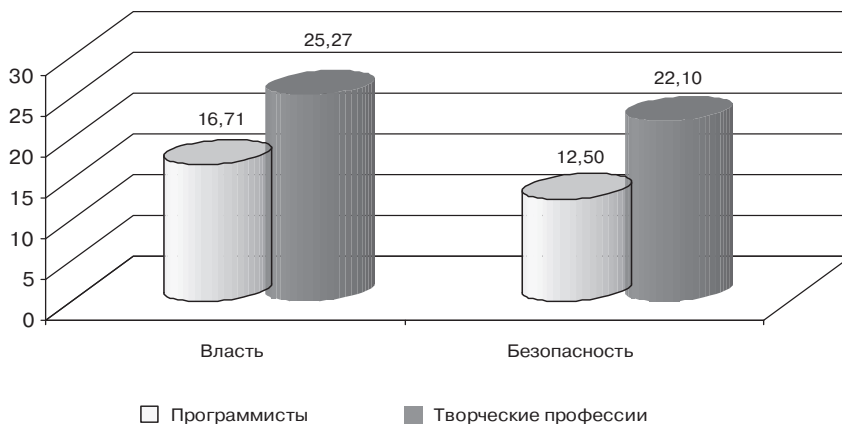


Рис. 2. Выраженность ценностных ориентаций в группах

Различия по типу ценности «Власть» указывают на большую выраженность ее в группе, состоящей из творческих профессий. Их характеризует большая доминантность, достижение социального статуса или престижа, сохранение имиджа. Результаты показывают – представители творческих профессий готовы отстаивать свою точку зрения, свои работы, будь то картина или музыкальное сочинение, достигать или сохранять доминантную позицию в рамках целой социальной системы, чего нельзя сказать о группе программистов. Для них менее характерно желание общественного признания, контроля над людьми. Вероятно, это связано с их родом деятельности, где важнее контролировать сам процесс работы, а не своих коллег или критиков, поэтому можно предположить, что для программистов будет более важным активное проявление своей компетентности при взаимодействии с поставленной задачей.

Тип ценности «Безопасность» у группы творческих профессий тоже выражен выше. Поскольку мотивационная цель данного типа – безопасность для людей и себя, гармония, стабильность общества и взаимоотношений, можно предположить, что для группы программистов этот тип ценности менее важен, чем для второй группы. Для представителей творческих профессий важна и гармония, и стабильность в обществе, так как от этого будет зависеть результат их творчества.

Итак, две группы можно охарактеризовать следующим образом: программистов отличает меньшее желание быть в центре внимания, меньше привлекает статусность своей пози-

ции в обществе. В свою очередь, представителей творческих профессий отличает желание достигать гармонии и чувства принадлежности и социальный порядок. Обе выборки схожи по своей структуре. Их объединяет желание добиваться личного успеха, наслаждаться результатом своей работы, сохранение и улучшение благополучия близких людей, а также самостоятельность мыслей и действий.

На следующем этапе исследования проведен корреляционный анализ полученных данных. В нем рассматриваются взаимосвязи ценностей с профессиональной направленностью групп.

Выше изложено, что в целях выполняемой работы наибольшую важность представляют взаимосвязи между профессиональной ориентированностью и ценностными ориентациями, поэтому мы рассматриваем корреляционные связи на 1 % уровне статистической значимости.

Критические значения коэффициентов линейной корреляции следующие:

1) выборка программистов (49 человек)

1 % уровень значимости – 0,456;

2) выборка представителей творческих профессий (40 человек)

1 % уровень значимости – 0,501.

Результаты корреляционного анализа по группе программистов показали, что взаимосвязи показателей образовали целостную плеяду, а это указывает на обобщенный характер данных взаимосвязей. Из 10 показателей ценностей (методика Ш. Шварца) оказались связанными 9. Всего получилось 4 корреляционных облака.

Наибольшее число связей по данной выборке (5) имеет ценность

«Универсализм» (схема 1): четыре положительные и одна отрицательная корреляционная связь. Данная ценность связана с «Традициями», «Конформностью», «Добротой», «Безопасностью», «Гедонизмом». Эти связи можно интерпретировать следующим образом: чем выше терпимость и понимание окружающих, тем больше

будет проявляться гармония и стабильность, сохранение благополучия в личных контактах, уважение и вежливость. Чем больше проявление терпимости в межличностном общении, тем меньше представители группы программистов испытывают удовольствие и наслаждение жизнью.

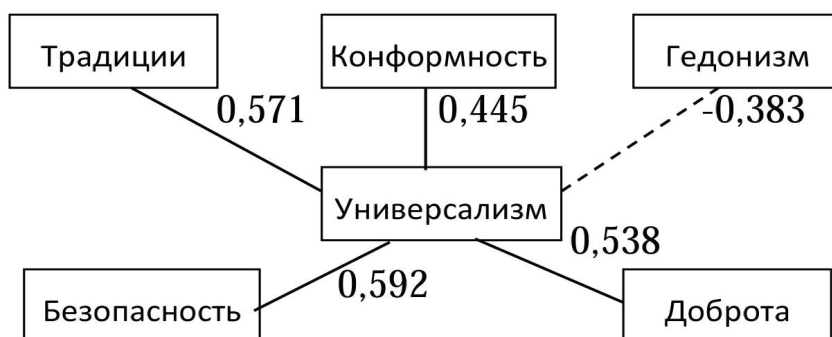


Схема 1

Следующим центром корреляционного облака является ценность

«Власть» (схема 2) – число связей три.

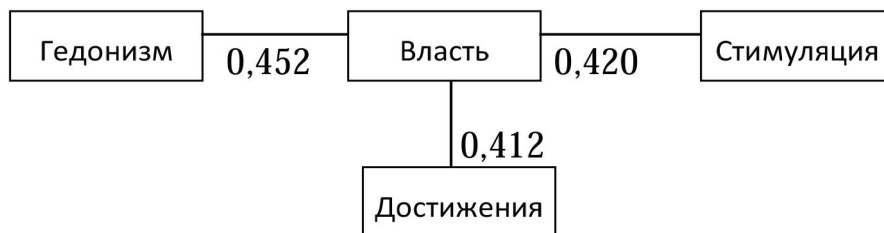


Схема 2

На этом корреляционном облаке видно, что взаимосвязь ценности «Власть» образует положительные корреляционные связи. Это говорит о следующем: чем выше социальный статус, тем больше желания получать удовольствие и внутреннее удовлетворение от всего окружающего, тем больше будет проявляться желание

добиваться успеха через свою компетентность. Итак, программисты, будучи компетентными в своей работе, переживают за ее результат, что дает им силу для новых достижений.

Схема 3 отражает связь ценности «Доброта» с тремя ценностями: «Универсализм», «Безопасность», «Конформность».

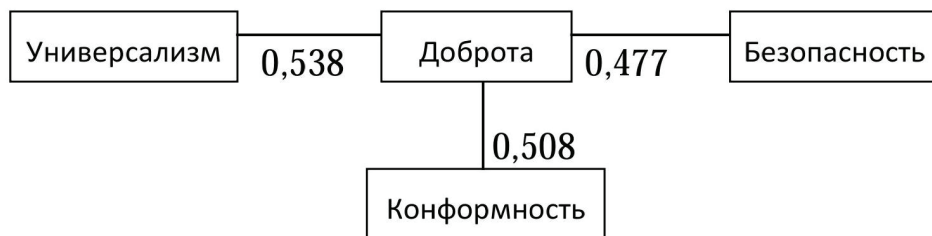


Схема 3

Все три корреляционные связи положительные. Доброта является более узким «просоциальным» типом ценностей по сравнению с универсализмом, поскольку доброжелательность в данном случае сужается до близкого круга людей. Данные в корреляционном облаке показывают, что, чем выше уровень такой «близкой» доброжелательности, тем боль-

ше проявляется терпимость, уважение, желание оберегать близкого человека. Программисты стараются предотвратить действия, которые могут причинить вред, создавая общую гармонию и стабильность внутри отношений.

Ценность «Безопасность» также имеет три положительных связи (схема 4).



Схема 4

Как показано выше, у группы программистов ценности «Безопасность» и «Доброта» отражают защиту и доброжелательное отношение с близким кругом людей, что еще больше укрепляется такими корреляционными связями, как «Конформность» и «Универсализм», чем больше программисты из данной выборки стремятся к гармонии с близким окружением, тем больше будет проявляться понимание и терпимость, что намного уменьшит

негативные социальные последствия и нестабильность общества и взаимоотношений.

Таким образом, центральными признаками, которые описывают ЦО программистов, являются социальный статус, терпимость, сохранение и повышение благополучия близкого окружения, безопасность отношений. Важно отметить образование целостной плеяды, что указывает на тесную связь между собой каждой описанной цен-

ностной ориентации. Также заметим, что целостное корреляционное облако показало нам, каким образом взаимосвязаны между собой ценности, и как результат – значимость самоутверждения, безопасности, сохранения и открытости изменениям программистов нашей выборки.

Рассмотрим далее корреляционные связи, которые получились по

группе, состоящей из творческих профессий. Корреляции образовали целостную плеяду, в которой оказались взаимосвязанными между собой все ценности, причем все связанные ценности имеют только положительные корреляционные связи. В работе опишем основные центры корреляционных плеяд, которых получилось четыре.

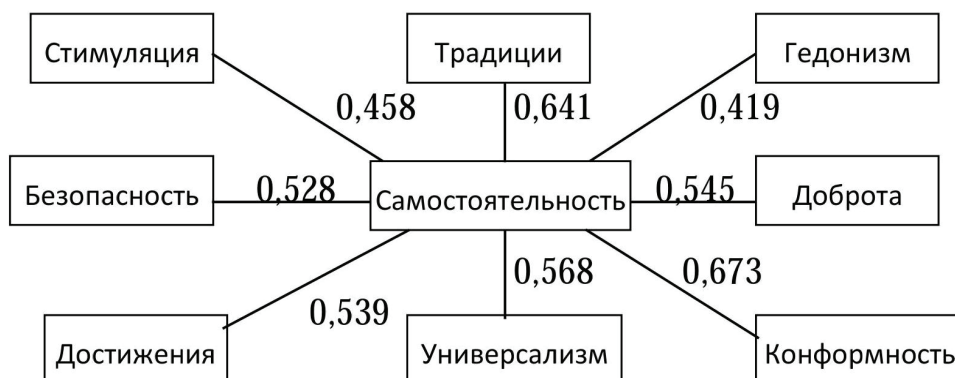


Схема 5

Анализ всей плеяды выявил, что наибольшее количество связей имеет ценностная ориентация «Самостоятельность» (схема 5) – 8 связей. Эти связи можно интерпретировать следующим образом: чем выше общий уровень инициативности, выбора способов действия, тем больших результатов можно достичь, при этом получая от этого удовольствие. Отметим, что представители творческих профессий стремятся к новизне, новым знаниям, не забывая при этом соблюдать выработанные правила и обычаи, присущие той группе, к которой они себя относят.

Важно сказать, что корреляционные связи по группе творческих профессий образуют плотное корреляци-

онное облако, в котором ЦО связаны между собой (схемы 5, 6, 7, 8), поэтому при описании остальных трех корреляционных плеяд мы ограничимся лишь описанием тех ценностей, которые не встречаются в других описываемых плеядах.

Следующая корреляционная плеяда, на которую мы обратим внимание (схема 6), отображает взаимосвязь ценностной ориентации «Безопасность». Для выборки творческих профессий характерно сохранение гармонии и стабильности, поэтому, чем выше развиты эти ценности, тем сильнее они переживают за свое дело больше проявляют усердия по отношению к нему, а при успешном его завершении чувствуют удовлетворение.

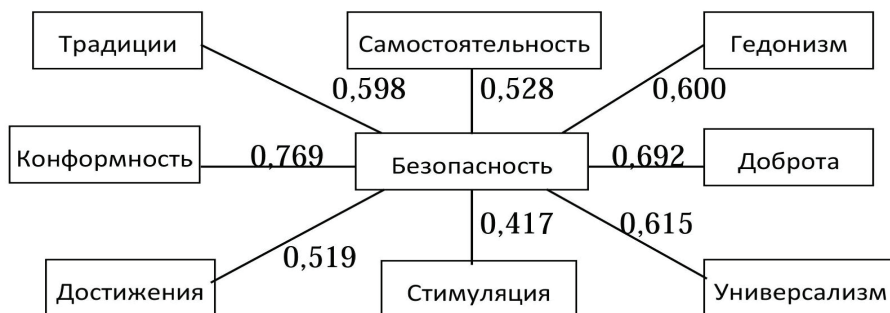


Схема 6

На схемах 7 и 8 показано, что ЦО вали положительные связи между корреляционном облаке также образ- бой.

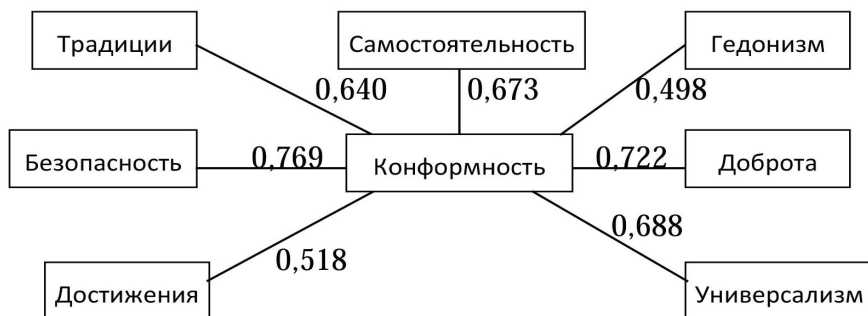


Схема 7

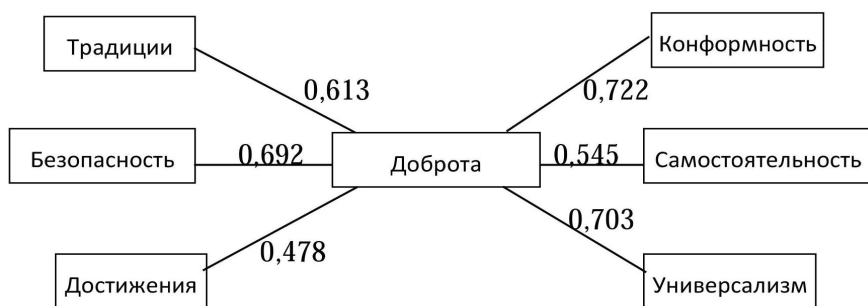


Схема 8

Это характеризует данную выборку как группу, в которой чем более позитивно взаимодействие и стремление быть в обществе других людей, тем больше эмоционально значимых переживаний, доверительных отношений

при взаимодействии с окружающими.

Резюмируя результаты исследования, отметим следующее: обе выборки имеют схожий профиль ценностных ориентаций. Однако для выборки программистов характерно преобладание

таких ценностей, которые отражают стремление достичь социального статуса и самоутвердиться за счет качества своей работы. Для группы творческих профессий более характерны самостоятельность мысли и действий, большая вежливость и самодисциплина при общении с окружающими. Полученные доминирующие ЦО отражают специфику взаимосвязи ценностных и профессиональных свойств, характерных для каждой выборки, что и отражает особенность каждой группы.

Проведенное исследование особенностей ценностных ориентаций у представителей разных профессий позволило решить поставленные задачи. Изучение и сравнение ценностных ориентаций показало, что обе выборки имеют схожий профиль, но для выборки

программистов свойственно стремление достигать социального статуса при помощи качественно выполняемой работы, а для выборки творческих профессий более свойственна независимость действий и самодисциплина в межличностном общении. Также отметим, что получившиеся корреляционные облака в обеих группах образовали целостные плеяды и имеют корреляционные связи на высоком уровне статистической значимости, что отражает обобщенный характер настоящих взаимосвязей. Учитывая вышесказанное, мы считаем, что применение методики Ш. Шварца для изучения десяти исходных ценностей, в том числе лишь применение первой части методики, возможно и зависит от тех целей, которые ставит перед собой исследователь.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. СПб., 2002. 288 с.
2. Баева Г.Х. Ценностные ориентации в системе акмеологических факторов развития успешной деятельности студентов: автореф. дис. ...канд. психол. наук. СПб, 2012. 28 с.
3. Большой психологический словарь / Сост. и общ. ред. Б.Г. Мещерякова и В.П. Зинченко. СПб., 2003. 672 с.
4. Гардер В.В. Информационно-аксиологический анализ трансформации ценностных ориентаций российского общества. М., 2011. 96 с.
5. Геберт Д., фон Розенштиль Л. Организационная психология. Человек и организация / пер. с нем. Х., 2006. 624 с.
6. Карандашев В.Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. СПб., 2004. 70 с.
7. Шварц Ш., Бутенко Т.П., Седова Д.С., Липатова А.С. Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // Психология. Журнал Высшей Школы экономики. 2012. № 2. С. 44–70.
8. Analysing your career values. Кентский университет Великобритании. [Электронный ресурс] URL: <http://www.kent.ac.uk/careers/Choosing/values.htm> (дата обращения: 10.12. 2015).

REFERENCES

1. Anan'ev B.G. Chelovek kak predmet poznaniya [Man as a subject of knowledge]. SPb., 2002. 288 p.
2. Baeva G.KH. Tsennostnye orientatsii v sisteme akmeologicheskikh faktorov razvitiya uspeshnoi deyatel'nosti studentov: avtoreferat dissertatsii kandidata psikhologicheskikh nauk [Value orientation in the system of acmeological factors of successful development activities of students: abstract of dissertation of candidate of psychological Sciences]. SPb., 2012. 28 p.
3. Bol'shoi psikhologicheskii slovar' [Great psychological dictionary]. SPb., 2003. 672 p.

4. Garder V.V. Informatsionno-aksiologicheskii analiz transformatsii tsennostnykh orientatsii rossiiskogo obshchestva [Informational-axiological analysis of the transformation of value orientations of Russian society]. M., 2011. 96 p.
5. Gebert D., fon Rozenshtil' L. Organizatsionnaya psikhologiya. Chelovek i organizatsiya / per. s nem [Industrial and organizational psychology. Of person or organization]]. X, 2006. 624 p.
6. Karandashev V.N. Metodika Shvartsa dlya izucheniya tsennostei lichnosti: kontseptsiya i metodicheskoe rukovodstvo [Schwartz technique for studying personality values: concept and methodological guidance]. SPb., 2004. 70 p.
7. Shvarts SH., Butenko T.P., Sedova D.S., Lipatova A.S. Utochnennaya teoriya bazovykh individual'nykh tsennostei: primeneniye v Rossii [Refined theory of basic personal values: validation in Russia] // Psikhologiya. Zhurnal Vyshei Shkoly ekonomiki. 2012. no. 2. pp. 44–70.
8. Analysing your career values. Kentskii universitet Velikobritanii. [Elektronnyi resurs] [Analysing your career values. The University of Kent in the UK. [Electronic resource]] - URL: <http://www.kent.ac.uk/careers/Choosing/values.htm> (request date 10. 12. 2015).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Алеевская Маргарита Михайловна – независимый исследователь, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация;
e-mail: ms.margarita.a@mail.ru

Ананьева Оксана Александровна – независимый исследователь, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация;
e-mail: mail@herzen.spb.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aleyevskaya Margarita M. – independent researcher, Saint-Petersburg, Russian Federation;
e-mail: ms.margarita.a@mail.ru

Anan'eva Oksana A. – independent researcher, Saint-Petersburg, Russian Federation;
e-mail: mail@herzen.spb.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Алеевская М.М., Ананьева О.А. Особенности ценностных ориентаций представителей разных профессий // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2016. № 2. С. 92–103.
DOI: 10.18384/2310-7235-2016-2-92-103

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

M. Aleyevskaya, O. Anan'eva. Features of the Value Orientation of the Representatives of the Different Professions // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Psychology. 2016. № 2. Pp. 92–103.
DOI: 10.18384/2310-7235-2016-2-92-103

УДК 159.9:331.101.3

DOI: 10.18384/2310-7235-2016-2-104-116

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РЫНКА ТРУДА

Утлик Э.П.*Московский государственный областной университет**105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А*

Аннотация. В статье представлены результаты оценки методологической готовности организационной психологии и смежных дисциплин к психологическому исследованию рынка труда. Описана экспертная процедура извлечения психологических компонентов из экономических и социологических трактовок трудового рынка. Дано психологическое определение рынка труда. Изложена коммуникативная модель рынка труда и его социально-психологическая структура. Показаны психологические признаки «несовершенства» рынка труда, в частности, асимметричность отношений его участников. Намечены возможности гуманистического развития рынка труда.

Ключевые слова: рынок труда как социально-психологическое явление, безработица, самопрезентация, рыночная компетентность, человек как участник психологического отбора, симметрия взаимоотношений.

PSYCHOLOGICAL ANALYSIS OF THE LABOUR MARKET

E. Utlik*Moscow State Regional University**10A, Radio str., Moscow, 105005, the Russian Federation*

Abstract. The article presents the results of the evaluation of methodological readiness of organizational psychology and related disciplines to the psychological study of the labor market. Described extraction procedure is expert psychological components of economic and sociological interpretations of the labor market. Formulated the psychological definition of the labor market. Presented communicative model of the labor market and its social and psychological structure. Showing signs of psychological “imperfections” of the labor market, in particular, asymmetrical relations of its members. Outlined possibilities of humanistic development of the labor market.

Key words: the labor market as a socio-psychological phenomenon, unemployment, self-presentation, market competence, the person as a member of psychological selection, symmetry relations.

Любая организация связана с рынками: потребительским, финансовым, сырьевым и, конечно же, рынком труда. Организационные службы персонала работают на этом рынке, изучают состояние и прогнозируют динамику, чтобы использовать его возможности, и поэтому сами являются его частью. Организа-

ции проявляют интерес к результатам периодических обследований свободной рабочей силы многочисленными государственными, коммерческими и общественными структурами. Кроме того, они могут проводить собственные исследования, имея в виду свои интересы.

Организация, которая четко представляет, какие люди, с какими компетенциями, качествами и перспективами роста ей нужны, получает конкурентные преимущества. Она собирает информацию о присутствии таких людей в своем регионе не только сегодня, но и в будущем. Ответственная организация заботится о собственной привлекательности для потенциальных работников. Она ищет данные о конкурентах-работодателях и их планах относительно персонала. Организация прогнозирует перемены показателей по всем выше перечисленным позициям в ближайшее время и в отдаленном будущем.

Проблема. Многочисленные исследования и текущая практика говорят о том, что рыночное поведение организационных служб персонала развивается слабо, как, впрочем, и институтов регуляции рынка труда. Массовые обследования здесь носят односторонний – преимущественно экономический, отчасти социологический, – характер.

Научно-психологический мониторинг только складывается, едва намечены его предпосылки, которые представлены исследованиями преимущественно безработицы (безработных) и носят явно академический характер. За последние несколько десятилетий опубликовано много психологических исследований подобного

рода. Психологи изучают состояние и поведение безработных, влияние безработицы на психическое здоровье людей, психологические типы безработных; способы адаптации безработных в трудной жизненной ситуации; влияние локуса контроля на восстановление занятости; адаптацию молодых специалистов на рынке труда; преодоление человеком кризиса, связанного с потерей работы; влияние трудовой занятости на психическое здоровье человека на этапах профессионализации и др. Только после 2000 г. защищено 15 психологических диссертаций по аналогичной тематике, в том числе одна докторская.

Как видно, преобладает психотерапевтическая ориентация исследований некоторых рыночных аспектов труда, прежде всего, безработицы. Решаются задачи, порождаемые трудностями, которые испытывают люди в связи с угрозой безработицы, в ситуации безработицы, адаптацией к новым условиям труда, жесткой конкуренцией, низкой оценкой труда и тому подобными обстоятельствами.

При всей значимости указанных исследований нельзя не заметить их дистанционности от организационно-психологических потребностей, от задач, повседневно решаемых менеджерами и службами персонала. Не имея нужных научных данных, организации работают интуитивно, используя личный ограниченный опыт, анализируют формальную, малосодержательную информацию, которая недостаточна для быстрой и объективной оценки реальных возможностей кандидата на замещение вакантной должности.

Во многих организациях заметно

отстает психологическое познание рабочих мест, что не позволяет точно формулировать требования к потенциальным работникам, то есть выходить на рынок труда с четкими запросами относительно рабочей силы и соответствующими предложениями работы.

Психологическая профессиография еще не стала рабочим инструментом. Отечественные и зарубежные методики описания и анализа рабочего места далеки от совершенства. Одна из наиболее полных программ изучения рабочего места (конкретной работы), составлена словацким психологом Я. Райскупом 40 лет назад. Его «фундаментальное описание» содержит 16 вопросов, ответы на которые должны бы дать представление о рабочем месте и его требованиях к работнику [7, с. 50–51]. Ясно, что эта разработка сильно устарела. Более современную профессиографическую программу можно найти в работе под редакцией В.А. Бодрова; автор – Е.М. Иванова. Она также состоит из 16 пунктов, которые нуждаются в развернутых ответах [6, с. 90–91].

Психологический отбор, как в теории, так и на практике выстраивается без опоры на теории личности. Человек изучается в психологии и как субъект труда, и как субъект общения, но почти не рассматривается как участник психологического отбора. В работах по психологии отбора материал о личности либо отсутствует, либо дублирует общепсихологические тексты.

Проводится слишком мало психологических исследований эффективности рекламных объявлений о вакансиях, несмотря на то, что эти объявления поглощают около 10 % всех

рекламных расходов. И большая часть этой огромной суммы затрачивается впустую. Немногочисленные исследования, которые все же были проведены в данной области, оказались очень полезными. Выявлено, например, что информация о самой работе гораздо больше влияет на эффективность объявления о вакансии, чем его стиль, размер или оформление. Доказано также, что упоминание в объявлении о «внутрифирменном обучении» существенно увеличивает число откликов [4, с. 300].

Все это является признаком того, что в психологическом познании рынка труда много белых пятен. Остаются не проясненными теоретические подходы и принципы исследования данного социально-психологического явления. Отсутствуют методологические ориентиры всестороннего психологического познания; трудно найти даже приемлемое психологическое определение рынка труда.

Гипотеза исследования. Односторонность и общая вялость психологических исследований рынка труда обусловлена методологической слабостью прикладных направлений психологии, что выражается в данном случае в отсутствии социально-психологического видения.

Рынок труда как социально-психологическое явление существенно отличается от других рынков насыщенностью психологическими факторами и внутренней конфликтностью. Его специфическая природа обусловлена исходным неравенством позиций участников. Если на прочих рынках люди взаимодействуют по поводу определенных благ, что благоприятствует партнерским отношениям, то

продажа и купля рабочей силы осуществляется на фоне асимметричных отношений.

Путь к выравниванию рыночно-трудовых отношений – последовательное смещение акцентов самооценки субъектов рынка и восприятия содержания их коммуникации: наемные работники должны осознать, что они не являются продавцами своей рабочей силы; они ищут условия, в которых можно реализовать себя наилучшим образом. Подобным же образом, работодатели могли бы понять, что они нуждаются не в рабочей силе, а в сотрудниках, потенциальных партнерах в организуемом и возглавляемом ими коллективном производстве.

Психологическое определение рынка труда

Учитывая состояние психологии трудовых отношений, уместно начинать с определений, количество которых велико, но которые в подавляющем большинстве являются экономическими. В этих определени-

ях психологические составляющие иногда подразумеваются, но явно не представляются. Приходится прикладывать немало усилий, чтобы идентифицировать компоненты, которые явились бы предметом психологического анализа и представили интерес для организационных служб персонала.

Для прояснения психологической природы рынка труда было решено обратиться к экспертным оценкам. В качестве экспертов выступили преподаватели психологии труда, организационной психологии, организационного поведения, психологии управления, экономической психологии девяти московских вузов (23 человека). Они проанализировали около 50 экономических и социологических определений рынка труда, выделили «психологические тенденции» и оценили их. Результаты этой работы представлены в таблице. Обобщение экономических и социологических взглядов на рынок труда дает следующую картину (см. табл.).

Таблица

Психологические признаки, присутствующие в описаниях рынка труда (экономика и социология)

№	Элементы, включенные в определение рынка труда, которым, по экспертной оценке, свойствен «психологизм»	Авторы (экономисты и социологи)	Уровень «психологичности» (экспертная оценка в баллах; 1–10): средние оценки
1	Система общественных отношений	Слезингер	1,3
2	Система отношений между работодателями и работниками, регулируемая соотношением спроса на рабочую силу и ее предложения	Бендюков	3,3
3	Интересы работодателей и наемной рабочей силы	Соколова	2,0
4	Место, где работодатели и работники совместно ведут переговоры, коллективные или индивидуальные, по поводу трудоустройства, условий труда и заработной платы	Квеско	8,3

Окончание таблицы на с. 108

Окончание таблицы

5	Способ объединения тех, кто ищет работу, и всех компаний и прочих организаций, которые ищут работников	Грэхем и Беннетт	5,4
6	Система экономических отношений, связанных с наймом и предложением труда, т.е. с его куплей и продажей; экономическое и географическое пространство – сфера трудоустройства, в которой взаимодействуют покупатели и продавцы труда; механизм, обеспечивающий согласование цены и условий труда между работодателями и наемными работниками	Рофе	6,7
7	Сфера, где идет купля-продажа труда и рабочих мест; органическое единство рынка рабочей силы и рынка рабочих мест	Павленков	3,2
8	Система обмена индивидуальных способностей к труду на фонд жизненных ценностей	Чернявская	3,4
9	Рынок труда состоит из всех тех, кто покупает или продает труд; обеспечение работников работой; координация решений в сфере занятости; заключение добровольных и взаимовыгодных сделок; механизм, с помощью которого регулируется соотношение между работниками и числом рабочих мест; справедливость сделок	Эренберг и Смит	5,1

Как видно из данных таблицы, экономисты, которые не чуждаются психологии, обращают внимание на участников рынка труда и их мотивы, («рынок труда состоит из всех тех, кто покупает или продает труд»), на систему отношений между ними и механизм регуляции этих отношений. Изредка используется такое слово, как «сфера» (сфера, где идет купля-продажа труда и рабочих мест), которое можно трактовать и так, что рынок труда в целом уподобляется «ярмаркам вакансий», которые время от времени устраивают университеты. В общем, складывается некоторый фон, позволяющий применить идеи и принципы психологии для проникновения в глубинные рыночно-трудовые процессы.

Правда, экономисты не слишком верят в подобную перспективу. Теоретики-экономисты справедливо пи-

шут: «Реальное действие рынка труда представляет собой невообразимо сложную картину. Ежедневно буквально миллионы работников и работодателей взаимодействуют между собой, каждый со своим собственным набором стимулов, предпочтений, информации, и представлений о личном интересе». При этом они не видят смысла в психологическом анализе взаимодействий: «Подробное описание индивидуальных решений и факторов, определяющих эти решения, будет иметь ограниченное практическое применение и пользу» [12, с. 6].

Мы с этим не согласны, но понимаем авторов, которые убеждены во всемогуществе своей теории: «Глубокое и часто поистине удивительное постижение сущности поведения личности и взаимоотношений в обществе достигается с помощью экономической теории».

Нечто подобное говорил и Д. Хоманс – социолог, которого у нас принимали за психолога: «Из всех многочисленных подходов к изучению социального поведения чаще всего игнорируется тот, который рассматривает его с экономических позиций» [11, с. 91].

Коммуникативная модель рынка труда

Из экспертных оценок следует, что за отправную точку психологического истолкования рынка труда целесообразно взять подход Р.Б. Квеско [5, с. 5], который признан экспертами наиболее близким к психологии. Рынок труда будем воспринимать как систему коммуникаций и отношений, совокупность переговоров и договоренностей между работодателями и носителями рабочей силы по поводу содержания, количества и качества работы, с одной стороны, и условий труда и оплаты – с другой.

Рынок труда – это царство конкуренции, безработицы, спроса и предложения рабочей силы и рабочих мест. Он регулируется внешними силами: специальными государственными, коммерческими и общественными учреждениями. Одни из этих «метаучастников» рынка действуют на стороне наемных работников (психологи-консультанты, службы занятости, профсоюзы и им подобные государственные и общественные структуры), другие – на стороне работодателей, например, рекрутинговые фирмы. Все это подчиняется определенным законам и юридическим формам.

Это, по существу, *коммуникативная концепция рынка*, акцентирующая серию коммуникаций и их результатов: взаимных поисков, самопрезентаций

таких разного рода, взаимопроверок, состояний взаимопонимания и договоренностей относительно совместной работы, ее условий и оплаты. Начиная с первого контакта, участники рынка осуществляют самопрезентации, раскрывая себя и стремясь понять своего партнера. Этап самопрезентаций можно считать состоявшимся, если у партнеров сложилось более или менее достоверное представление друг о друге, если они поняли взаимные ожидания и установили их взаимосоответствие (гармоничность). Можно полагать, что благоприятное течение коммуникации приведет к появлению положительных чувств (симпатии, доверия), что и явится достаточным условием для заключения сделки о сотрудничестве неопределенной продолжительности в структуре организации работодателя. Определенную роль в общении наемного работника и работодателя занимает также обмен предметной информацией, источником которой являются данные о предмете и условиях работы, методах выполнения рабочих функций.

Таким образом, психологическую структуру трудового рынка составляют презентации, оценки, ожидания, а также предметная информация – элементы, которыми обмениваются договаривающиеся стороны (см. рис. 1.)

Отличие рыночно-трудовой коммуникации от повседневного человеческого общения заключается в его материальной жизненной значимости; если дружеское общение дает партнерам эмоциональные эффекты, более или менее ценную информацию, взаимопомощь, то результаты контактов на рынке труда создают условия для жизнеобеспечения одной стороне и производственные возможности – другой.

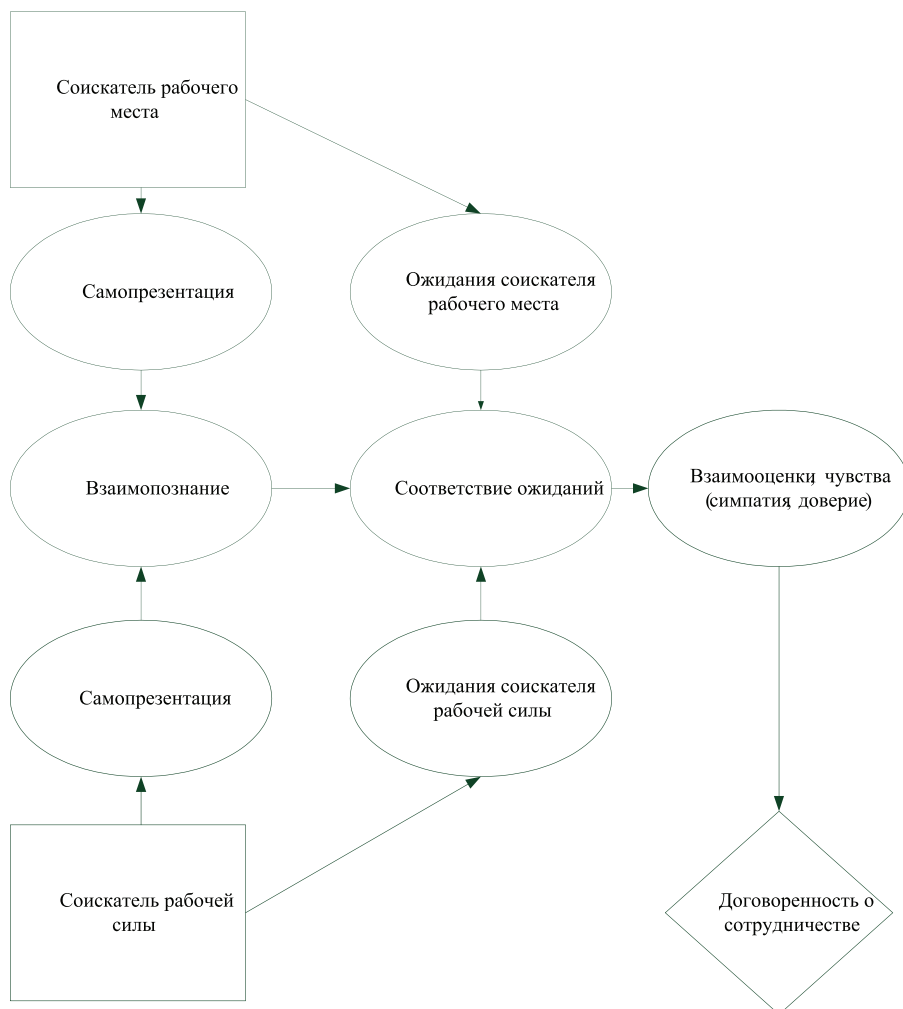


Рис. 1. Коммуникативная модель рынка труда

Рынок труда является средоточием множества экономических, политических, образовательных, демографических, медицинских, личностных и семейных вкладов и, соответственно, проблем. Что касается проблем, то рынок труда порождает их, пожалуй, больше, чем любой другой. Это – бедность, безработица, инфляция, социальная напряженность (митинги,

демонстрации протеста, забастовки), партии, профсоюзы, организации работодателей и т.п. Характерно, что, порождая эти и им подобные проблемы, рынок труда не способен их разрешить.

Сегодня этот рынок – понятие несколько метафорическое; его древним предшественником, как это ни прискорбно, служил рынок рабов, кото-

рый, конечно, в отличие от современного – демократического – рынка, был больше похож на вещественно-товарный.

В строении рынка труда выделяются три основные взаимосвязанные

области: формирования рабочей силы (потенциальная сфера), купли-продажи (рынок в узком смысле слова) и внутриорганизационная область, которую составляют занятые (работающие) сотрудники (см. рис. 2).

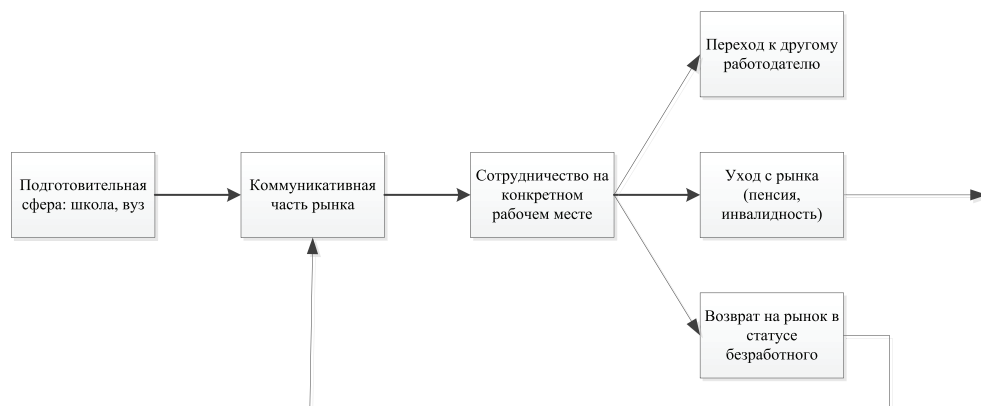


Рис. 2. Звенья рынка труда и движение наемного работника

Рынок труда обеспечивают (пополняют) образовательные учреждения, где готовятся и наемные работники, и работодатели. Качество подготовки обеих этих категорий всегда вызывало и вызывает нарекания. Значительное несоответствие профессиональных компетенций требованиям рабочих мест вызвало к жизни так называемое «контекстуальное обучение», под которым в данном случае понимается формирование «контекстуальных навыков», которые соответствуют специфике данного предприятия. «Требование к обладанию контекстуальными навыками вытекает из понимания уникальности каждой системы, будь то предприятие, группа, человек» [9, с. 179]. Однако сегодня образовательные учреждения работают так, как будто трудового рынка не существует, как будто выпускники университета

непосредственно займут предназначенное им рабочее место. Поскольку это не так, то трудовая компетенция должна включать две группы знаний и умений: рыночную и непосредственно производственную.

Лет 60–70 назад Э. Фромм обрисовал тип «рыночного человека», который не пользовался у него особыми симпатиями и был отнесен к категории «непродуктивных». Согласно Э. Фромму, «только в исключительных случаях успех оказывается преимущественно результатом мастерства и каких-то других человеческих качеств, вроде искренности, порядочности и честности. Успех зависит, по большей части, от того, насколько хорошо человек умеет продать себя на рынке, насколько хорошо он умеет подать себя, насколько привлекательна его “упаковка”...» [10, с. 66–67].

Можно предположить, что Э. Фромм имел дело преимущественно с теми «рыночными людьми», которые были его клиентами, то есть имели некоторые невротические симптомы, но реальность такова, что коммуникации, контракты, сделки все больше и больше заполняют жизнь человека. Д. Белл, автор идеи «постиндустриального общества», отметил, что это общество (по сути, современное), «поскольку оно концентрирует внимание на услугах – человеческих, профессиональных и технологических, – является игрой между людьми, но такая игра требует повышенной степени координации <...> совершенно неожиданным образом жизнь людей стала определяться их взаимоотношениями. В постиндустриальном обществе люди нуждаются только в познании друг друга и должны “либо любить друг друга, либо умереть”» [3, с. 635].

Наметки пути к совершенному рынку труда

Огромную группу психологических проблем, связанных с рынком труда, порождает давно обсуждаемое противоречие между «трудом и капиталом». Ожесточенная борьба между этими персонифицированными категориями проходит красной нитью через историю капитализма. Забастовки, локауты, нищенская заработная плата, немыслимой продолжительности рабочий день, ужасающие условия труда, разнообразные способы противодействия рабочих техническому и организационному прогрессу, судебные преследования наемных работников, организующих противостояние капиталу, попытки отдельных предпри-

нимателей, подобно Р. Оуэну, гуманизировать отношения между рабочими и капиталистами – только некоторые штрихи того социально-экономического порядка, который был назван «эксплуатацией человека человеком». Попытка революционным путем преодолеть противоречие между трудом и капиталом, избавиться от эксплуатации наемных работников одним ударом окончилась неудачей. Множество «эксплуататоров» уступило место одному тотальному эксплуататору – государству, власть народа над которым оказалась призрачной¹.

Прогресс в области отношений между трудом и капиталом достигается медленно и постепенно, по мере того, как государство, предприниматели и наемные работники достигают взаимопонимания, находят цивилизованные способы согласования интересов, создают механизмы предупреждения и разрешения конфликтов и достижения социальной защищенности.

Тем не менее социальное, экономическое, а также и морально-психологическое неравенство на рынке труда остается. Можно назвать, по меньшей мере, семь признаков того, что отношения между наемным работником и работодателем являются неуравновешенными (асимметричными), что, конечно, не способствует плодотворному сотрудничеству.

Во-первых, трудовая сделка заключается на территории работодателя, а не в мифическом «пространстве»

¹ Лет 150 назад бытовало романтическое мнение, что находиться на государственной службе значит служить народу, что предпочтительнее, чем работать на частных лиц (Н.Д. Бутовский).

рынка труда. Это приводит к тому, что огромное число людей чувствуют себя просителями работы, а не полноправными партнерами работодателя.

Во-вторых, наемный работник, живущий на зарплату, не может не работать и тогда, когда зарплата намного ниже стоимости воспроизводства рабочей силы. Для человека, базовые жизненные потребности которого не удовлетворены, даже несправедливая, эксплуататорская зарплата лучше, чем ее отсутствие. М. Армстронг пишет: «Именно работодатель, как правило, обладает властью диктовать условия договора, если они не установлены коллективными переговорами. Отдельные работники, за исключением ситуаций, когда они пользуются большим спросом, имеют ограниченные возможности изменять условия контракта, навязанные им работодателем» [2, с. 214].

В-третьих, односторонняя система узаконенных штрафных санкций, которые предпринимает работодатель, считающий, что наемный работник нарушает те или иные организационные установления; само собой разумеется, что таких прав нет у наемного работника. Как видно, взаимоотношения некоторым образом меняются после заключения сделки о работе и оплате. Партнерство, пусть даже не полное, уступает место подчинению, приказу, дисциплине и т.п.

В-четвертых, лишившись работы, наемный работник переходит в категорию безработных, что сопряжено для него с серьезными материальными лишениями и душевными страданиями; работодатель же существенных неприятностей не имеет.

В-пятых, работодатель, заключив-

ший сделку с наемным работником, рассматривает его не как партнера, а как «ресурс», пусть и специфический – «человеческий», но соотносимый с другими ресурсами – финансовыми, материальными и т.д. Между тем, человек в принципе не может быть ресурсом; ресурс – это то, что служит человеку. Человек сам определяет, что для него или у него внутри (разум, благородные чувства, сильная воля, знания и умения) является ресурсом для того, чтобы справиться с внешними или внутренними трудностями.

В-шестых, продавец рабочей силы не имеет тех средств для рекламы и продвижения своего продукта, которыми располагает продавец рабочих мест. Его имиджевые (маркетинговые) возможности несопоставимо меньше и к тому же часто не используются.

И, наконец, в-седьмых, объективное доказательство – сосредоточение богатства в руках работодателей, а не наемных работников, среди которых богатых людей немного. Во всем этом нет ничего нового. Еще в Риторике Аристотеля приводится «изречение Симонида о мудрых и богатых, обращенное к жене Иерона, спросившей, каким лучше быть – богатым или мудрым? Богатым, сказал он, потому что приходится видеть, как мудрецы постоянно торчат у дверей богатых» [1, с. 61].

Таким образом, для понимания психологии рынка труда полезно принять во внимание несколько выводов.

1. Рынок труда имеет коммуникативную природу, усложненную экономическими и политическими факторами.

2. Рынок труда создается: (а) процессами психологической и социально-экономической дифференциации

людей, (б) развитием технологий и крупного производства, (в) общественно-историческими условиями организации производства и обмена.

Условиями, породившими рынок труда, явились: во-первых, разделение труда, во-вторых, естественно-психологическое деление людей на склонных к работе, которую можно выполнить в одиночку, и на склонных к делам, которые превышают возможности одного человека, и, в-третьих, неравномерное распределение в обществе средств производства, включая финансы.

Разделение труда порождает одностороннего работника (буквально «специалиста», «профессионала»), который не может продать результат своего труда конечному потребителю, поэтому разделенный труд предполагает кооперирование. И в качестве «кооператора» выступает работодатель, который организует производство и другие виды прибыльной деятельности. Есть оценочные данные, согласно которым к предпринимательству и лидерству (организаторской деятельности, управлению) предрасположено около 10 % людей.

Неравномерное распределение средств производства приводит к тому, что огромное число людей (основная масса населения), не имеющих собственности, вынуждены наниматься на работу, продавать свое умение работать. Покупают это умение как раз те,

кто склонен к координации деятельности других и кто располагает необходимыми средствами производства. Надо ли говорить о том, что эти две характеристики совпадают не всегда?..

3. Активные, трудоспособные люди в своем большинстве являются участниками рынка труда, выступая в разных ипостасях: работодателя, наемного работника, который нуждается в рабочем месте или сотрудничает с работодателем, переходит от одного работодателя к другому или уходит с рынка.

4. Профессионализм включает рыночную компетентность; с этой точки зрения подготовленность значительной части профессионалов является недостаточной – на рынке труда они беспомощны. Согласно П. Самуэльсону, «исследователи относят рынок труда к числу самых несовершенных рынков. Рабочие, как правило, оказываются несведомленными, они не знают обо всех вакантных местах работы даже в пределах своего же города» [8, с. 187].

5. Безработица является одним из атрибутов рынка труда.

6. Имеет место взаимодействие двух секторов трудового рынка: внеорганизационного и внутриорганизационного: в последнем случае рыночные «свободные» отношения смешиваются с властными отношениями; кроме того, проблемы, не решенные на одном рынке, переносятся на другой.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аристотель. Риторика. М., 1978. 132 с.
2. Армстронг М. Практика управления человеческими ресурсами. М., 2004. 831 с.
3. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 2004. 788 с.
4. Грэхем Х.Т., Беннетт Р. Управление человеческими ресурсами / Пер. с англ.; под ред. Т.Ю. Базарова и Б.Л. Еремина. М., 2003. 598 с.
5. Квеско Р.Б. Занятость населения и ее регулирование. Томск, 2008. 102 с.
6. Практикум по дифференциальной психодиагностике профессиональной пригодности.

- сти / Под ред. В.А. Бодрова. М., 2003. 768 с.
7. Психология труда / Пер. со словац. М., 1979. 216 с.
 8. Самуэльсон П. Экономика. Т. 2. М., 1992. 415 с.
 9. Управление человеческими ресурсами / Под ред. М. Пула, М. Уорнера. СПб. 2002. 1200 с.
 10. Фромм Э. Человек для самого себя // Фромм Э. Психоанализ и этика. М., 1993. С. 19–191.
 11. Хоманс Д. Социальное поведение как обмен // Современная зарубежная социальная психология. Тексты. М., 1984. С. 82–91.
 12. Эренберг Р.Дж., Смит Р.С. Современная экономика труда. Теория и государственная политика. М., 1996. 800 с.

REFERENCES

1. Aristotel'. Ritorika [Rhetoric]. М., 1978. 132 p.
2. Armstrong M. Praktika upravljeniya chelovecheskimi resursami [The practice of human resource management]. М., 2004. 831 p.
3. Bell D. Gryadushchee postindustrial'noe obshchestvo. Opyt sotsial'nogo prognozirovaniya [Future post-industrial society. Experience of social forecasting]. М., 2004. 788 p.
4. Grekhem K.H.T., Bennett R. Upravlenie chelovecheskimi resursami / Per. s angl. [Human resource management / Per. from English.]. М., 2003. 598 p.
5. Kvesko R.B. Zanyatost' naseleniya i ee regulirovanie [Employment and its regulation]. Tomsk, 2008. 102 p.
6. Praktikum po differentsial'noi psikhodiagnostike professional'noi prigodnosti [Workshop on differential psychological diagnostics of professional suitability]. М., 2003. 768 p.
7. Psikhologiya truda / Per. so slovats [Work psychology / Ed. with Slovak]. М., 1979. 216 p.
8. Samuel'son P. Ekonomika [Economy]. Vol. 2. М., 1992. 415 p.
9. Upravlenie chelovecheskimi resursami [Human resource management]. СПб., 2002. 1200 p.
10. Fromm E. Chelovek dlya samogo sebya [Man for himself] Fromm E. Psikhooanaliz i etika [Fromm E. Psychoanalysis and ethics]. М., 1993. pp. 19–191.
11. Khomans D. Sotsial'noe povedenie kak obmen [Social behavior as exchange] Sovremennaya zarubezhnaya sotsial'naya psikhologiya. Teksty [Modern foreign social psychology. Lyrics]. М., 1984. pp. 82–91.
12. Erenberg R.Dzh., Smit R.S. Sovremennaya ekonomika truda. Teoriya i gosudarstvennaya politika [Modern labour Economics. Theory and public policy]. М., 1996. 800 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Утлик Эрнст Платонович – доктор психологических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ, профессор кафедры психологии труда и организационной психологии, Московский государственный областной университет;
e-mail: e1937@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Utlik Ernst P. – Doctor of Psychology, Professor, Honored Worker of Higher School of the Russian Federation, Professor of the Department of Labour Psychology and Organizational Psychology, Moscow State Regional University;
e-mail: e1937@yandex.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Утлик Э.П. Психологический анализ рынка труда // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2016. № 2. С. 104–116.
DOI: 10.18384/2310-7235-2016-2-104-116

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

E. Utlik. Psychological Analysis of the Labour Market // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Psychology. 2016. № 2. Pp. 104–116.
DOI: 10.18384/2310-7235-2016-2-104-116

DOI: 10.18384/2310-7235-2016-2-117-123

ОБЗОР МОСКОВСКОГО МЕЖДУНАРОДНОГО САЛОНА ОБРАЗОВАНИЯ МИНИСТЕРСТВА ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Шульга Т.И.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А*

REVIEW OF MOSCOW INTERNATIONAL EDUCATION SALON OF THE MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF THE RUSSIAN FEDERATION

T. Shulga

*Moscow State Regional University
10A, Radio str., Moscow, 105005, the Russian Federation*

13 апреля 2016 года на ВДНХ состоялся Московский международный салон образования, в рамках которого работала выставка «Министерство будущего»

В рамках выставки Министерством образования и науки РФ проведен круглый стол «Подготовка родителей к приему на воспитание в семью ребенка, оставшегося без попечения родителей. Российский и зарубежный опыт», организованный Министерством образования и науки Российской Федерации, Департаментом государственной политики в сфере защиты прав детей. В заседании круглого стола принимали участие специалисты Школ подготовки кандидатов в замещающие родители, Органов опеки и попечительства, Центров сопровождения замещающих семей Российской Федерации и зарубежные специалисты из Германии, Италии, Испании. Основная задача круглого

стола была посвящена рассмотрению совершенствования качества подготовки кандидатов в замещающие родители в Школах приемных родителей.

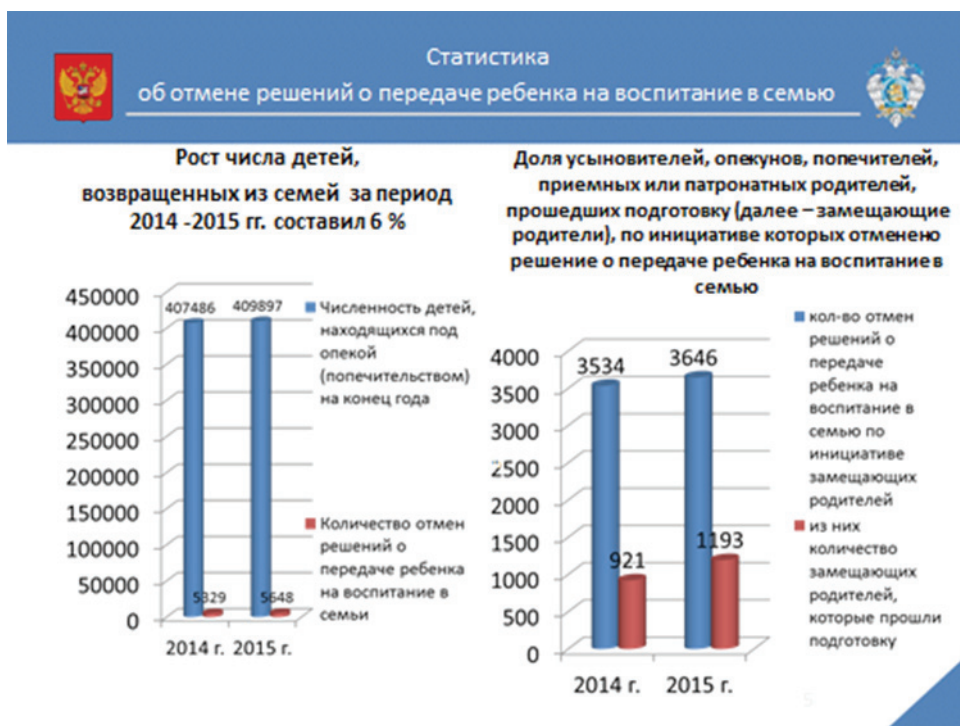
Программа деятельности Школ приемных родителей (ШПР) началась в России с 2010 г, а приказ об обязательном прохождении ШПР кандидатов в замещающие родители вступил в силу с сентября 2012 г.

На круглом столе, которым руководила Г.В. Семья, доктор психологических наук, профессор МПГУ, член Координационного совета при Президенте Российской Федерации по реализации Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 гг., сопредседатель экспертного совета Комитета Государственной Думы по вопросам семьи, женщин и детей. На круглом столе выступали Е.А. Сильянов, М.В. Лашкул, И.А. Меркуль, Т.Н.

Сапожникова, Т.И. Шульга, представители НКО из Ярославской и Тверской областей, а также из Германии, Италии и Испании.

В своем выступлении Сильянов Евгений Александрович, директор Департамента госполитики в сфере защиты прав детей Минобразования и науки РФ отметил, что основным достижением в этой области стало то, что 100 % кандидатов в замещающие родители проходят обязательную подготовку в ШПР. Министерством образования и науки РФ утверждена программа подготовки кандидатов в замещающие родители, которая включает разные блоки и рассчитана на 80,5 часов. По мнению приемных родителей, занятия в ШПР дают очень много полезной и нужной информации, помогают мотивировать родителей к принятию детей разного возраста в семьи. В то же время есть и

недостатки. В 2015 г. вернули детей в организации для детей-сирот около 5600 родителей, при этом 1800 родителей проходили школы приемных родителей, причем 90 % возвращено по инициативе замещающих семей. Вполне понятно, что мы в 2015 г. передали на семейные формы устройства 90 % детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Значительно снизилось число детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в банке данных. Таким образом, много детей мы передаем в семьи, поэтому большое количество детей и возвращают. В настоящее время стоит задача совершенствования программы ШПР, а также введение сопровождения замещающих семей с целью содействия созданию благоприятных условий в семьях, принявших детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, оказание помо-



щи замещающим семьям в кризисных ситуациях с целью сохранения ребенка в семье и профилактике вторичного сиротства. Я надеюсь, что круглый стол поможет оценить проблемы, стоящие перед Министерством образования и науки РФ и наметить новые пути решения.

В выступлении М.В. Лашкул, начальника отдела нормативного регулирования в сфере опеки и попечительства в отношении несовершеннолетних граждан Департамента государственной политики в сфере защиты прав детей Министерства образования и науки РФ, раскрыты вопросы развития законодательства в области семейного устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Министерство образования и науки РФ в настоящее время готовит ряд документов, касающихся сопровождения замещающих семей в соответствии с ФЗ № 442 и Постановлением № 481. Кроме

того готовятся документы о передаче замещающим семьям земли. Вопрос сложный, но есть основания для введения дополнений в ряд законов РФ. В настоящее время подготовлен и введен в действие Приказ Минобрнауки РФ № 235 от 13 марта 2015 г. «Об утверждении Порядка организации и осуществления деятельности по подготовке лиц, желающих принять на воспитание в семью ребенка, оставшегося без попечения родителей». Ниже представлены результаты мониторинга по применению эффективных форм и методов сопровождения семей с детьми по реализации региональных программ по адаптации детей, оставшихся без попечения родителей, в новых семьях.

Представитель Германии Юлия Рихтер Глава Представительства «Цукунфт фюр Киндер е.В.» (ФРГ) в РФ, магистр социальной работы, рассказала об организации взаимодействия и обмена опытом между приемными се-



мьями и кандидатами в усыновители. Цель данной организации – консультация семей, усыновивших либо желающих усыновить ребенка из стран восточной Европы и Азии, поддержка и помощь усыновленным детям. Взаимодействие осуществляется с помощью обучения навыков общения с усыновленными детьми, в том числе детьми с отклонениями в развитии. Формами взаимодействия являются неформальная обстановка, возможности обмена опытом воспитания усыновленных детей, поддержка в процессе после усыновления, регулярные встречи семей по месту жительства, культурные праздники.

Представители Ярославской и Тверской областей рассказали о специфике подготовки в ШПР. В 2014 году на площадках г. Твери и Тверской области прошли обучение и получили свидетельства 518 кандидатов в замещающие родители, в 2015 г. – 452 кандидата. В 1 квартале 2016 г. получили Свидетельства 87 граждан. Специфика проявля-

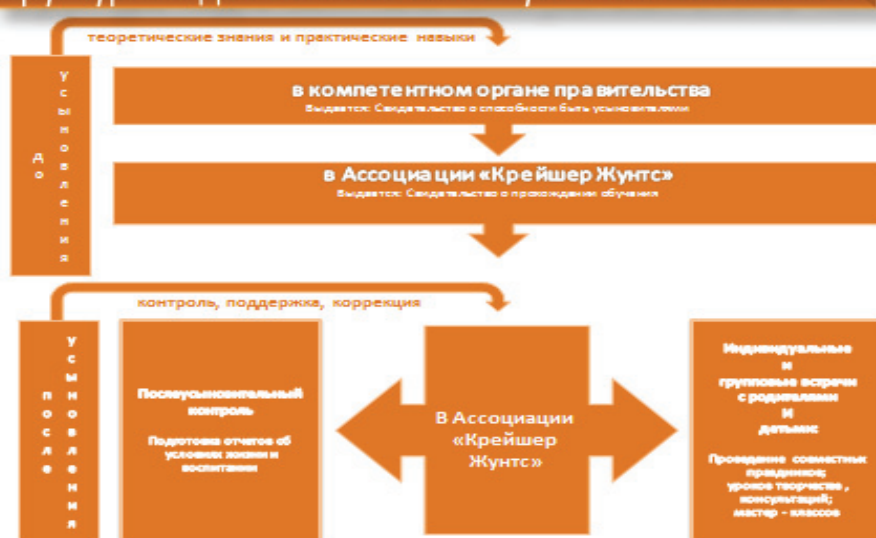
ется в формах и мероприятиях работы Центров сопровождения замещающих семей. Клуб повышения родительской компетенции и социальной адаптации детей «Психология семьи»; вебинары «Веб-воспитатель» (для семей с детьми); областные конкурсы и мероприятия для несовершеннолетних и семей. К формам подготовки родителей относится зональное обучение, дистанционное обучение и диагностика и индивидуальное консультирование.

В условиях ГБУ «Областной Центр «Семья» в 2014 году прошли обучение – 199 кандидатов, в 2015 г. – 211 кандидатов, в 2016 г. – 54 кандидата. 154 гражданина (91 семья) осуществили подбор детей, и 143 несовершеннолетних находятся в семьях.

Структура подготовки испанских усыновителей представлена Ю. Варламовой.

Особый интерес выступления Ю. Варламовой вызвала работа с семьями усыновителей после передачи ребенка в семью.

Структура подготовки испанских усыновителей в «КЖ»



Наиболее острые вопросы, связанные с передачей детей с ОВЗ в замещающие семьи, были раскрыты в выступлении Т.И. Шульги – доктора психологических наук, профессора кафедры социальной психологии Государственного образовательного учреждения высшего образования Московской области Московского государственного областного университета, члена экспертного совета Комитета Государственной Думы по вопросам семьи, женщин и детей, эксперта рабочей группы «Равные возможности для детей, нуждающихся в особой заботе государства». Она подчеркнула новые подходы к содержанию подготовки в Школах приемных родителей, которые включают подготовку родителей к построению системы взаимодействия и проживания с ребенком с ОВЗ, подготовку к организации и созданию условий, позволяющих обеспечить интегративную адаптацию ребенка с ОВЗ в социум, обеспечение замены медицинской модели на социальную – создание условий для нормальной полноценной жизни в соответствии с положениями Конвенции о правах инвалидов. Для этого необходимо ввести во все блоки программы подготовки в ШПР когнитивный, мотивационно-смысловой, эмоционально-энергетический материал, связанный с особенностями развития и воспитания детей с ОВЗ. Существует ряд проблем, которые необходимо учитывать при сопровождении замещающих семей, принявших детей с ОВЗ. К таким проблемам относятся:

- отказ законных представителей от диспансеризации подопечного;
- опекуны не всегда своевременно обращаются с детьми к узким спе-

циалистам (психиатру, стоматологу, логопеду) для оказания своевременной помощи ребенку;

- отсутствие свидетельства о регистрации подопечного по месту жительства опекуна;
- несвоевременное информирование о смене места жительства;
- неисполнение обязанности по обеспечению получения детьми общего образования;
- ослабление контроля за подопечным, его обучением, организацией свободного времени;
- игнорирование гарантий, предусмотренных законодательством, при организации досуга и летнего отдыха подопечного.

Изучение просьб приемных родителей на прошедшем Форуме приемных родителей показало, что многие из них нуждаются в дополнительной помощи. Пожелания родителей следующие: повторное прохождение Школы для приемных родителей – это пожелание высказали те родители, кто не проходил ШПР. Многие родители брали маленьких детей, дети выросли и появились проблемы, поэтому нужны новые знания о развитии и воспитании детей более старших возрастов. Многие родители просят повторения отдельных блоков программ ШПР. Нужны постоянно действующие семинары по некоторым вопросам обучения и воспитания приемных детей.

Т.Н. Сапожникова, доктор педагогических наук, руководитель Государственного бюджетного учреждения города Москвы городского научно-практического центра по защите прав детей «Детство» Департамента труда и социальной защиты населения города

Москвы (ГБУ Центр «Детство»), в своем выступлении остановилась на ряде ограничений подготовки родителей в ШПР, так как не всегда можно подготовить встречу родителей и ребенка. Родители ориентированы на принятие абстрактного ребенка, которого они себе представляют, так как они могли и не видеть конкретных детей. Родители видят только фото ребенка или видеоролик о нем. У кандидатов в замещающие родители нет возможности общаться с детьми, знакомиться с ними, поэтому для кандидатов в замещающие родители нужны дополнительные курсы по отдельным проблемам в ШПР. Они будут очень востребованы родителями, и можно выдавать им дополнительно сертификат, что они прошли такие краткосрочные курсы по проблеме воспитания подростков, или особенности детей, переживших травму.

Вопросы подготовки и необходимости обследования кандидатов в замещающие родители были раскрыты в выступлении И.А. Меркуль, кандидата психологических наук, руководителя Центра сопровождения замещающих семей Московского государственного областного университета, члена Координационного совета по реализации региональной стратегии действий в интересах детей Московской области на 2012–2017 гг., члена Общественного совета при Министерстве образования Московской области. Возможность Школ приемных родителей в проведении психологического тестирования или обследования кандидатов в замещающие родители велика в том случае, если есть квалифицированные специалисты. Сложность данного направления работы специалистов ШПР связана с тем, что на Федеральном уровне не

до конца отработан набор методик для проведения обследования. Есть сложности у многих кандидатов в замещающие родители в выполнении ряда тестов. Это связано с уровнем образования многих кандидатов, спецификой проживания, особенно в отдаленных районах сельской местности. Основные задачи психологического тестирования кандидатов – это выявление и оценка личностных и семейных ресурсов, выявление и оценка системных рисков, обусловленных индивидуально-личностными особенностями потенциального замещающего родителя, мотивами приема, особенностями функционирования семьи и т.д., прогноз эффективности гражданина в осуществлении замещающей семейной заботы о приемных детях.

Более подробно остановилась на опыте Московской области, где большинство кандидатов в замещающие родители добровольно проходят психологическое тестирование в рамках программы подготовки в ШПР (в объеме 80,5 часов), что позволяет при проведении активных методов работы выделять их конкретные проблемы. Родители, обучающиеся по программе в таком объеме, хотя многое изменить в себе и в своих взглядах.

При подведении итогов работы круглого стола Г.В. Семья поблагодарила всех за интересные и полезные выступления и обсуждения проблем подготовки замещающих родителей в Школах приемных родителей. Она выразила надежду на возможность учета предложений выступающих в подготовке новых документов Министерства образования и науки Российской Федерации.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шульга Татьяна Ивановна – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры социальной психологии, Московский государственный областной университет;
e-mail: shulgatatiana@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Shulga Tatyana I. – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Social Psychology, Moscow State Regional University;
e-mail: shulgatatiana@gmail.com

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Шульга Т.И. Обзор Московского международного салона образования Министерства образования и науки Российской Федерации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2016. № 2. С. 117–123.
DOI: 10.18384/2310-7235-2016-2-117-123

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

T. Shulga. Review of Moscow International Education Salon of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Psychology. 2016. № 2. Pp. 117–123.
DOI: 10.18384/2310-7235-2016-2-117-123



ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал «Вестник МГОУ» основан в 1998 г. На сегодняшний день выходят десять серий «Вестника»: «История и политические науки», «Экономика», «Юриспруденция», «Философские науки», «Естественные науки», «Русская филология», «Физика-математика», «Лингвистика», «Психологические науки», «Педагогика». Все серии включены в составленный Высшей аттестационной комиссией Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по наукам, соответствующим названию серии. Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатная версия журнала Вестник Московского государственного областного университета, Серия: «Психологические науки» зарегистрирована в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Полнотекстовая версия журнала, а так же архив номеров с 2008 г. по настоящее время доступна в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ «ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ»

2016. № 2

Над номером работали:

менеджер Отдела по изданию журнала «Вестник МГОУ» И.А. Потапова
литературный редактор Т.С. Павлова
переводчик Е.В. Приказчикова
корректор А.С. Барминова
компьютерная верстка А.В. Тетерин

Отдел по изданию научного журнала «Вестник МГОУ»
105005, г. Москва, ул. Радио, д.10а, офис 98
тел. (499) 261-43-41; (495) 723-56-31
e-mail: vest_mgou@mail.ru
Сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».
Тираж 500 экз. Уч.-изд. л. 7,5, усл. п.л. 7,75.
Подписано в печать: 30.05.2016. Выход в свет: 17.08.2016. Заказ № 2016/05-12.
Отпечатано в типографии МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, 10а